

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

" НА У К А "

МОСКВА - 2003

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| А.А. Зализняк (Москва). Древнейшая кириллическая азбука | 3 |
| В.С. Храковский (Санкт-Петербург). Категория таксиса (общая характеристика) ... | 32 |
| Е.С. Отин (Донецк). Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка | 55 |
| А.Н. Баранов (Москва). О типах сочетаемости метафорических моделей | 73 |
| В.Ф. Выдрин (Санкт-Петербург). Тональные системы языков манде: краткий обзор..... | 95 |
| В.М. Алпатов (Москва). Сто лет спустя, или сбываются ли прогнозы?..... | 114 |
| Г.П. Нешименко (Москва). Памяти выдающегося чешского ученого Милоша Докучилла..... | 122 |

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

| | |
|--|-----|
| М. Гиро-Вебер (Экс-ан-Прованс). <i>Е.В. Петрухина</i> . Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками..... | 132 |
| В.К. Журавлев (Москва). <i>V. Potařov</i> . Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus | 135 |
| Е.И. Голанова (Москва). <i>Н.А. Янко-Триницкая</i> . Словообразование в современном русском языке..... | 139 |
| В.Т. Клоков (Саратов). <i>A. Queffélec, Y. Derradji, V. Debov, D. Smaali-Dekdouk, Y. Cherrad-Bencheffa</i> . Le français en Algérie. Lexique et dynamique des langues | 141 |

Научная жизнь

| | |
|----------------------------|-----|
| Хроникальные заметки | 146 |
|----------------------------|-----|

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора),
В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская,
Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора),
М.М. Маковский (отв. секретарь), *А.М. Молдован, Т.М. Николаева*
(главный редактор), *В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2003 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК

ДРЕВНЕЙШАЯ КИРИЛЛИЧЕСКАЯ АЗБУКА

Настоящая работа продолжает серию публикаций [Зализняк, Янин 2001; Зализняк (в печати); Зализняк 2002], содержащих результаты прочтения Новгородского кодекса 1 четверти XI века — триптиха из трех навощенных дощечек с сохранившимся текстом, найденного 13 июля 2000 г. в ходе работ Новгородской археологической экспедиции под руководством В. Л. Янина.

Из общих сведений о кодексе укажем лишь самое важное (подробнее см. [Зализняк, Янин 2001]).

Кодекс содержит четыре восковых страницы (внешние поверхности первой и третьей дощечек служат обложками). Язык кодекса — старославянский, с восточнославянскими ошибками в передаче юсов. Графика — одноеровая: вместо Ъ и Ь используется только Ъ. Почерк единый во всем кодексе.

Кодекс содержит два рода текстов: 1) основной текст (два полных псалма и фрагмент третьего) — легко и надежно читаемый (за вычетом отдельных букв) текст на воске; 2) скрытые тексты (псалмы и другие сочинения религиозного содержания) — восстанавливаемые с чрезвычайным трудом и без полной надежности; это тексты, непосредственно процарапанные по дереву или сохранившиеся в виде слабых отпечатков на деревянной подложке воска, возникших при письме по воску. Общая длина скрытых текстов во много раз больше, чем длина основного текста.

Изучение скрытых текстов кодекса велось: 1) по оригиналу; 2) по фотографиям; 3) по сканировкам фотонегативов, выведенным на монитор компьютера; 4) по сканировкам оригинала (после его консервации), выведенным на монитор компьютера. Первый из этих вариантов изучения был ограничен коротким периодом, предшествующим передаче досок в работу по консервации дерева. На настоящий момент наибольшая информация получена третьим из этих способов.

Реставрация памятника осуществлена В. И. Поветкиным. Фотографирование оригинала выполнено Е. В. Гордюшенковым. Сканированием негативов фотографий мы обязаны В. В. Гатову, А. И. Чернову и Р. П. Коновалову, сканированием оригинала (после консервации) — С. В. Трояновскому. В марте 2002 г. используемые нами сканировки были дополнительно обработаны под руководством проф. Алана Боумана в Центре изучения древних документов Оксфордского университета по программе улучшения видимости надрезов.

Задача прочтения скрытых текстов Новгородского кодекса сопряжена с совершенно особыми трудностями, отсутствующими при обычной работе с древним текстом. Подробному разбору этой проблемы посвящен целый большой раздел работы [Зализняк 2002]. Здесь мы только напомним важнейшее.

Трудность восстановления скрытых текстов Новгородского кодекса определяется прежде всего тем, что отпечатки букв на дереве плохо видимы. Но еще большую трудность для восстановления текста, чем слабость отпечатков на дереве, составляет то, что воск кодекса заполнялся сменяющими друг друга текстами много раз и все возникавшие при этом наборы отпечатков на дереве наложены друг на друга. Иначе говоря, Новго-

родский кодекс представляет собой род палимпсеста. Однако от обычных палимпсестов (где наложено друг на друга два-три текста) он отличается тем, что слоев в нем во много раз больше. Этот особый частный случай палимпсеста можно назвать *гиперпалимпсестом*.

Дополнительная трудность по сравнению с классическим палимпсестом состоит в нашем случае в том, что почерк во всех слоях записи один и тот же, поэтому разделение слоев на основании почерка здесь невозможно.

Индивидуальная особенность писца Новгородского кодекса состоит в том, что он обычно записывал (по причинам, о которых мы можем только строить предположения) один и тот же текст многократно, стирая каждый раз предшествующую запись. В результате среди следов на доске имеются так называемые *дубли*, т. е. одинаковые записи, расположенные либо практически на одном и том же месте доски, либо с небольшим сдвигом по вертикали и/или по горизонтали.

Основной текст Новгородского кодекса опубликован в [Зализняк, Янин 2001]. Что касается скрытых текстов, то их прочтение представляет собой столь сложную и медленную операцию, что они публикуются частями по мере продвижения этой работы.

Настоящая статья посвящается азбукам (и числовым рядам), входящим в состав скрытых текстов Новгородского кодекса. Изучению старейших кириллических азбук нами была посвящена специальная работа [Зализняк 1999]; но все они относятся к более позднему времени, чем Новгородский кодекс. Ныне мы имеем возможность пополнить это исследование материалом самых древних из ныне известных кириллических азбук.

Но конкретному изучению записанных в Новгородском кодексе азбук в настоящей статье предпослан большой раздел, где рассматривается более общий вопрос о виде букв на воске и их отпечатков на дереве и дается серия иллюстраций, позволяющая продемонстрировать некоторые приемы распознавания и восстановления скрытых элементов кодекса. В предшествующих публикациях не было иллюстраций, относящихся к скрытым текстам Новгородского кодекса, и читатель еще не мог получить прямого зрительного представления об их специфике. Настоящая работа восполняет этот пробел. Мы надеемся, что читатель сможет теперь, с одной стороны, непосредственно оценить, насколько работа по восстановлению скрытых текстов труднее, чем прочтение обычного памятника, с другой — убедиться в том, что мы имеем дело с задачей хоть и очень трудной, но не химерической.

Таким образом, статья фактически посвящена решению не одной, а двух задач: документировать техническую сторону работы над Новгородским кодексом и продемонстрировать один из важных результатов этой работы — древнейшую кириллическую азбуку.

Поскольку ниже рассматриваются записи как под восковым покрытием, так и на полях, в настоящей публикации, в отличие от работы [Зализняк 2002], местоположение той или иной буквы скрытого текста в кодексе задается по отношению ко всей доске в целом (а не к одной лишь "зоне воска", т. е. заполненному воском ковчезцу). Конкретно оно указывается так: называется страница кодекса (от 1 до 4) и расстояние в миллиметрах по вертикали от верха данной буквы до уровня самой верхней точки доски ("положение по высоте") и по горизонтали от левого края данной буквы до уровня самой левой точки доски ("положение по ширине")¹. Уровнем строки (по высоте) считается уровень верха этой строки на ее левом краю.

К сожалению, ситуация с Новгородским кодексом такова, что указание координат некоторой точки доски в миллиметрах подлинника не всегда обеспечивает возможность

¹ Полезно указать координаты (в этой системе) левого верхнего угла зоны воска на каждой странице: страница 1 — по высоте 20,5 мм и по ширине 14,5 мм, страница 2 — 24 и 14,5, страница 3 — 18 и 19,5, страница 4 — 18,5 и 16.

правильно отыскать в дальнейшем именно эту точку. Причин этого две: 1) с течением времени происходит усыхание и деформация дерева (вдобавок, неодинаковые в изменении вдоль волокон и поперек волокон); этот процесс уже несколько изменил размеры и форму подлинника по сравнению с его первыми фотографиями, и он неизбежно будет в какой-то мере продолжаться, несмотря на усилия хранителей; 2) каждая доска кодекса ныне состоит из двух фрагментов, которые невозможно сомкнуть совсем без зазора, не повредив подлинника; но этот зазор на разных фотографиях несколько различен.

В этой ситуации для строгой фиксации некоторой точки той или иной доски кодекса необходимо не просто ссылаться на подлинник, а указывать также и ту фотографию, по которой произведены измерения. Заметим, что ссылка на конкретную фотографию нужна еще и потому, что на разных фотографиях одно и то же место подлинника видно по-разному: одни отпечатки более заметны, другие менее. Итак, приводимые нами координаты тех или иных точек — это их координаты на некоторой конкретной фотографии. Реально мы пользуемся теперь уже не самими фотографиями, а сканировками (в компьютерной форме) их негативов; таким образом, средством идентификации фотографий служат имена соответствующих файлов. Ниже координаты точек указываются, если специально не оговорено иное, по файлам, именуемым: str1-1, str2, str3, str4 (соответственно странице кодекса). Эти файлы отражают фотографии, сделанные в августе 2000 г. и отстоящие от даты находки примерно на 40 дней. Файлы, обработанные в Оксфордском Центре изучения древних документов, имеют помету Oxf.

Буквы основного текста на воске

Основной текст на воске содержит два слоя записи: первый (сверху, т. е. самый поздний) — это псалмы 75 и 76, занимающие три с половиной страницы кодекса из четырех; второй (предшествующий по времени) — фрагмент псалма 67, занимающий последние шесть строк в конце 4-й страницы (это конец прежней записи, который при заглаживании воска для записи псалмов 75 и 76 остался нетронутым, поскольку расчищенного места уже было достаточно). Буквы второго слоя несколько меньше и выписаны чуть менее тщательно.

В таблице 1 демонстрируются начертания букв основного текста на воске. Они служат в дальнейшем отправной точкой во всей работе над скрытыми текстами. Для каждой буквы алфавита выбрано несколько наиболее сохранных экземпляров, представляющих наличные в тексте варианты начертания данной буквы. Первыми даются самые обычные для данного почерка варианты. Затем за знаком + приводятся редкие варианты (если таковые имеются). Далее за знаком □ могут быть даны экземпляры букв, относящихся ко второму слою записи. Мы приводим из их числа только те варианты начертания, которые не представлены (или представлены лишь очень редко) в первом слое записи.

Каждое изображение буквы представляет собой вырезку из сканированного воспроизведения фотографии оригинала. Элементы соседних букв, попадающие в эту вырезку, по возможности устранены (обычно просто отрезаны).

Увеличение для большинства изображений — около 2,2× (для некоторых изображений немного меньше или больше). Отметим, что размер букв на воске (даже в рамках первого слоя записи) подвержен значительным вариациям.

Следует учитывать, что из-за ограниченности общего объема основного текста некоторые буквы (в частности, S и Ф) в нем вообще не встретились. Другие (например, I, Ю, Я, Ѡ) встретились, но всего один-два раза. У буквы ИЖ, которая в данном почерке имеет (по крайней мере, в одном из своих вариантов) весьма необычную конфигурацию, к сожалению, все наличные экземпляры в той или иной мере повреждены.

Ради экономии места некоторые буквы, представленные малым числом образцов (I, Ц, Ю, Ѡ), даны не на отдельной строке, а на конце предшествующей строки.

А А А А + А А А А □

Б Б Б Б Б Б + Б

В В В В В В + В

Г Г Г Г + Г

Д Д Д Д Д Д + Д □

Е Е Е Е Е □

Ж Ж Ж Ж

З З З З + З

И И И И И

К К К К К К + К

Л Л Л Л Л Л

М М М М М М М М

Н Н Н Н Н + Н □

О О О О О + О □

П П П П П П

Р Р Р Р Р Р + Р

С С С С С С С С

Т Т Т Т Т Т Т Т

У У У У У У У У

Ф Ф Ф Ф Ф Ф + Ф

Х Х Х Х Х Х Х Х

Ц Ц Ц Ц Ц Ц Ц Ц

Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч Ч

| | | |
|---|--|---|
| С | | |
| Т | | |
| У | | + |
| Х | | Ц |
| У | | |
| Ш | | |
| Щ | | |
| Ъ | | + |
| Ы | | |
| Ь | | |
| Ѧ | | + |
| Ѩ | | Ю |
| Ѫ | | |
| Ѭ | | + |
| Ѯ | | Ѱ |

В таблице I мы стремились отразить как можно больше замеченных вариаций в начертании одной и той же буквы. Несмотря на это, бросается в глаза, напротив, чрезвычайная устойчивость начерков каждой из букв алфавита, на фоне которой варьирование, как правило, оказывается весьма незначительным. Наряду с собственно каллиграфическими достоинствами письма, это служит верным свидетельством высокого профессионализма писца.

Буквы скрытых текстов

Как уже было указано, имеется две категории скрытых текстов Новгородского кодекса — непосредственно процарапанные на деревянных полях (бортиках) и сохранившиеся в виде следов на деревянной подложке от записей, сделанных на воске. Последние очевидным образом многослойны, поскольку записи на воске постоянно стирались и сменялись новыми и отпечатки каждой следующей записи накладывались на отпечатки предшествующих записей. Но, вопреки ожиданию, многослойными оказались также и записи на бортиках. Как именно возникала эта многослойность, в точности неизвестно. Можно предполагать, в частности, что от постоянного прикосновения пальцев процарапанные на бортиках записи со временем замусоливались и становились трудноразличимыми и тогда владелец кодекса обводил свою запись еще раз (если она ему была все еще нужна) или просто делал на том же месте какую-то другую запись. Но возможно также, что писавший просто пренебрегал наличием другой записи; так, на стенах церковей нередко одна надпись процарапана прямо поверх другой, т.е. в условиях, когда предшествующая запись была несомненно полностью видима; см., например, [Высоцкий 1966, табл. XXI.3, XXV.1, Высоцкий 1976, табл. XXVI, LIV] и др. Так или иначе, мы реально обнаруживаем ныне на бортиках почти такую же картину множественного наложения друг на друга различных записей, как на дереве под воском.

Следует учитывать, что владелец использовал кодекс очень долго — по оценке В. И. Поветкина, два-три десятилетия или более (судя по степени износа дерева). За это время и под воском и на бортиках оказалось уже очень много слоев записей.

В настоящее время следы на дереве в этих двух категориях записей внешне мало отличаются друг от друга. Основное различие в том, что износ дерева на бортиках больше, чем под воском, поэтому конфигурации букв на дереве иногда бывают несколько более размытыми или рваными. С точки зрения наших задач обе эти категории следов на дереве представляют практически одинаковые трудности, и ниже мы рассматриваем их вместе.

Для демонстрации того, как выглядят буквы скрытых текстов, ниже приводится ряд примеров — как отдельных букв, так и их последовательностей. Следует, впрочем, иметь в виду, что в печатном воспроизведении эти буквы видны несколько хуже, чем на экране компьютера (не говоря уже о том, что, в отличие от экрана, в печати приходится ограничиваться умеренным увеличением).

Читатель быстро убедится в главной особенности предлагаемых изображений, затрудняющей их восприятие: помимо интересующей нас буквы на них видны многочисленные элементы других букв и даже целые буквы — расположенные чуть выше, ниже, левее или правее нашей буквы, но иногда даже в точности совпадающие с ней по расположению. Понятно, что иначе и не может быть в ситуации, когда наложились друг на друга следы многих слоев записи. Часть "чужих" штрихов видна слабее, чем элементы нашей буквы, но некоторые из них могут быть столь же или даже более заметны.

Поэтому, глядя на такое изображение, посторонний наблюдатель нередко заявляет, например: «У вас сказано, что это Т; а я вижу здесь М, а не Т». И он прав в том смысле, что М в выделенном участке доски действительно имеется (оно принадлежит какому-то "чужому" слою записи). Но для нас существенно лишь то, что здесь имеется также и Т. Таким образом, наша цель состоит не в том, чтобы читатель пришел к выводу: «Да,

здесь стоит именно Т и ничто иное», а только в том, чтобы он признал: «Да, я вижу здесь, среди прочих фигур, также и букву Т».

Чтобы облегчить читателю решение этой задачи, мы применяем ряд технических приемов. Прежде всего, используется прямоугольная вырезка из фотографии, охватывающая именно ту букву, которая нас в данный момент интересует. Вырезка делается так, чтобы по возможности тесно ограничить эту букву со всех четырех сторон. Соответственно, наша буква всегда занимает вырезку почти целиком (по краям оставляется лишь небольшой зазор, необходимый для того, чтобы линии буквы не сливались с линиями обреза). Это значит, что читатель уже не должен обращать внимания на тех "конкурентов" нашей буквы, которые отличаются от нее по месту расположения или по размеру — например, явно смещены в какую-нибудь сторону от центра вырезки или заметно меньше по размеру, чем того требует вырезка.

Далее, могут быть отрезаны (ломаными или кривыми линиями) некоторые зоны прямоугольника, в которых нет элементов нашей буквы, зато имеются мешающие восприятию элементы "чужих" букв. (В этом случае опять-таки оставляются зазоры, чтобы линии буквы не сливались с линиями обреза.) Отрезание может быть заменено затемнением соответствующих зон. При этом границы затемнения делаются достаточно резкими, чтобы было сразу заметно, какие зоны исключены.

Интересующий нас участок фотографии (содержащий изучаемую букву) можно и не вырезать, а просто выделить на самой фотографии. Для этого либо просто используется черная рамка, либо буква обводится (с небольшим зазором) кривой или ломаной контурной линией и ограниченный этим контуром участок высветляется (и тем самым выделяется из фона).

В качестве вспомогательного средства может использоваться также прорись, т. е. воспроизведение от руки тех штрихов (из числа видимых на фотографии), которые, с нашей точки зрения, составляют изучаемую букву. Заметим, что в силу специфики ситуации наши прорисы носят слегка упрощенный характер: штрихи изображаются несколько более гладкими, чем они реально выглядят на неровной поверхности волокон древесины. Штрихи, которые фиксируются ненадежно, на прорисы либо просто опускаются, либо обозначаются пунктиром.

Разумеется, следует учитывать, что любая прорись, в отличие от фотографии, по своей природе представляет собой субъективный документ. При этом в нашем случае элемент субъективности выше, чем, скажем, в прорисях берестяных грамот, поскольку при работе с берестой прорисовщик должен только отличить след писала от естественных морщин и трещин, тогда как при работе с гиперпалимпсестом речь идет о том, чтобы, кроме того, выбрать определенные штрихи из совокупности штрихов, с физической точки зрения однотипных. Так, вполне возможны, скажем, сомнения, какая именно из нескольких видимых на доске поблизости друг от друга дужек была петлей рассматриваемой нами буквы Р, и т. п. В деталях такого рода наши прорисы, конечно, могут иметь какие-то погрешности против оригинала.

Таким образом, изображения отрезков скрытого текста могут быть ниже даны следующими способами:

1. Фотография изучаемого отрезка вместе с окружающими участками доски (без какого-либо выделения). К сожалению, это наименее эффективный способ представления: неподготовленный наблюдатель в этом случае чаще всего не видит вообще никаких букв.

2. То же с заключением каждой изучаемой буквы в прямоугольную рамку (и, если необходимо, изменением яркости, интенсивности, контрастности и резкости ограниченного рамкой участка). Тем самым указывается местонахождение изучаемой буквы, а также ее размер и общий тип конфигурации. Если рассматривается всего лишь одна буква, то роль рамки могут исполнять просто границы вырезки из фотографии.

3. То же (с рамкой или без нее) с заключением букв в криволинейный контур, приблизительно повторяющий конфигурацию буквы, и затемнением или отрезанием не входящих в этот контур участков. Понятно, что в этом случае читатель уже без труда догадывается, какая именно буква (или малая группа букв) имеется в виду. В связи с этим следует помнить, что высветленный или вырезанный контур — это еще не сама скрытая буква, а всего лишь удобное средство выделить те штрихи, из которых она состоит.

4. Прорись. Этот способ представления предназначен для той же цели, что и предыдущий, но достигает ее более прямолинейно.

Еще раз подчеркнем здесь, что мы не претендуем на то, чтобы по нашим фотографическим воспроизведениям (по крайней мере, первого и второго типа) читатель сам повторил работу по определению того, какая буква или какое слово написано на демонстрируемом участке поверхности дерева. Это слишком трудная задача. Мы добиваемся только того, чтобы читатель убедился в наличии, среди прочих возможностей, того прочтения, которое мы предлагаем.

Изображения типа 1 по указанной выше причине мы используем очень редко (примером может служить левый столбец на рис. 4). Изображения типов 2–4 демонстрируются ниже на примере одной относительно хорошо видимой буквы, а именно, на рис. 1 представлена (в очень сильном увеличении) буква З из слова ЗАКОНЪ, сохранившегося в виде следов под воском на странице 1. Выбран пример, где буквы из других слоев (неизбежно присутствующие на любом участке доски) мешают не слишком сильно.

Слева — изображение типа 2: вырезка из фотографии, тесно охватывающая изучаемую букву. Следуют два изображения типа 3: на одном контур намечен лишь частично, а именно, легким затемнением отделена часть лишнего пространства; на другом буква заключена в тесный криволинейный контур, с затемнением всего остального пространства вырезки. Последним дано изображение типа 4, т. е. прорись.

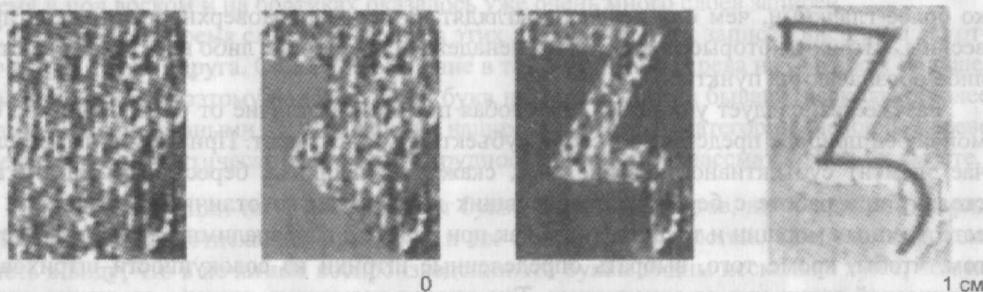


Рис. 1. Фрагмент страницы 1 (от 143 до 147,5 мм по вертикали, от 85,5 до 89 мм по горизонтали); буква З — отпечаток на доске. Увеличение около 7х.

Глядя лишь на вырезку из фотографии, одни наблюдатели увидят букву З, другие нет. Но после обращения к трем последующим изображениям разглядеть эту букву на вырезке уже не составит труда.

Приведем еще два примера, иллюстрирующих работу со скрытыми текстами Новгородского кодекса.

На рис. 2 показан участок доски (а именно, страницы 3), на котором осталась неснятой часть воска и можно видеть одновременно буквы на воске и отпечатки соседних букв того же слова на доске.

На этой странице в тексте на воске конец строки 19, строку 20 и начало строки 21 занимал стих 16 псалма 76, выглядевший в данном кодексе так: **ИЗБАВИЛЬ ЕСИ МЫШЦЕЮ**

люди твоя сны иакова иосифовы. На снятом островке воска читаются буквы ЮДИ (из люди, строка 20) и буква Ё (из |сифовы, строка 21). На рис. 2 поверхность этого островка — более светлая, чем у освобожденной от воска доски. Слева от буквы Ё из слова иосифовы на доске можно рассмотреть заключенные в черные рамки следы букв О и В из того же слова иосифовы (хотя они и не столь четки, как отпечаток буквы З на рис. 1). Чтобы облегчить читателю распознавание этих следов, во-первых, обведенные рамками участки даны с пониженной яркостью и повышенной контрастностью, во-вторых, рядом показаны небольшие участки основного текста на воске (из других мест кодекса), иллюстрирующие типовые начертания букв О и В, а также часто встречающийся способ расположения буквы В относительно соседних букв.

Рис. 2 иллюстрирует, таким образом, возможность восстановления хотя бы некоторых букв (в данном случае ОВ из слова иосифовы) по их отпечаткам на деревянной подложке. При этом для нас особенно существенно то, что в данном случае буквы ОВ на доске — это явно следы той самой записи, от которой сохранилась буква Ё на поверхности воска; здесь это не требует каких-либо сложных доказательств.



Рис. 2. Фрагмент страницы 3 (от 133 до 149,5 мм по вертикали, от 35,5 до 54 мм по горизонтали): буквы ЮДИ на воске (из люди) и ОВЪ (из иосифовы), где Ё на воске, а ОВ — отпечаток на доске. Увеличение 3,2х. Внизу для сравнения показаны буквы ОСВ и ВЪ на воске (из других мест кодекса).



Рис. 3. Правый край верхнего бортика страницы 2 с видимой буквой Ё: обычная фотография и фотография, где путем высветления и повышения контраста выявлены следы буквы Р. Увеличение 1,45х.

На рис. 3 дважды показан один и тот же участок верхнего поля (бортика) страницы 2. На этом участке находится единственная во всем кодексе хорошо сохранившаяся (легко заметная невооруженным глазом) буква из числа процарапанных прямо по дереву — Ё. Она ясно видна даже и на верхней фотографии, которая не подвергалась никакому препарированию. Видны, кроме того, линии разметки (не очень ровные), которые процарапал писец перед тем, как записать слово, кончавшееся этим Ё. Но никаких букв из этого слова, кроме Ё, на верхней фотографии разглядеть не удастся. На нижней фотогра-

фии повышена контрастность и высветлено пространство вокруг буквы, стоящей перед Ъ; видно, что это Р (для удобства сравнения высветлена также и зона самого Ъ).

Рис. 3 иллюстрирует, таким образом, возможность восстановления некоторых почти угасших букв, процарапанных прямо по дереву.

Воспользуемся последней иллюстрацией также для того, чтобы разъяснить важнейший принцип нашей работы по восстановлению скрытых текстов кодекса. Речь идет о том, каким способом мы выявляем ту или иную букву, принадлежащую изучаемому скрытому тексту. Как нам удалось выявить букву Р, стоящую перед Ъ? Простейшая схема состояла бы в том, что мы высвечиваем зону слева от Ъ и самые яркие из штрихов, замеченные в этой зоне, складываются в букву Р. К сожалению, эта прямолинейная схема не работает: штрихи, принадлежащие "истинной" букве (т. е. относящейся к "нашему" слою), вовсе необязательно ярче всех прочих. Выявление этой буквы (в данном случае Р) в действительности обеспечивается иным, несравненно более сложным путем, а именно, установлением всего слова, от которого сохранилось конечное Ъ. В данном случае этим словом является заголовок *пъсалтъръ* — это было установлено в ходе перебора большого числа гипотез, когда удалось найти следы всех десяти букв этого заголовка. И только в рамках этого целостного решения появляется возможность относительно надежно установить, какие именно из видимых штрихов принадлежат буквам "нашей" записи. И таким же непрямым и трудоемким способом мы вынуждены действовать при выявлении очередной буквы текста и во всех прочих случаях. (Подробнее о процедуре восстановления скрытых текстов см. [Зализняк 2002].)

Обратим внимание еще и на следующее. В данном случае, как и во многих других, обнаруживаются следы того, что текст (здесь — заголовок *пъсалтъръ*) был записан в этом месте кодекса не один раз, а не менее двух. В частности, если внимательно взглядеться, то можно заметить (как на одной, так и на другой фотографии), что правее петли выделенной нами буквы Р имеются следы петли еще одного Р, равно как правее хорошо видимого Ъ имеются слабые следы еще одного Ъ. Подобная ситуация чрезвычайно характерна для скрытых текстов кодекса.

Образцы скрытых букв

В приводимой ниже таблице 2 содержится некоторое количество изображений скрытых букв Новгородского кодекса. Подбор образцов для этой таблицы был операцией весьма трудоемкой. Разумеется, любая буква алфавита встречается в скрытых текстах множество раз. Но примеров, когда на интересующую нас букву не "наезжает" никакая другая, нет вообще; и нелегко найти даже такой пример, где буквы, "наезжающие" на нашу, хотя бы не слишком затемняли облик этой буквы. Мы стремились полнее проиллюстрировать буквы сложной конфигурации, например, В, М, Ѡ, где исключена возможность принять за букву некоторое случайное соединение имеющихся на дереве штрихов (в отличие от букв простого строения, типа Т или Л).

В таблице 2 в каждой строке (или группе строк) первое изображение — это образец из числа букв на воске, а последующие — примеры той же буквы из скрытых текстов. (Образец призван упростить поиск соответствующего начертания у скрытой буквы; если же скрытая буква обнаруживает какой-то иной вариант начертания, то следует обращаться непосредственно к таблице 1.) Примеры взяты как из отпечатков на дереве под воском, так и из следов записей, процарапанных на бортиках; тех и других примерно одинаково. (Приводить в настоящей статье "адреса", т. е. координаты, каждого отдельного изображения мы сочли излишним.)

Для букв S и Ф образцов на воске нет: как уже отмечено, в основном тексте эти буквы не встретились.

Условимся обозначать включенные в таблицу изображения как А2, Ж4 и т. п., указывая букву алфавита и номер в соответствующем ряду (считая и образец на воске).

Писец Новгородского кодекса умел писать как крупно, так и мелко. Первый слой основного текста на воске написан крупно, второй — несколько мельче. Среди скрытых текстов лишь немногие написаны крупно, большинство же сравнительно мелко (некоторые даже совсем мелко — буквами порядка 1 мм в высоту; можно только поражаться способности писца даже и в этом случае соблюдать каллиграфию). В связи с этим в таблице 2 ради зрительного удобства использованы разные масштабы увеличения: для скрытых букв в нормальном случае дано увеличение около 5х, а для букв на воске — только около 3,7х².

В некоторых клетках таблицы 2 (скажем, М2 или О2) увидеть на нашей вырезке скрытую букву не составляет труда. Но многие другие изображения в первый момент покажутся читателю просто участками пятнистого или крапчатого фона, на котором никаких букв нет. Чтобы увидеть букву, здесь необходимо некоторое время вглядываться; как показывает опыт, в результате обычно уже удается рассмотреть те штрихи, которые принадлежат именно этой букве.

В большинстве случаев вырезка из фотографии включена в таблицу как есть, без дополнительной обработки; но там, где выделить нужные штрихи среди "чужих" труднее, чем обычно, изображение дано с затемнением (или отсечением) ненужных участков.

При отыскивании штрихов следует учитывать, что отпечатки штрихов могут выглядеть и как темные линии на более светлом фоне, и наоборот — это зависит от освещения при фотографировании. Преобладает первое, см., например, В3, Ж2 и т.п.; примеры второго — Р5, Ч6, Ё6. Но довольно часто сам след штриха включает светлый и темный компоненты, создавая тем самым стереоскопическое впечатление рельефа (канавки или брустера); вот некоторые из ярких примеров: Б5, S2, М2, О3.

Толщина штриха сильно варьирует — от тонкой царапины, как в Е4, Об, до толстого неровного продавленного следа, как в В3, Г2, Ж2.

Как уже указывалось, наряду с интересующей нас буквой иногда может быть более или менее явственно видна и какая-то другая буква из "чужого" слоя. Например, в клетке Т5, помимо буквы Т, видна также буква М, расположенная ровно на том же месте, что и Т (о случаях, когда видна только какая-то часть "чужой" буквы, мы уже даже не говорим). Описанные выше технические приемы снимают значительную часть нежелательных эффектов этого рода; но избежать их полностью в данной ситуации практически невозможно.

Азбука

Владелец Новгородского кодекса выписывал азбуку многократно — как на воске, так и на деревянных бортиках. Вероятно, это был для него один из наиболее привычных и любимых видов письменной деятельности. Некоторые из таких записей, возможно, служили образцами при обучении грамоте. С другой стороны, сама операция выписывания азбуки могла иметь в глазах писца также и некое сакральное значение.

В частности, азбуки на бортиках (или по крайней мере какие-то их фрагменты) обнаружены почти на всех полях всех четырех страниц кодекса. На верхних и нижних полях (равно как на воске) азбуки записывались по горизонтали, на левых и правых полях — чаще по вертикали, но иногда также мелкими буквами по горизонтали (в несколько строк).

² Но отдельные изображения, неудобные для таблицы, выведены из указанных норм. Так, самые крупные буквы (В2, Ж2, S1, 3-3, Ф1, Ц4, Ч3, Ш5, Ё2 и некоторые другие) увеличены меньше общей нормы, несколько мелких (в частности, М2, М7, П2, Ш2) — больше нормы.

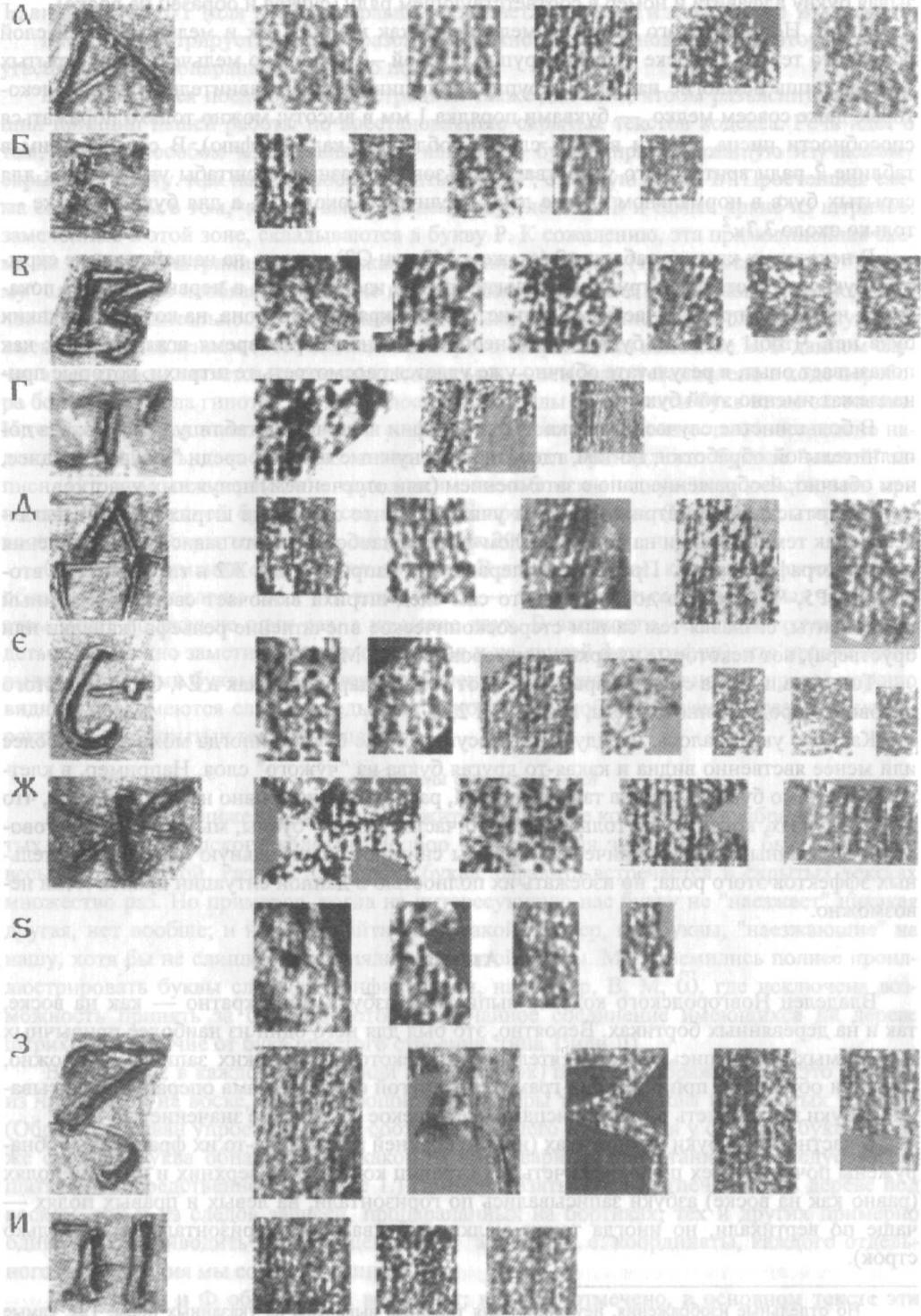
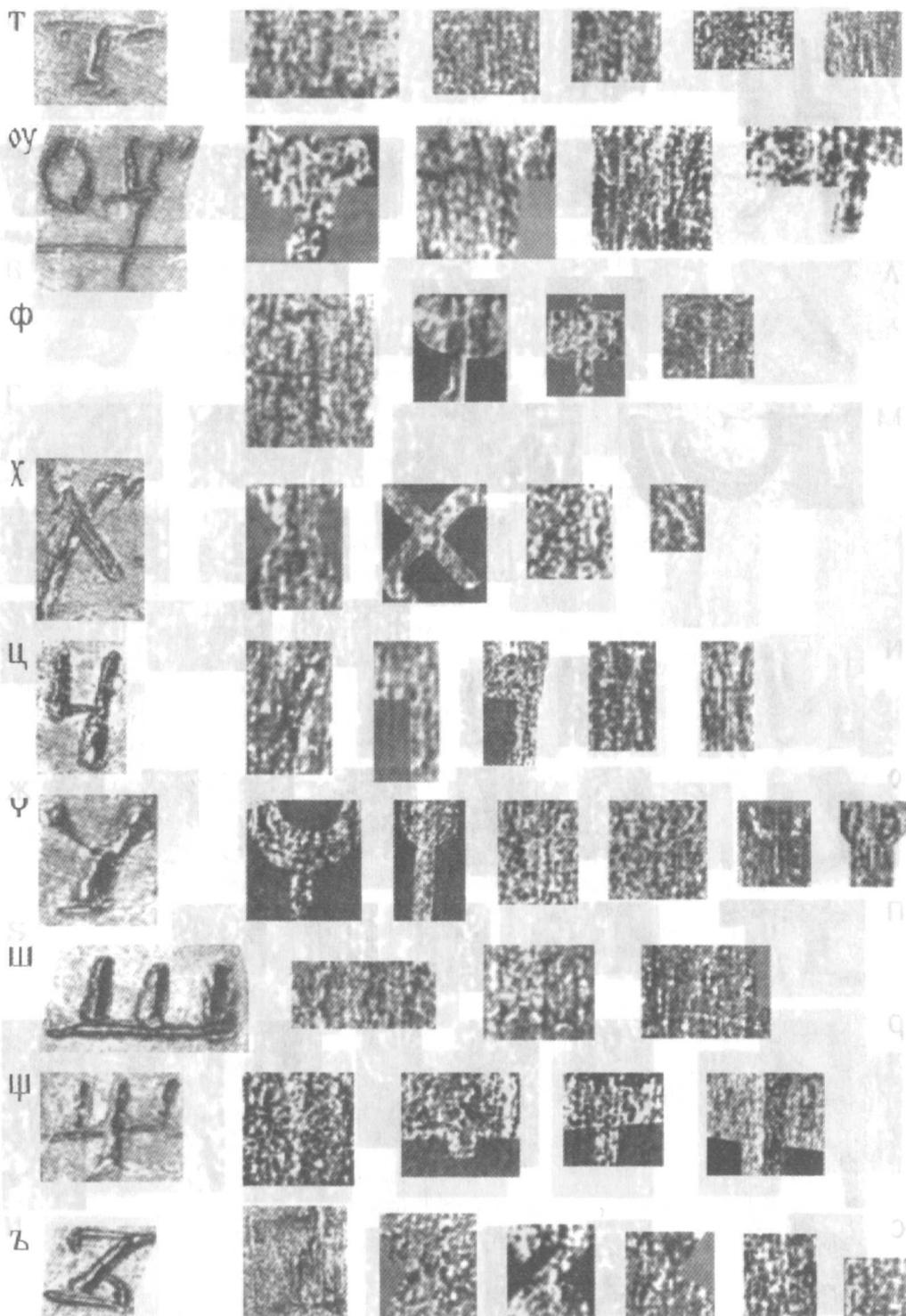
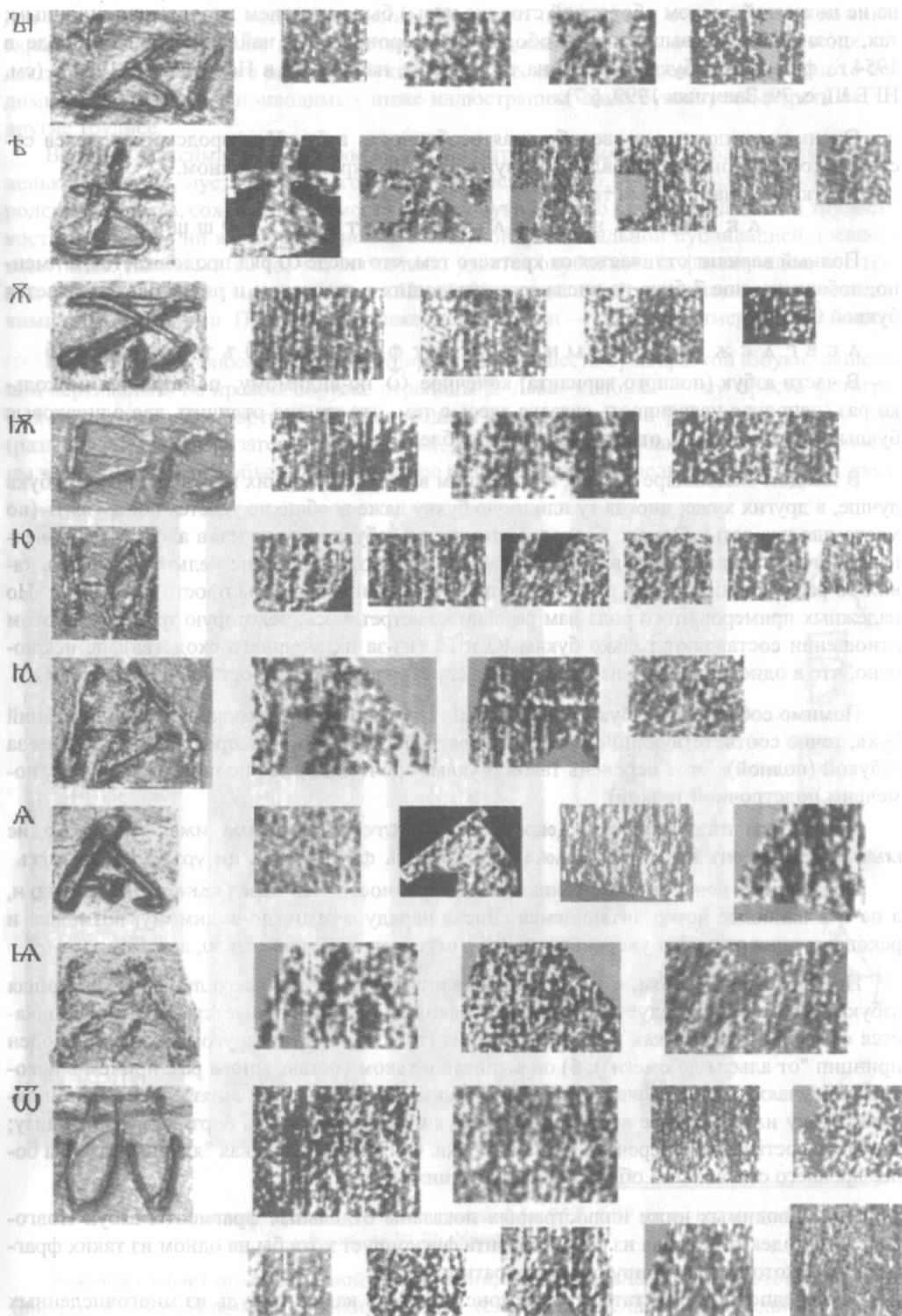


Рис. 1. Разложение букв на составляющие их элементы. А) вертикальный, Б) горизонтальный, В) диагональный, Г) горизонтальный, Д) вертикальный, Е) горизонтальный, Ж) диагональный, З) горизонтальный, И) вертикальный, S) горизонтальный.

| | | | | | | | | |
|---|--|--|--|--|--|--|--|---|
| Ï | | | | | | | | Т |
| К | | | | | | | | |
| Л | | | | | | | | Ф |
| М | | | | | | | | |
| Ю | | | | | | | | |
| Н | | | | | | | | |
| О | | | | | | | | У |
| П | | | | | | | | Ш |
| Р | | | | | | | | |
| С | | | | | | | | |





Заметим, что выписывать азбуку на деревянных поверхностях цер (на бортиках или на не покрытой воском оборотной стороне церы) было занятием вполне традиционным; так, полная азбука выписана на оборотной стороне церы, найденной в Новгороде в 1954 г., фрагмент азбуки вырезан на торце церы, найденной в Новгороде в 1984 г. (см. НГБ III, с. 79; Зализняк 1999, § 7).

Очень неожиданная и своеобразная особенность азбук Новгородского кодекса состоит в том, что они представлены в двух вариантах: кратком и полном.

Краткий вариант азбуки таков:

а б в г д е ж з з и ї к л м н о п р с т о у ф х ц ч ш щ ѿ

Полный вариант отличается от краткого тем, что после ѿ ряд продолжается, а именно, добавлено еще 7 букв из числа отсутствующих в греческом и ряд вновь замыкается буквой ѿ:

а б в г д е ж з з и ї к л м н о п р с т о у ф х ц ч ш щ ѿ ѡ ѣ ж ю ѡ а ѿ

В части азбук (полного варианта) конечное ѿ, по-видимому, повторяется несколько раз (неполная уверенность связана здесь с тем, что трудно отличить две одинаковые буквы, идущие подряд, от букв из разных дублей).

В каждом экземпляре азбуки, выявленном в кодексе, в одних местах видимость букв лучше, в других хуже; иногда ту или иную букву даже вообще не удается обнаружить (но место для нее есть). Однако благодаря тому, что азбук много, состав алфавита в конечном счете устанавливается вполне надежно. Конечно, в принципе нельзя исключать каких-то расхождений между разными записями азбуки — хотя бы просто по ошибке. Но надежных примеров этого рода нам реально не встретилось; некоторую трудность в этом отношении составляют только буквы Ю и ЁА (из-за их внешнего сходства): не исключено, что в одном или двух из выявленных списков азбуки ЁА поставлено впереди Ю.

Помимо собственно азбуки, в нескольких случаях выявлен также перечень названий букв, точно соответствующий по составу краткой азбуке. Он непосредственно следует за азбукой (полной). Этот перечень таков (буквы, прочтенные без полной надежности, помечены подстрочной точкой):

а з ѡ б о у кы в ѣ д ѣ глаголи д о б р о е с т ѣ ж и в ѣ т е с ѣ л о з е м л я и ж е и к а к о л ю д и е м ы с л и т е н а ш ѣ о м ѣ п о к о и р ѣ ц и с л о в о т в р ѣ д о о у к ѣ ф р ѣ т ѣ х ѣ р ѣ ц и ч р ѣ в ѣ ш а ѡ а ѡ т ѣ

Пояснения к ненадежным чтениям: нет уверенности, что перед како стоит именно и, а не ї; в наиболее четко читающемся списке наряду с рѣци, по-видимому, возможна и реконструкция реци; нет уверенности, что в ѡтѣ первая буква есть ѡ, а не ѿ.

Предположение о том, что краткий вариант азбуки — это всего лишь недописанная азбука, несомненно следует отвергнуть, поскольку: а) он начинается азом и оканчивается омегой — так же, как и полный вариант (т. е. и в том и в другом случае соблюден принцип "от альфы до омеги"); б) он выписан в таком составе много раз, причем в некоторых случаях точно рассчитан по длине таким образом, чтобы занять ровно одну полную строку или (в случае вертикальной азбуки на бортике) весь бортик сверху донизу; в) тот же состав имеет перечень названий букв. Очевидно, это некая "ядерная" азбука более древнего состава (см. об этом подробнее ниже).

На приводимых ниже иллюстрациях показаны отдельные фрагменты азбук Новгородского кодекса. Каждая из букв алфавита фигурирует хотя бы на одном из таких фрагментов; некоторые фигурируют многократно.

Мы предпочли не пытаться продемонстрировать какую-нибудь из многочисленных азбук Новгородского кодекса целиком, поскольку почти невозможно найти столь длин-

ный отрезок скрытой записи, в котором все буквы были бы видны достаточно хорошо для фотографического воспроизведения. Непросто найти даже отрезок в полдюжины скрытых букв, пригодных для подготовки к публикации, так как в скрытых текстах кодекса удовлетворительно видимые буквы практически всегда перемежаются с плохо видимыми. Поэтому и в приводимых ниже иллюстрациях одни буквы рассмотреть легче, другие труднее.

Вообще, факсимильно воспроизвести полиграфическими средствами хотя бы маленький отрезок, пусть даже всего в два-три десятка букв, из скрытых записей Новгородского кодекса, сохранив видимость каждой буквы, — это операция, по своей трудоемкости не идущая ни в какое сравнение с обычной факсимильной публикацией древнего памятника. Надеяться на то, что когда-либо удастся опубликовать факсимильно все тексты кодекса — совершенно нереально. Неизбежно придется ограничиваться лишь маленькими иллюстрациями. Приводимые ниже иллюстрации — первые примеры этого рода.

Рис. 4 разными способами демонстрирует первые шесть букв краткой азбуки, записанной вертикально на правом бортике страницы 2. Левая колонка — это просто фотография изучаемой части бортика. На трех средних колонках из этой фотографии исключены (различными формами затемнения) участки, не относящиеся к нашей азбуке, т. е. оставлены только "островки", объемлющие каждую из шести букв. Последняя колонка — прорись.

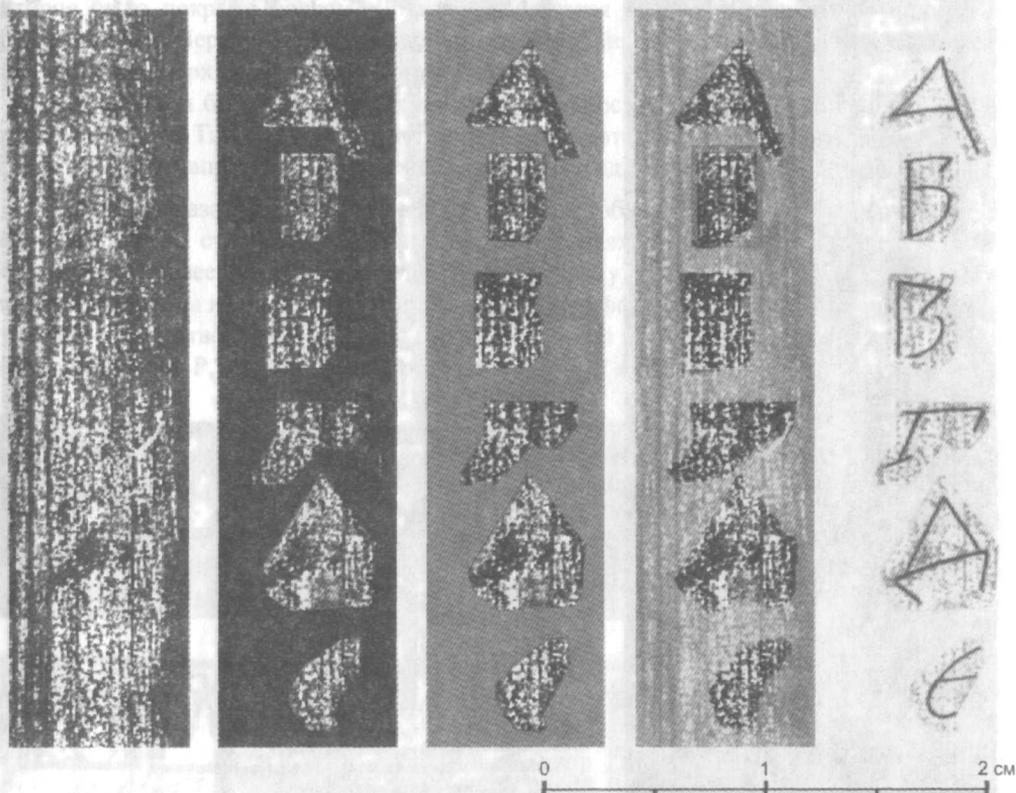


Рис. 4. Фрагмент правого бортика страницы 2 (от 35,5 до 69 мм по вертикали): буквы АБВГДЕ. Увеличение 2,9х.

Как показывает опыт, на левой фотографии, взятой отдельно, неподготовленный наблюдатель обычно вообще никаких букв не усматривает. Однако на средних колонках указанные с помощью прориси штрихи обнаруживаются уже достаточно отчетливо.

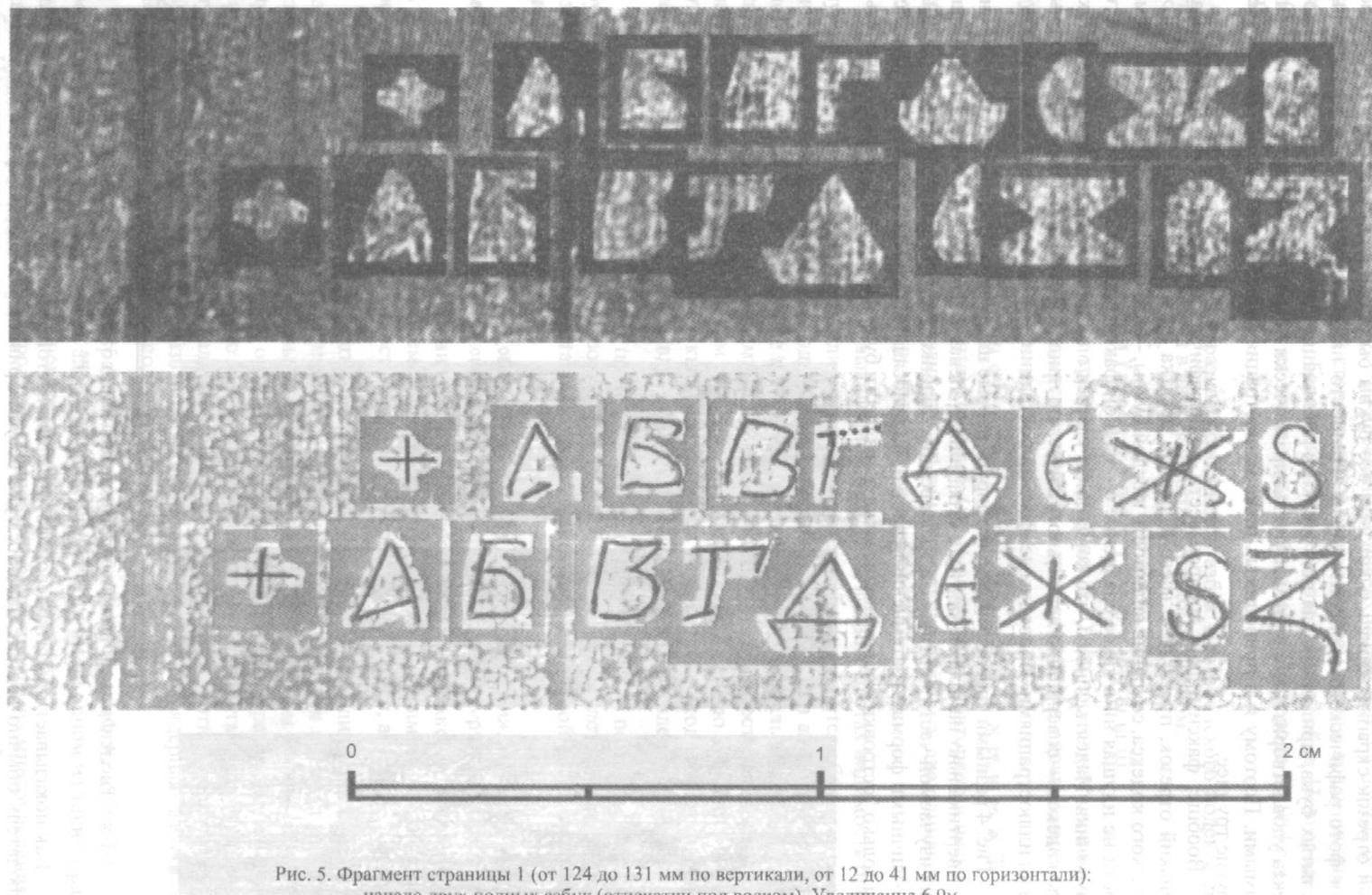


Рис. 5. Фрагмент страницы 1 (от 124 до 131 мм по вертикали, от 12 до 41 мм по горизонтали): начало двух полных азбук (отпечатки под воском). Увеличение 6,9х.

(После этого можно вновь вернуться к левой колонке и при некотором терпении уже и на ней различить выявленные таким способом штрихи.)

Начертания букв Б и В в этой азбуке слегка отличаются от большинства образцов на воске, а именно, имеют несколько более "инициальный" характер (с подчеркнуто плавными нижними петлями).

Заметим, что при внимательном всматривании в левую колонку можно обнаружить, что в ней есть следы по крайней мере еще одной азбуки, состоящей из букв примерно вдвое большего размера. Так, петля буквы Б из этой азбуки охватывает всю нашу букву Б (иначе говоря, наше Б "сидит" внутри более крупного Б); буква В из этой азбуки покрывает почти целиком наши В и Г, и т. д. Это пример, подобный тому, который уже был прокомментирован выше, при рис. 3; только в данном случае вторая запись отличается от первой еще и размером букв.

Все последующие иллюстрации устроены однотипно: приводится вырезка из фотографии, содержащая тот или иной отрезок некоторой азбуки; под ней дается соответствующая прорисовка.

На рис. 5 показано начало (от А до S и от А до З) двух полных азбук, отпечатавшихся на дереве в средней части страницы 1. Темная вертикальная полоса в левой части вырезки — это граница между левым бортиком и собственно страницей, т. е. пространством, которое было покрыто воском. Другая, более узкая темная вертикальная полоска — трещина доски. Перед началом каждой азбуки виден крест. Нижняя азбука начинается с начала строки, верхняя — с небольшим отступом.

Как обычно и бывает в связных последовательностях букв, одни буквы видны лучше, другие хуже. Так, наиболее отчетливо распознаются В, Д, S в первом ряду, А, Г, Е, Ж, З во втором; напротив, например, Г первого ряда едва-едва просматривается.

На рис. 6 показан отрезок от Л до С из краткой азбуки, записанной на верхнем краю верхнего бортика страницы 4. Как и в прочих случаях, не все буквы видны одинаково хорошо. Отчетливее прочих видны М, О, С; напротив, у Н можно рассмотреть только мачты — перекладыны не видно. Отметим характерный эффект, в очередной раз напоминающий нам о существовании дублей: с большой светлой петлей буквы Р пересекается темная петля другого Р, меньшего размера (мачты у двух Р наложились друг на друга).

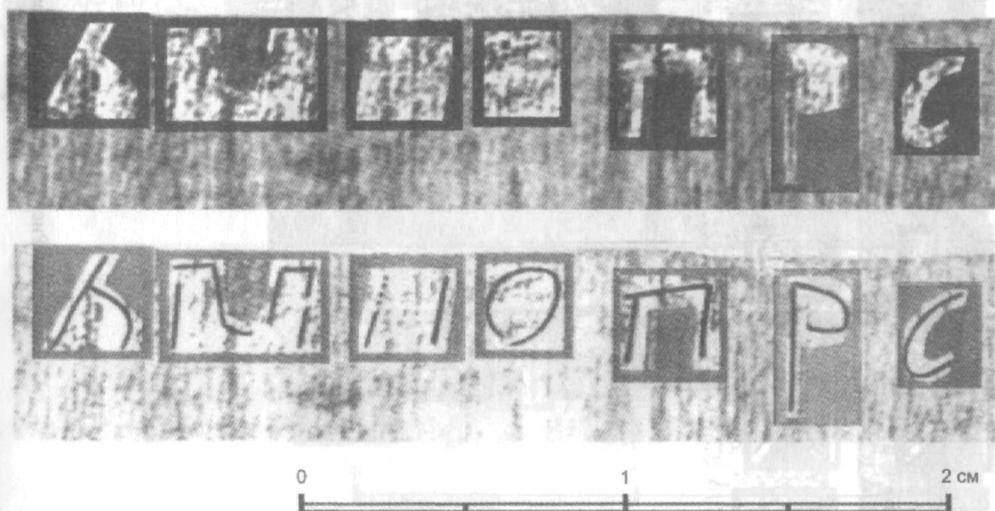


Рис. 6. Часть верхнего края верхнего бортика страницы 4 (от 61 до 91,5 мм по горизонтали): буквы от Л до С. Увеличение 4,35х.

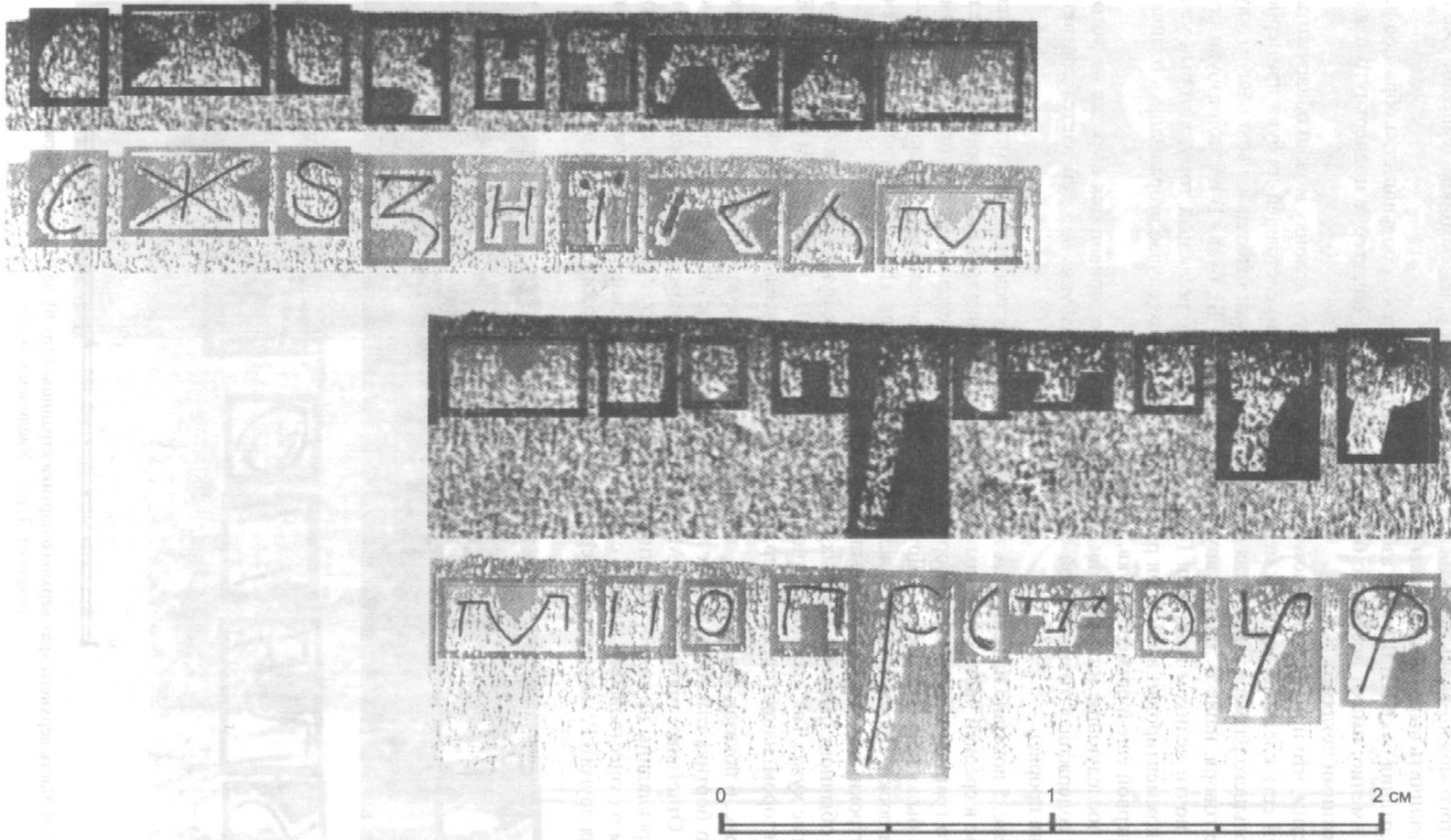


Рис. 7. Часть верхнего края верхнего бортика страницы 4 (от 28 до 84 мм по горизонтали): буквы от Е до Ф. По файлу Dsk 4-1-Oxf 100. Увеличение 4,9х.

Рис. 7 — это отрезок от Е до Ф из полной азбуки, записанной на том же верхнем краю верхнего бортика страницы 4, что и краткая азбука, к которой относится рис. 6, но более мелкими буквами. По технической причине рис. 7 разделен на две половины (причем буква М показана на обеих).

На рис. 8 и 9 показаны отрезки двух полных азбук, отпечатавшихся на дереве в средней части страницы 1 (на несколько строк выше тех, что показаны на рис. 5), — от Ф до Ъ и от Ф до первого Ѡ. Обращаем внимание читателя на то, что эти две азбуки записаны с "наездом" друг на друга (вторая на 1,5 мм ниже первой). Непосредственно заметить это на приведенных рисунках чрезвычайно трудно, но читатель все же может убедиться в этом косвенным образом, установив, что вырезка из фотографии на этих двух рисунках одна и та же, только на рис. 9 отсечена ее левая часть. Легко заметить, например, одну и ту же проходящую в вертикальном направлении трещину, которая пересекает на рис. 8 букву Ѡ, а на рис. 9 букву Ш.

Отметим, что в составе азбук писец, как правило, изображает букву Ѡ большего, чем остальные буквы, размера. Это не что иное, как иконическая реализация греческого названия ω μέγα "О большое". Перед нами точно такой же способ графического воплощения эпитета, заложенного в названии буквы, как, например, в берестяной азбуке № 778 (о которой см. ниже), где буква А, т.е. "юс малый", изображена вдвое меньшей по размеру, чем буква Ъ, т.е. "юс большой".

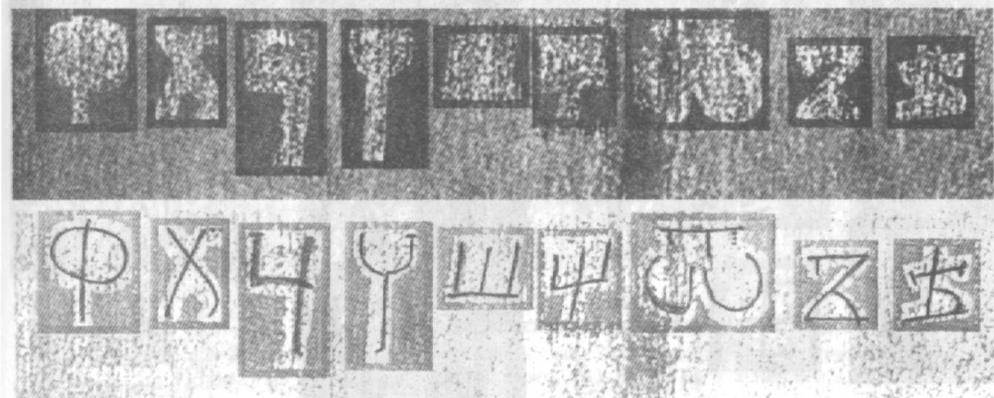


Рис. 8



Рис. 9

Рис. 8 и 9. Фрагмент страницы 1 (от 98 до 105 мм по вертикали, от 66 [рис. 8] и от 76 [рис. 9] до 102,5 мм по горизонтали): отпечатки под воском букв от Ф до Ъ из полной азбуки [рис. 8] и букв от Ф до первого Ѡ из другой полной азбуки, "наезжающей" на первую [рис. 9]. Увеличение 3,8×.

Рис. 10. Фрагмент верхнего бортика страницы 4 (от 7 до 12 мм по вертикали, от 14 до 38 мм по горизонтали): буквы от Щ до Ъ из полной азбуки. По файлу Dsk 4-1-Oxf 150. Увеличение 5,55х.

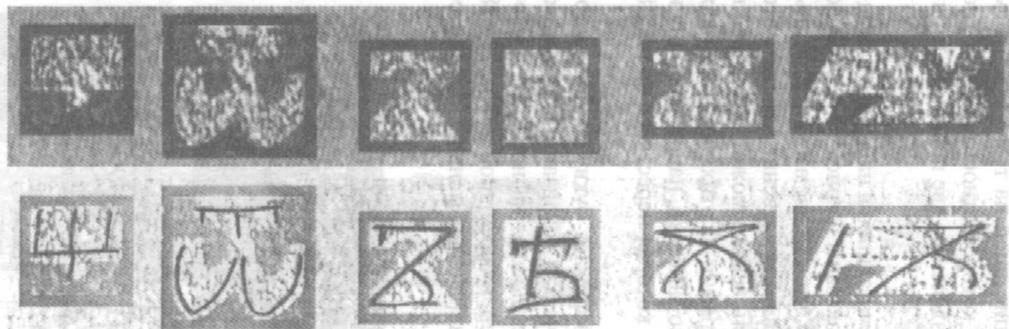
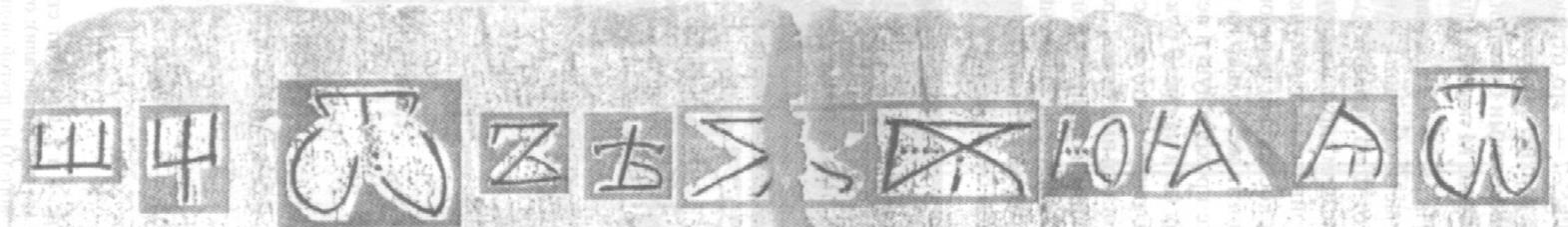
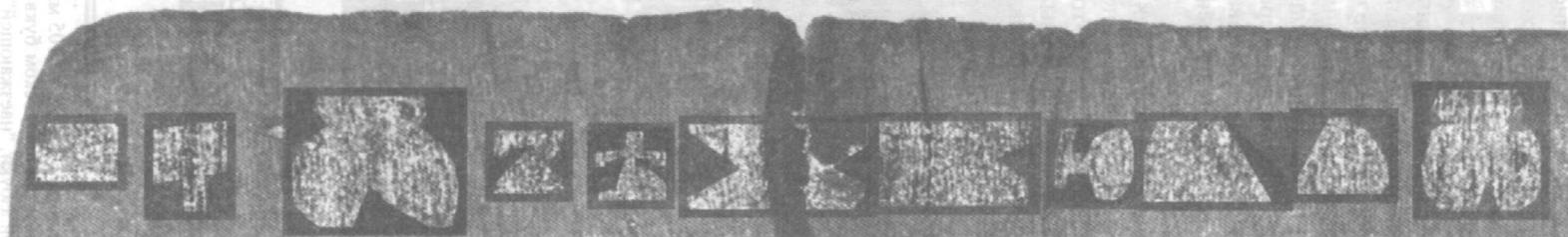


Рис. 11. Левая верхняя часть верхнего бортика страницы 2 (до 13 мм по вертикали, до 85 мм по горизонтали): конец полной азбуки (от Ш). Увеличение 2,5х.



На рисунках 10 и 11 можно видеть конечные звенья полных азбук, а именно, отрезок от Щ до Ъ из полной азбуки, записанной (очень мелко) на верхнем бортике страницы 4 на 9 мм ниже верхнего края (рис. 10) и конечную часть полной азбуки, записанной на верхнем бортике страницы 2 на 6 мм ниже верхнего края. На рис. 11 на букву Ъ, к сожалению, пришлось разлом. Еще раз отметим увеличенный размер буквы Ы.

Продемонстрированные фрагменты служат также иллюстрациями того, как могут располагаться в Новгородском кодексе дубли, т. е. одинаковые записи, относящиеся к разным слоям. Так, две азбуки, показанные на рис. 5, оказались как бы на соседних строках. Но столь аккуратная дистанция между ними — чистая случайность. В действительности такие две записи, конечно, могут и "наезжать" друг на друга, что и произошло с азбуками на рис. 8 и 9. "Наезжают" друг на друга также азбуки, показанные на рис. 6 и 7, равно как азбука, показанная на рис. 4, и вторая, более крупная, на которую указано в комментарии.

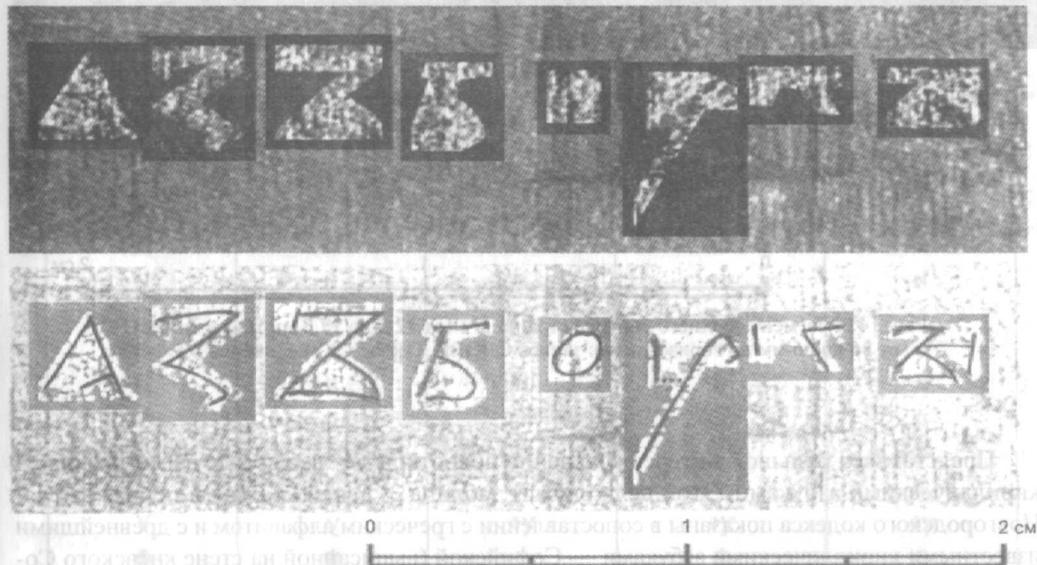


Рис. 12. Фрагмент верхнего бортика страницы 2 (от 9 до 17 мм по вертикали, от 113 до 142,5 мм по горизонтали): запись АЗЪ БОУКЪ. Увеличение 4,15х.

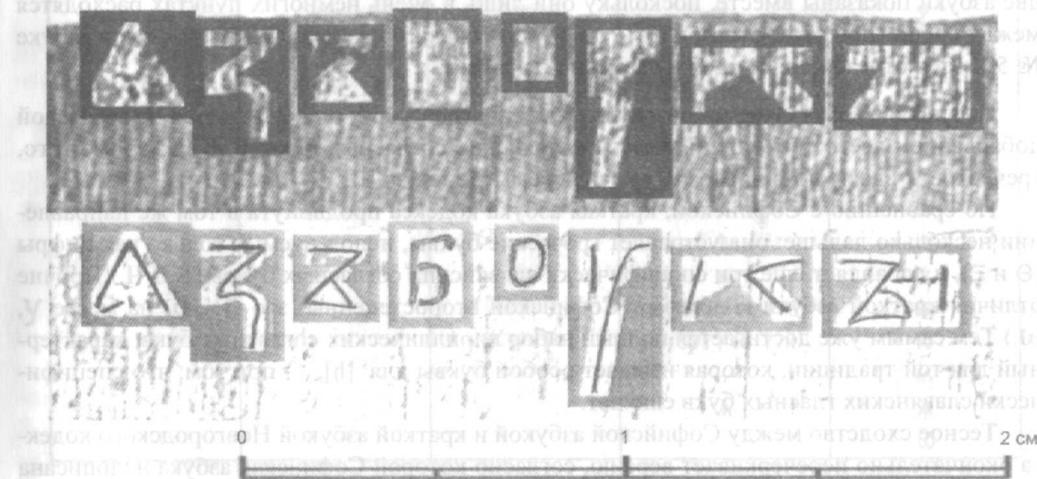


Рис. 13. Часть верхнего края верхнего бортика страницы 4 (от 106 до 131,5 мм по горизонтали): запись АЗЪ БОУКЪ. Увеличение 5х.

Последние три иллюстрации (рис. 12–14) представляют собой фрагменты из списка названий букв, который в части случаев дан после азбуки.

На рис. 12 и 13 продемонстрированы слова АЗЪ БОУКЪ — из списка названий букв, расположенного на верхнем бортике страницы 2 (рис. 12), и из другого списка, расположенного на верхнем бортике страницы 4 (рис. 13). Отметим, что в первом списке слово АЗЪ написано несколько более крупными буквами, чем последующие.

На рис. 14 приведены слова СЛОВО ТВРЪДО из списка названий букв, расположенного на верхнем бортике страницы 1.



Рис. 14. Фрагмент верхнего бортика страницы 1 (от 12,5 до 17,5 мм по вертикали, от 36 до 66 мм по горизонтали): запись СЛОВО ТВРЪДО. Увеличение 4,5х.

Представляет большой интерес сравнение новооткрытых азбук с другими древними кириллическими азбуками. Этой цели служит таблица 3. В ней краткая и полная азбуки Новгородского кодекса показаны в сопоставлении с греческим алфавитом и с древнейшими известными кириллическими азбуками — Софийской (выписанной на стене киевского Софийского собора, XI в.) [Высоцкий 1976: 12, № 100] и двумя берестяными азбуками — № 591 (XI в.) [НГБ VIII: 52] и № 778 (нач. XIII в.) [Янин, Зализняк 1998: 31]. Последние две азбуки показаны вместе, поскольку они лишь в очень немногих пунктах расходятся между собой (при этом отрезок от И до М дан только по азбуке № 778, так как в азбуке № 591 этот отрезок поврежден и частично искажен).

Софийская азбука еще чрезвычайно близка к греческой: она отличается от греческой добавлением всего трех специфически славянских согласных букв: Б Ж Ш; кроме того, греческое Ψ здесь, по-видимому, уже переосмыслено как Щ.

По сравнению с Софийской, краткая азбука кодекса продвинута в том же направлении несколько дальше: она устраняет греческие буквы, используемые только как цифры (Θ и Ξ), и добавляет еще три специфически славянских согласных буквы: С Ц Ч. (Прочие отличия краткой азбуки кодекса от Софийской второстепенны: это ОУ, Ѡ на месте Ѵ, ѡ.) Тем самым уже достигается полный набор кириллических согласных букв, характерный для той традиции, которая не знает особой буквы для [h], — при том, что специфически славянских гласных букв еще нет.

Тесное сходство между Софийской азбукой и краткой азбукой Новгородского кодекса окончательно перечеркивает версию, согласно которой Софийская азбука недописана (см. об этом [Зализняк 1999, § 8]). Оно показывает, что на древнем этапе развития кирил-

Таблица 3

| Греческий алфавит | Софийская азбука | Краткая азбука Новгородского кодекса | Берестяные азбуки № 591 и 778 | Полная азбука Новгородского кодекса |
|-------------------|------------------|--------------------------------------|---|-------------------------------------|
| Α | α | α | α | α |
| Β | β | β | β | β |
| Γ | γ | γ | γ | γ |
| Δ | δ | δ | δ | δ |
| Ε | ε | ε | ε | ε |
| | ж | ж | ж | ж |
| Ζ | — | з | з | з |
| Η | и | и | и 778 | и |
| Θ | ϑ | — | — | — |
| Ι | ι | ї | ї 778 | ї |
| Κ | κ | к | к 778 | к |
| Λ | λ | л | л 778 | л |
| Μ | μ | м | м 778 | м |
| Ν | ν | н | н | н |
| Ξ | — | ξ | — | — |
| Ο | ο | ο | ο | ο |
| Π | π | π | π | π |
| Ρ | ρ | ρ | ρ | ρ |
| Σ | σ | с | с | с |
| Τ | τ | т | т | т |
| Υ | υ | уу | уу | уу |
| Φ | φ | ф | ф | ф |
| Χ | χ | х | х | х |
| | — | ц | ц | ц |
| | — | ч | ч | ч |
| | ш | ш | ш | ш |
| Ψ | ψ | ψ | — | ψ |
| Ω | ω | ω̄ | — 591 [в 778 есть ω̄, но после χ] | ω̄ |
| | | | ъ | ъ |
| | | | ѣ | ѣ |
| | | | ж | ж |
| | | | ѣ 591 / ѣ 778 | ѣ |
| | | | у 591 / ю 778 | ю |
| | | | — | я |
| | | | а | а |
| | | | | ω̄ |

лицы существовали такие варианты состава азбуки, в которых к греческим буквам уже были добавлены специфически славянские согласные буквы (все или хотя бы часть), но еще не были добавлены специфически славянские гласные буквы.

Берестяная азбука № 591 делает кардинальный шаг: она добавляет к концу алфавита ряд специфически славянских гласных букв: Ъ Ь Ж ІЖ А. Сюда же относится Ю, которое, правда, мы находим как таковое только в № 778 (тогда как в № 591 его функция исполняет ижица — в форме У). В то же время в основной части алфавита в № 591 имеются и некоторые более архаичные черты, чем в кодексе, а именно, отсутствуют буквы Щ и Ѡ. Отсюда видно, что перед нами не просто следующая ступень эволюции краткой азбуки кодекса, а несколько иная ветвь развития. Особенность этой ветви состоит еще и в том, что функцию зело здесь выполняет не S, а З.

Берестяная азбука № 778 отличается от № 591 только тем, что содержит букву Ѡ (стоящую между Х и Ц) и использует Ю вместо У и Ж вместо ІЖ.

Существеннейшая особенность этих азбук — их одноеровость: хотя здесь уже присутствует большая серия специфически славянских гласных букв, буквы Ъ среди них нет.

Наконец, полная азбука кодекса реализует наблюдаемую нами общую тенденцию эволюции почти до конца. Краткая азбука сохраняется в ее составе в неизменном виде (соответственно, здесь представлен уже полный набор согласных), но к ней присоединяется расширенный набор специфически славянских гласных букв. В него включается ІА (которого берестяные азбуки не знают); из конкурирующих в зоне после Ж вариантов принимаются Ю и ІЖ, т. е. именно те буквы, которые в дальнейшем побеждают. Специфическая черта этой линии развития азбуки состоит в том, что после А добавляется еще и заключительное Ѡ (хотя оно в составе азбуки уже имеется) — явно во имя принципа "от альфы до омеги". Таким образом, эта линия развития азбуки сохраняет более тесную связь с греческим первоисточником, чем "народная" азбука, отраженная берестяной грамотой № 591, и в целом носит более книжный характер.

При всем этом, однако, сохраняется свойственный древним берестяным азбукам принцип одноеровости: буква Ъ в азбуке отсутствует. Таким образом, с этой точки зрения азбука кодекса соответствует практике письма его владельца.

Из более частных особенностей следует отметить невключение в азбуку буквы ІА, несмотря на то, что в реальном инвентаре графем нашего писца она присутствует. То же можно сказать и о букве Θ (правда, в качестве буквы, а не цифры она используется в Новгородском кодексе крайне редко — только в составе некоторых заимствованных слов и географических названий).

Чрезвычайно интересно то, что писец Новгородского кодекса владел двумя азбуками сразу, осознавая, таким образом, фундаментальный характер краткой азбуки и расширенный характер полной.

Сравнение рассмотренных азбук позволяет восстановить основные "шаги", ведущие от греческой азбуки к древним вариантам кириллицы (отвлекаемся от таких деталей, как замена У на ОУ, вариантность S и З, ІЖ и Ж, Ѡ и Ѡ).

А. Устранение (или переосмысление) ненужных для славянского языка греческих букв. Здесь различаются следующие четыре варианта: 1) ничего не устраняется, но при этом Ψ → Щ (т. е. Ψ переосмысливается как Щ); 2) устраняются Θ Ξ, а Ψ → Щ; 3) устраняются Θ Ξ Ψ; 4) устраняются Θ Ξ Ψ Ω.

Б. Добавление специфически славянских букв (а также конечного Ѡ). Здесь целесообразно выделить следующие "порции" добавлений: 1) Б Ж Ш; 2) S (З) Ц Ч; 3) Ъ Ь Ж ІЖ (Ж) Ю А; 4) ІА; 5) конечное Ѡ (Ѡ), добавляемое во имя принципа "от альфы до омеги".

В этих терминах переход от греческой азбуки к рассмотренным вариантам кириллицы может быть представлен как следующая последовательность шагов:

| | |
|---------------------------------------|-------------------------|
| Софийская азбука: | A1, B1. |
| Краткая азбука Новгородского кодекса: | A2, B1, B2. |
| Берестяная азбука № 778: | A3, B1, B2, B3. |
| Берестяная азбука № 591: | A4, B1, B2, B3. |
| Полная азбука Новгородского кодекса: | A2, B1, B2, B3, B4, B5. |

Место добавляемых букв в алфавитном ряду определяется следующими правилами (применяемыми в указанном здесь порядке): 1) в "порции Б Ж Ш" Б вставляется перед В, Ж — перед З, Ш — перед Щ (если Щ нет — в конце азбуки); 2) в "порции С Ц Ч" С вставляется перед З, пара Ц Ч — перед Ш; 3) в "порции Ъ Ы Ъ Ы Ю А" вся группа добавляется в конце азбуки; 4) Ы вставляется перед А; 5) Ѡ (Ѡ) добавляется в конце азбуки. Как легко заметить, новая согласная буква вставлялась обычно перед наиболее близкой к ней по своему фонетическому значению буквой, а новая гласная буква — в конце азбуки.

Например, история азбуки № 778 (с точностью до выбора внутри пар S–З, Ы–Ъ, Ѡ–Ѡ) выглядит так.

Исходное состояние: А В Г Д Е З Н Θ Ι Κ Λ Μ Ν Ξ Ο Π Ρ Σ Τ Υ Φ Χ Ψ Ω.

Шаг АЗ (меняем также греческий вариант начертания букв на славянский): А В Г Д Е З И Ι Κ Λ Μ Ν Ο Π Ρ Σ Τ Ο Υ Φ Χ Ѡ.

Шаг Б1: то же, но уже с отрезками А Б В-, -Е Ж З-, -Х Ѡ Ш.

Шаг Б2: то же, но уже с отрезками -Ж С З- и -Х Ѡ Ц Ч Ш.

Шаг Б3: то же с добавлением сзади Ъ Ы Ъ Ы Ю А.

Этот пример объясняет, между прочим, как возник закрепившийся впоследствии во всех поздних азбуках порядок -Ф Х Ѡ Ц Ч Ш- (с непонятной на первый взгляд позицией буквы Ѡ).

Особый интерес представляют содержащиеся в Новгородском кодексе названия букв. В приводимой ниже таблице 4 они даны в сопоставлении с их названиями в *abecedarium bulgaricum* (XI–XII вв.) и в *абecedарии Дивиша* (XIII в.) (см. об этих памятниках [Ягич 1911; *Wæcklund* 1942; 1976; *Зализняк* 1999, § 3]). В двух последних *абecedариях* взяты только те буквы, которые входят в краткую азбуку Новгородского кодекса (следует, однако, отметить, что буквы Щ и Ѡ стоят в этих *абecedариях* не на тех местах, что в кодексе).

Как можно видеть, во всех трех списках названия букв по существу почти всегда одинаковы (небольшие фонетические расхождения в большинстве случаев определяются просто неточностью латинской передачи, а также эффектом *ѣ* > *и* в оригинале *абecedария Дивиша*). Но данные Новгородского кодекса имеют перед остальными двумя источниками то преимущество, что они, во-первых, существенно древнее, во-вторых, записаны непосредственно кириллицей, тогда как представленная в двух других источниках транскрипция латиницей (довольно неточная, в особенности в *abecedarium bulgaricum*) еще нуждается в интерпретации.

| Краткая азбука Новгородского кодекса | Названия букв в Новгородском кодексе | Названия букв в abecenarium bulgaricum | Названия букв в алфавитѣ Дивниша |
|--|--|--|--|
| а | азъ | as | az |
| б | букуы | bócobı | buky |
| в | вѣдѣ | uédde | wıdı |
| г | глаголи | glágolı | glagole |
| д | добро | dóbro | dobro |
| е | естъ | hiést | gest |
| ж | живѣте | gıuete | zzywyte |
| з | зѣло | zéllo | zelo |
| з | земля | zémıa | zemla |
| и | иже | ıse | yzze |
| ї | и | ısei | i |
| к | како | cáco | kako |
| л | людиѣ | lúddıe | ludy |
| м | мыслите | mustlıte | myslyte |
| н | нашъ | nas | nass |
| о | онъ | on | on |
| п | покои | pócoı | pokoy |
| р | рѣци | recı | rczy |
| с | слово | cslouo | slowo |
| т | тврѣдо | tordo | trdo |
| оу | оукъ | hic | u[c]t |
| ф | фрѣтъ | fort | ft |
| х | хѣръ | [пропуск] | chyr |
| ц | ци | [пропуск] | ci |
| ч | чрѣвъ | saraué | czrw |
| ш | ша | sa | ssa |
| щ | ща | — | sstyа |
| ѡ | ѡтъ | ot | ot |

© 2003 г. В. С. ХРАКОВСКИЙ

КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Говоря о категории таксиса, все современные исследователи прежде всего вспоминают имя Р.О. Якобсона, который первым ввел в научный оборот сам термин таксис. В своей знаменитой работе "Shifters, verbal categories and the Russian verb" [Jakobson 1957]¹ он, перечисляя грамматические глагольные категории, называет категорию, которая маркируется символами E^nE^n . Об этой категории Р.О. Якобсон пишет буквально следующее: «У этой категории нет стандартного названия; термины типа "относительное время" определяют лишь одну из ее разновидностей. Предложенный Блумфилдом [в 1946 г. – В.Х.] термин "порядок" ("order"), или скорее его греческий прообраз "таксис" представляется наиболее подходящим. **Т а к с и с х а р а к т е р и з у е т с о о б щ а е м ы й ф а к т п о о т н о ш е н и ю к д р у г о м у с о о б щ а е м о м у ф а к т у и б е з о т н о с и т е л ь н о к ф а к т у с о о б щ е н и я** (выделено нами. – В. Х.). Так, нивхский язык различает, во-первых, три вида независимого таксиса, из которых один непременно предполагает, другой допускает, а третий исключает зависимый таксис, и, во-вторых, **з а в и с и м ы й т а к с и с**, выражающий различные типы отношений к независимому глаголу – одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т.п. Аналогичная система в языке хопи описана Уорфом» [Якобсон 1972: 101]. Говоря о таксисе в русском языке, Р.О. Якобсон отмечает следующее: "**Т а к с и с**: зависимый (выраженный деепричастием и указывающий на E^n , сопутствующее другому, главному E^n) – независимый. При зависимом таксисе категория времени сама выступает в функции таксиса: она выражает временное отношение к главному E^n , а не к E^s , как это имеет место при независимом таксисе. Соотношение прошедшего и настоящего времени превращается в противопоставление, которое, пользуясь терминологией Уорфа, можно назвать противопоставлением временного интервала (sequential) и контакта (concurrent) между двумя E^n " [Якобсон 1972: 106–107].

Краткая характеристика таксиса, данная Р.О. Якобсоном, на наш взгляд, нуждается в следующих комментариях. Первое. Для Р.О. Якобсона таксис – грамматическая категория глагола, представленная двумя рядами форм: один ряд составляют формы зависимого таксиса, которые характеризуют сообщаемый факт относительно другого (главного) сообщаемого факта. Эти формы соответственно сами по себе не могут выступать в тексте. Другой ряд составляют формы независимого таксиса, которые не характеризуют сообщаемый факт относительно другого сообщаемого факта, а соотносят его с фактом сообщения. При этом Р.О. Якобсон фактически дал исчисление подобных форм, ссылаясь на факты нивхского языка, которые он однако не приводит. Формы независимого таксиса, как утверждает Р.О. Якобсон, либо предполагают формы зависимого таксиса, т.е. всегда употребляются вместе с формами зависимого таксиса, либо допускают формы зависимого таксиса, т.е. могут

¹ Ниже мы цитируем русский перевод этой работы [Якобсон 1972].

употребляться как с формами зависимого таксиса, так и без них, либо исключают формы зависимого таксиса, т.е. никогда не употребляются с формами зависимого таксиса. Легко заметить, что с теоретической точки зрения предложенное Р.О. Якобсоном исчисление форм независимого таксиса вызывает определенные претензии. В частности, непонятен статус форм независимого таксиса, которые не употребляются с формами зависимого таксиса. Таких форм как будто бы не может быть в принципе, ибо о таксисе, если опираться на определение этой категории, предложенное самим Р.О. Якобсоном, можно говорить лишь при наличии двух соотносительных форм. В связи со сказанным заслуживает внимания утверждение, высказанное в работе [Недялков, Отаина 1987: 296], согласно которому в нивхском языке представлены формы независимого таксиса, которые могут употребляться как с формами зависимого таксиса, так и без них, может быть, есть формы независимого таксиса, которые всегда употребляются с формами зависимого таксиса, но нет форм независимого таксиса, которые никогда не употребляются с формами зависимого таксиса.

Второе. В соответствии с общим определением таксис лишен семантической специфики, ибо формы зависимого таксиса могут выражать различные типы отношений к формам независимого таксиса. Это и одновременность, и предшествование, и прерывание, и уступительная связь, а значит, и условная связь, и причинная связь и т.д. Иными словами, речь идет о значениях, которые, вообще-то говоря, не принято объединять в рамках одной категории, поскольку для этого нет семантических оснований. Ниже при классификации таксисных конструкций мы более подробно остановимся на этой проблеме и покажем, что у таксиса есть семантическая специфика, но в то же время Р.О. Якобсон прав, полагая, что уступительная, условная и причинная связь возможны лишь при наличии таксисных отношений, которые однако являются фоновыми. Собственно говоря, о семантической специфике таксиса говорит и сам Р.О. Якобсон, когда характеризует таксис в русском языке. Здесь категория таксиса выражает однородные значения одновременности и предшествования, которые обычно описывались в рамках категории относительного времени. Эти две отличающиеся друг от друга трактовки таксиса, широкая или асемантическая и узкая или семантическая, которые у Р.О. Якобсона даются в одной работе, в различных современных работах встречаются уже порознь.

Узкая трактовка таксиса, приравненного к относительному времени, продолжает европейскую традицию, согласно которой принято различать временные формы, которые соотносят выражаемые действия с моментом речи (абсолютные времена) и временные формы, которые соотносят выражаемые действия с моментом совершения действий, выражаемых другими временными формами (относительные времена). И те, и другие формы представлены, например, в латыни, где, в частности, есть форма абсолютного будущего времени (*Futurum I: simplex*) и форма относительного будущего времени (*Futurum II: exactum*):

- | | |
|--|---------------------|
| (1) <i>Ut sementem fec-eri-s,</i> | <i>ita met-e-s</i> |
| как посев сделать-FUTII-2SG | так пожать-FUTI-2SG |
| ‘Как посев сделаешь, так пожнешь’ [Соболевский 1948: 214]. | |

Для обозначения категории относительного времени использовались разные термины. Л. Теньер, например, говорит о категории временной последовательности (*sé-cution*), или о категории следования, и характеризует ее следующим образом: “Категория следования отражает порядок следования процессов, т.е. она определяет, предшествует ли данный процесс другому, следует ли за ним или сопутствует ему” [Теньер 1988: 446].

Узкой трактовки таксиса придерживается И.А. Мельчук. Он хорошо знает основополагающую статью Р.О. Якобсона, но сам пользуется термином ‘относительное время’, отмечая при этом, что “Р. Якобсоном был предложен очень удобный термин

для обозначения категории относительного времени – *таксис*. Однако, учитывая ограниченный характер его употребления, мы не используем его в настоящей книге” [Мельчук 1998: 69]. В понимании относительного времени И.А. Мельчук солидарен с Л. Теньером. По И.А. Мельчуку эта категория включает не больше трех граммем: ‘ F_2^n одновременно с F_1^n ’ (одновременность), F_2^n предшествует F_1^n (предшествование), F_2^n следует за F_1^n (следование) [Мельчук 1998: 69]. Таким образом, И.А. Мельчук сознательно не принимает широкую трактовку таксиса.

Напротив, широкой трактовки таксиса придерживается В.П. Недялков в уже упоминавшейся работе [Недялков, Отаина 1987]. В этой статье как формы зависимого таксиса рассматриваются все многочисленные деепричастные (нефинитные) формы глагола в нивхском языке вне зависимости от выражаемого ими значения. Пожалуй, узкой трактовки таксиса придерживается Ю.С. Маслов, однако он в отличие от ранее названных авторов рассматривает эту категорию не как грамматическую, а как функционально-семантическую. Не проводя детального анализа этой категории, он вместе с тем отмечает, что “во многих языках таксис объединен в рамках одной категории либо со временем, либо с видом. Сочетание таксиса и времени дает значение сложной (двух-, а иногда и многоступенчатой) временной ориентации, выражаемой в некоторых языках специальными формами, входящими в систему так называемых относительных времен. Вместе с тем таксисные значения одновременности, предшествования и следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм, так что в некоторых языках выражение таксисных отношений может рассматриваться как одна из важнейших функций глагольного вида” [Маслов 1984: 8]. Принимая Масловскую концепцию таксиса, А.В. Бондарко, очень много сделавший для изучения и теоретического осмысления этой категории [Бондарко 1987; 1998], занимает позицию где-то посередине между узкой и широкой трактовкой, ибо прототипические значения таксиса для него значения одновременности, предшествования и следования, однако он учитывает и те случаи, когда формы зависимого таксиса выражают не прототипические, а окказиональные значения. Скажем, в примере

(2) *Пользуясь этой методикой, вы не решите ни одной задачи,*
с его точки зрения, деепричастие (форма зависимого таксиса) выражает уже не столько значение одновременности, сколько условное значение, которое в данном случае характеризуется как таксисное. В целом, по его словам, “временные отношения действий могут быть осложнены семантикой обусловленности (значениями условия, причины, следствия, цели, уступки, зависимости времени одного действия от времени другого), а также модальными элементами и отношениями характеристики” [Бондарко 1987: 235]. Более того, по его мнению, «“чистый таксис”, освобожденный от всего того, что выходит за пределы собственно хронологических отношений, был бы абстракцией, далекой от языковой онтологии» [Бондарко 1987: 236]. В целом он полагает, что “семантика таксиса представляет собой временные отношения между действиями (в указанном смысле) в рамках целостного периода времени, всегда сопряженные с аспектуальной характеристикой компонентов выраженного в высказывании полипредикативного комплекса и реализуемые как: а) отношения одновременности/разновременности (предшествования – следования); б) отнесенность действий к одному и тому же периоду времени при неактуализованности различия одновременности/разновременности; в) связь действий во времени в сочетании со значениями обусловленности (значениями условия, причины, следствия, цели, уступки, обусловленности времени одного действия временем другого), модальными значениями и значениями характеристики” [Бондарко 1987: 237]. В связи с этой трактовкой семантики таксиса хотелось бы заметить, что пункты (а), (б) и (в), очевидно, связаны отношением дизъюнкции, т.е. в каждом конкретном случае реализуется ли-

бо пункт (а), либо пункт (б), либо пункт (в). Об этом, в частности, свидетельствует следующий пример, приводимый А.В. Бондарко:

(3) *За две недели на полметра вымахают из воды хвои, солнце до дна проколет лучами озерную воду, а лесной гребень целыми днями будет прочесывать синюю небесную лысину* (В. Белов).

К этому примеру, иллюстрирующему пункт (б), даны следующие комментарии: "Здесь актуально общее значение отнесенности целостных результатов *вымахают, проколет*, а также длительности *будет прочесывать* к одному и тому же периоду времени (*за две недели*). Что же касается различия одновременности/разновременности, то оно в данном случае не существенно" [Бондарко 1987: 237]. Таким образом, А. В. Бондарко трактует семантику таксиса очень широко и в работе [Бондарко 1999: 98–99] вносит соответствующие изменения в определение этой категории. Теперь "таксис (речь идет о семантической категории и соответствующем поле. – В.Х.) трактуется ... как выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряженность действий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках единого временного плана. Имеется в виду сопряженность (связь), выступающая в следующих основных разновидностях: а) отношение одновременности/неодновременности (предшествования/следования), б) взаимосвязь действий (компонентов полипредикативного комплекса) при неактуализованности указанных выше хронологических отношений, в) связь действий во времени в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, условными, уступительными)". Предложенная терминологическая новация "таксис это сопряженность (связь) действий" представляет собой попытку с помощью обобщенного термина 'сопряженность', практически синонимичного термину 'связь', соединить воедино семантически неоднородные явления, в результате чего таксис становится семантически неопределенной категорией.

Весьма своеобразно А.В. Бондарко подошел к трактовке понятий независимого и зависимого таксиса. Если у Р.О. Якобсона таксис всегда представлен в тексте двумя формами: одной формой зависимого таксиса и другой формой независимого таксиса, то для А.В. Бондарко "зависимый таксис – это временное отношение между действиями, из которых одно является основным, а второе – второстепенным (сопутствующим). Независимый таксис предполагает временные отношения между действиями при отсутствии эксплицитной, формально выраженной градации основного и второстепенного действия (оттенки неполной равноправности элементов таксисного отношения возможны, однако они не имеют формального выражения и не являются грамматическими значениями тех или иных форм или конструкций)" [Бондарко 1987: 239]. Зависимый таксис реализуется, например, в предложении:

(4) *Войдя в комнату, С. сразу же зажег свет,*

а независимый таксис реализуется в соотносительных по смыслу предложениях:

(5) *С. вошел в комнату и сразу же зажег свет,*

(6) *Когда С. вошел в комнату, он сразу же зажег свет.*

Что касается примеров типа (5) или

(7) *Он открыл (СВ) ящик стола и вынул (СВ) папку* [Бондарко 1999: 100],

то они к таксисным не относятся, поскольку в них нельзя обнаружить каких-либо грамматических показателей, которые бы однозначно свидетельствовали о том, что в рассматриваемых конструкциях выражается какое-либо определенное таксисное значение. Чтобы в этом убедиться, давайте зададимся вопросом, какое конкретное таксисное значение могло бы выражаться в конструкциях, в которых представлена цепочка, состоящая, как минимум, из двух финитных глагольных форм СВ? Судя по приводимым примерам, очевидно, что конкурируют два значения: 1. предшествование (ситуация, обозначаемая первой формой в цепочке, предшествует ситуации, обозначаемой второй формой в цепочке), 2. следование (ситуация, обозначаемая второй формой в цепочке следует за ситуацией, обозначаемой первой формой в цепочке). Выбрать одно из двух конкурирующих решений не так просто, поскольку нет грамматических показателей, свидетельствующих в пользу первого или второго

решения. Нам можно возразить, что здесь нейтрализуется различие между этими двумя значениями, поскольку порядок следования однозначно указывает, что ситуация, называемая первым глаголом СВ, всегда предшествует ситуации, называемой вторым глаголом СВ, а в примере (5) помимо порядка следования на единственно возможную интерпретацию указывает также обстоятельство времени *сразу же*. Это действительно так. Как показала Е.В. Падучева, стандартно в нарративе "соположенные или сочиненные формы СВ выражают последовательные события" [Падучева 1996: 362]. Однако, соглашаясь с этой точкой зрения, мы должны подчеркнуть, что все-таки остается не вполне ясным вопрос, какое таксисное значение выражают сочиненные формы – предшествование или следование – и можно ли в данном случае вообще говорить о наличии таксисных отношений и не лучше ли просто констатировать тот факт, что "сочиненные формы СВ выражают последовательные события".

Проводя анализ примеров типа (5) и (7), целесообразно также учитывать глубокую мысль Б. Комри о том, что при описании какой-либо грамматической категории важно строго различать между семантикой этой категории (ее значением, смыслом) и ее интерпретацией, которая возникает в различных контекстах [Comrie 1998: 9]. Рассматривая, в частности, предложение

(8) а. *Фред открыл (СВ) дверь, вошел (СВ) в комнату и поздоровался (СВ) с гостями,*

аналогичное примерам типа (5) и (7), он говорит о том, что в аспектологической литературе, ориентированной на дискурс, каждая из последующих форм СВ в этом предложении интерпретируется как обозначающая событие, хронологически относящееся к событию, выражаемому предшествующей формой СВ [Гуревич 1971; Galton 1976]. Но на самом деле речь идет скорее всего не о логическом выводе, а об имплицатуре, отражающей естественную последовательность выражаемых событий. В то же время цепочка последовательных форм СВ может обозначать события, которые не обязательно естественным образом следуют друг за другом в хронологической последовательности и, таким образом, в данном случае речь определенно может идти только об имплицатуре. Именно так обстоит дело в примере типа:

(8) б. *Буря сорвала (СВ) крышу с дома, опрокинула (СВ) все мусорные ведра и сдула (СВ) все выстиранное белье.*

Учитывая изложенное, можно утверждать, что обозначение хронологической последовательности событий цепочкой глаголов СВ – реальный факт, который маркируется порядком следования глаголов в цепочке, хотя из этого правила есть и исключения. Рассмотрим, в частности, следующие примеры:

(9) *Он потолстел (СВ) и обрюзг (СВ).*

(10) *Мы немного посидели (СВ) и поговорили (СВ) о наших планах.*

В примере (9) представлена цепочка из двух глаголов СВ, однако в отличие от примеров (5) и (7) здесь обозначены не последовательные, а одновременные ситуации, причем значение одновременности сохраняется и при перестановке глаголов. Цепочка из двух глаголов СВ представлена и в примере (10). И в этом случае обозначаются не последовательные, а одновременные ситуации, однако в данном случае перестановка глаголов исключается. Так что же является решающим при определении "таксисных" отношений между глаголами СВ в рассматриваемых конструкциях? По нашему мнению, решающим фактором оказывается только точка отсчета, принимающая участие в толковании СВ. Глаголы СВ в цепочке могут быть связаны отношением следования. В этом случае предшествующий глагол в цепочке является точкой отсчета для последующего, см. (5), (7), (8а). Глаголы СВ в цепочке могут быть связаны отношением одновременности. В этом случае у них общая точка отсчета, см. (9), (10), что определяется единым временем наблюдения. Отношение следования или одновременности между глаголами СВ в цепочке может остаться неопределенным, если наблюдателю, занимающему ретроспективную позицию, точка отсчета остается неизвестной, см. (8б) [Падучева 1996: 295]. Все сказанное, с нашей

точки зрения, свидетельствует о том, что рассмотренные примеры нецелесообразно описывать в терминах категории таксиса.

Что касается конструкций типа (6), то они по существу являются конструкциями зависимого таксиса. Дело в том, что это сложноподчиненные предложения, в обеих частях которых употребляются финитные глаголы, указывающие на абсолютную временную локализацию обозначаемых ими ситуаций, а именно, на их отнесенность к прошлому относительно момента речи. Однако финитный глагол СВ в зависимости части (далее – ЗЧ) предложения вместе с союзом, вводящим эту ЗЧ, одновременно выступает как неспециализированная таксисная форма, которая в примере (6) указывает, что обозначаемая ситуация предшествует ситуации, называемой глаголом СВ в главной части (далее – ГЧ) предложения.

С нашей точки зрения, более целесообразно придерживаться узкой трактовки категории таксиса и трактовки зависимого и независимого таксиса в духе Р.О. Якобсона. В этом случае речь идет о группе однородных значений: одновременность, предшествование, следование, которые правомерно характеризовать как взаимоисключающие друг друга граммы одной категории. Что же касается широкой трактовки, то в этом случае, как мне представляется, речь идет не столько о грамматической категории в привычном смысле этого термина, сколько о стандартном способе упаковки всех значений, которые могут быть реализованы в бипредикативной конструкции при характеристике одного сообщаемого факта относительно другого сообщаемого факта. Имеется в виду, например, такой случай, когда в языке только с помощью деепричастий выражаются все значения, указывающие на отношение одного сообщаемого факта к другому сообщаемому факту, независимо от того, являются ли они однородными, что дает основание для их объединения в рамках одной категории или нет. Когда мы говорим о таксисе в узком смысле, то здесь прежде всего существенна однородность значений, а не однородность способов их упаковки.

Главная заслуга Р.О. Якобсона, предложившего для характеристики категории E^nE^n использовать вместо традиционного термина 'относительное время' термин 'таксис', состоит в том, что эта терминологическая замена позволила подвести под понятие, обозначаемое термином 'таксис' не только традиционно учитывавшиеся финитные глагольные формы относительного времени, но и многочисленные и разнообразные нефинитные глагольные формы, имеющие то же самое значение.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТАКСИСА И ТИПОЛОГИЯ ТАКСИСНЫХ ФОРМ

Мы считаем целесообразным характеризовать таксис как категорию, которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т.е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n ². Если конкретные таксисные значения маркируются с помощью тех или иных специализированных глагольных форм, то в этом и только в этом случае можно говорить о таксисе как о нешифтерной грамматической категории глагола. Содержательно таксис (относительное время) соотносится с категориями: абсолютное время и временная дистанция, которые составляют триаду основных грамматических категорий, обозначающих временные координаты или указывающих на временную локализацию некоторой ситуации P_n [Мельчук 1998].

² За пределами этого определения остаются гномические высказывания типа *Вращаясь вокруг своей оси, земля одновременно вращается вокруг солнца.*

Думается, что это определение в принципе соответствует тому подходу к описанию таксиса, который намечен в работах [Jakobson 1957; Якобсон 1972; Маслов 1983; 1984; Бондарко 1987; 1998; 1999; Мельчук 1998; Храковский 2001]. Особенно важными для нас представляются те две особенности таксисных форм, на которые эксплицитно обращает внимание Ю.С. Маслов, а именно: 1) таксисные формы указывают на хронологическое соотношение, 2) таксисные формы прототипически являются синтаксически зависимыми и обозначают второстепенное "действие", ср. [Маслов 1983: 42]. Вместе с тем из предложенного определения следует, что таксисные формы могут иметь различный категориальный статус, поскольку таксисные значения одновременности, предшествования и следования могут выражаться и с помощью специализированных нефинитных и финитных глагольных форм, и с помощью союзов в совокупности с неспециализированными финитными глагольными формами, и с помощью предлогов/послелогов в совокупности с неспециализированными глагольными формами, отглагольными именами, а также с неотглагольными предикатными именами.

Ситуации P_1 и P_2 прототипически представлены глагольными формами, которые составляют **таксисную пару**. Одна из форм этой пары – синтаксически **зависимая** – обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно ситуации P_2 , а другая форма – **опорная** (прототипически **независимая**) – обозначает ситуацию P_2 , которая служит временным ориентиром для ситуации P_1 . Термины 'таксисная пара', 'зависимая форма' и 'опорная (независимая) форма' принадлежат В.П. Неделкову [Неделков, Отаина 1987: 299].

Если исходить из того, что глагольные формы в принципе делятся на финитные и нефинитные, то зависимая и опорная таксисные формы могут быть представлены следующими комбинациями нефинитных и финитных форм:

Таблица 1

| | Зависимая форма | Опорная форма | |
|----|------------------|------------------|---|
| 1. | нефинитная форма | финитная форма | + |
| 2. | нефинитная форма | нефинитная форма | + |
| 3. | финитная форма | финитная форма | + |
| 4. | финитная форма | нефинитная форма | - |

Первую комбинацию зависимой и опорной таксисных форм иллюстрируют следующие примеры:

(11) а. Гуляя по парку, Петя смотрел/смотрит/будет смотреть по сторонам;

б. (эскимос.) Кат-йа-ми *Кат-йа-ми* *мын'тыг'а-мун*
 приходит-CONV-3SG *дом-DAT*
ук'ых'ми *аг'улиг'-ума-лг'и*
 около *остановиться-PAST-3SG*

'Приблизившись к яранге, около остановился' [Вахтин 1995: 226];

в. (чечен.) So cla vah-h-altс *jazdi-ra as*
 я-NOM домой уходить-CONV *писать-IMPRF я-ERG*

'Я писал до того, как ушел домой' [Яковлев 1940: 266];

г. После разговора с отцом я не спал/буду спать всю ночь;
 д. (селькуп.) Tary ašša tat tüpt-äqä-nty, *mat assa amyr-tent-ak*
 пока не ты приходит-VN-2SG *я не есть-FUT-1SG*

"Пока ты не придешь, я не буду есть" [Кузнецова и др. 1980: 327].

Говоря о данной комбинации таксисных форм, хочется прежде всего подчеркнуть, что примеры типа (11а)–(11в), собственно говоря, послужили базой для введения в научный оборот термина таксис, поскольку в них в качестве зависимых форм выступают деепричастия, специально предназначенные для выражения таксисных значений. Приведенные примеры могут быть прокомментированы следующим образом. Формальный русский пример (11а) представляет собой т. н. осложненное предложение, которое состоит из простого предложения с финитным глаголом в роли сказуемого и оборота с нефинитным деепричастием НСВ, которое называют деепричастием наст. вр. Деепричастный оборот выражает ситуацию P_1 , а простое предложение – ситуацию P_2 . Деепричастие наст. вр. указывает на то, что ситуация P_1 локализуется одновременно с ситуацией P_2 . В свою очередь ситуация P_2 локализуется во времени относительно момента речи. На конкретный временной план указывает временная форма глагола в позиции сказуемого, причем деепричастие сочетается с любой временной формой финитного глагола. Дополнительно отметим, что первый партициптант ситуации P_1 однореферентен с первым партициптантом ситуации P_2 и при деепричастии не выражается. Стоит подчеркнуть, что русские деепричастия в принципе являются однореферентными глагольными формами.

По своей формальной структуре эскимосский пример (11б) напоминает русский пример (11а). Это тоже осложненное предложение, которое состоит из простого предложения с финитным глаголом и оборота с деепричастием. Деепричастие выражает ситуацию P_1 , а финитный глагол – ситуацию P_2 . Показатель деепричастия *-йа* указывает на то, что ситуация P_1 непосредственно предшествует ситуации P_2 , причем ситуация P_2 локализуется только в плане прошлого, но не настоящего или будущего. В этом коренное отличие примера (11б) от примера (11а), где деепричастие сочетается с любой временной формой финитного глагола. Тем самым эскимосское деепричастие с показателем *-йа*, функционируя только как таксисная форма предшествования, в то же время выражает информацию о временной локализации (отнесенности к прошлому) обозначаемой ситуации P_1 . Еще одна специфическая особенность эскимосских деепричастий, отличающая их от русских деепричастий, заключается в том, что они безразличны к референциальным характеристикам первых партициптантов ситуаций P_1 и P_2 [Вахтин 1995: 224].

Чеченский пример (11в) формально тоже представляет собой осложненное предложение и соответственно состоит из простого предложения, выражающего ситуацию P_2 , и деепричастного оборота, выражающего ситуацию P_1 . Деепричастие на *-alts* указывает на то, что ситуация P_1 следует после ситуации P_2 , которая локализуется в прошлом до момента речи. Важно обратить внимание на то, что, хотя у ситуаций P_1 и P_2 первые партициптанты однореферентны, они оба обозначаются, занимая позицию подлежащего при деепричастии и финитном глаголе, причем подлежащее при деепричастии выступает в номинативе, а при финитном глаголе в эргативе.

Формальная специфика русского примера (11г) состоит в том, что он представляет собой простое предложение. В этом предложении ситуация P_1 выражается обстоятельством времени, состоящим из отглагольного имени, которое представляет собой нефинитную форму глагола, и вводящего это имя предлога. Что касается ситуации P_2 , то она выражается всем предложением за вычетом обстоятельства времени. Отглагольное имя в род. пад., вводимое предлогом *после*, указывает на то, что ситуация P_1 непосредственно предшествовала ситуации P_2 , которая в принципе может локализоваться в любом временном плане.

Формальная характеристика селькупского примера (11д) в традиционных терминах вызывает определенные затруднения. Дело в том, что ситуация P_1 в этом примере выражается отглагольным именем, которое вводится союзом. Если бы при помощи союза вводилась финитная форма глагола, то мы бы говорили о сложноподчиненном предложении, но поскольку союз вводит нефинитную (склоняемую) форму глагола, то, видимо, более целесообразно говорить о предложении, осложненном оборотом с именной формой глагола, которая вводится союзом, функционирующим

как предлог. Что касается ситуации P_2 , то ее представляет финитный глагол, который указывает, что эта ситуация локализована в будущем и будет осуществляться до наступления ситуации P_1 .

Вторую комбинацию зависимой и опорной таксисных форм демонстрируют следующие примеры:

(12) а. (турец.) *Hemen eczahaneye kosu-p* *bir ilâç al-arak*
 тотчас в аптеку побежать-CONV одно лекарство купить-CONV
hastaya ver-di
 больному дать-PAST:3SG

‘Тотчас в аптеку побежав, лекарство купив, он больному [его] дал’ [Кононов 1941: 228];

б. (нивх.) *Иф т’арк,-р* *тывы-н.ан йамад’*
 Он прыгнуть-CONV войти-CONV смотреть-NONFUT

‘Он прыжком вошел-когда, посмотрел’ [Недялков, Отаина 1987: 299].

Комментируя эти примеры, отметим, что случай, когда в роли и зависимой, и опорной таксисных форм выступают нефинитные формы глагола, относится к числу периферийных и стандартно возможен лишь в полипредикативных конструкциях, где опорная таксисная форма, представленная нефинитной формой глагола одновременно является зависимой по отношению к другой опорной форме, в роли которой выступает уже финитная глагольная форма.

Что касается турецкого примера (12а), то он формально представляет собой осложненное предложение с двумя деепричастными оборотами, связанными последовательным подчинением. Первый деепричастный оборот выражает ситуацию P_1 , а второй деепричастный оборот выражает ситуацию P_2 . Деепричастие на *-р* в первом деепричастном обороте указывает на то, что ситуация P_1 непосредственно предшествует ситуации P_2 , которую представляет деепричастие на *-(y)arak*. Это деепричастие, будучи опорной формой для деепричастия на *-р*, одновременно служит зависимой формой в паре с финитным глаголом, представляющим еще одну ситуацию P_3 . Как зависимая форма, деепричастие на *-(y)arak* указывает на то, что ситуация P_2 непосредственно предшествует ситуации P_3 . Что касается финитного глагола, представляющего ситуацию P_3 , то он однозначно локализует ситуацию P_3 в прошлом относительно момента речи. Нивхский пример (12б) принципиально не отличается от турецкого примера (12а). Он также представляет собой осложненное предложение с двумя деепричастиями, связанными последовательным подчинением. Первое деепричастие представляет ситуацию P_1 , а второе – ситуацию P_2 . Первое деепричастие – это деепричастие на *-р*, которое указывает, что ситуация P_1 одновременна ситуации P_2 . Второе деепричастие – это деепричастие на *-н, ан*, которое, будучи опорной формой для деепричастия на *-р*, одновременно является зависимой формой по отношению к финитному глаголу, представляющему ситуацию P_3 . Финитный глагол, выступающий в форме небудущего вр., обозначает, что ситуация P_3 в данном случае локализуется в прошлом относительно момента речи.

Третью комбинацию зависимой и опорной таксисных форм представляют следующие примеры:

(13) а. (лат.) *Themistôcles feci-t* *idem, quod viginti annis ante*
 Фемистокл сделать:PRF-3SG то же что двадцать лет до
fec-era-t *Coriolanus*
 сделать-PLUSPRF-3SG Кориолан

‘Фемистокл сделал то же, что за двадцать лет до этого сделал Кориолан’ [Соболевский 1948: 211].

| | | | | |
|------------|------------------|--------------------|------------------|----------------------|
| б. (араб.) | <i>džalas-a</i> | (<i>wa huwa</i>) | <i>ya-qrā'u</i> | <i>l = risa:lata</i> |
| | сидеть: PAST-3SG | (а он) | 3SG-читать: PRES | записку |

‘Он-сидел читая (букв. [а он] читает) записку’.

в. *Когда Петя гулял по парку, он смотрел по сторонам.*

Комментарий к этим примерам хочется начать с того, что данная комбинация глагольных форм является стандартным способом выражения категории таксиса. Латинский пример (13а) формально представляет собой сложноподчиненное предложение, состоящее из главного предложения и придаточного. Придаточное предложение выражает ситуацию P_1 , а главное – ситуацию P_2 . В придаточном предложении глагол представлен формой плюсквамперфекта, которая в данном случае обозначает, что ситуация P_1 предшествует ситуации P_2 . В главном предложении глагол представлен формой перфекта, которая обозначает, что ситуация P_2 локализуется в прошлом относительно момента речи. Важно подчеркнуть, что латинский плюсквамперфект, будучи таксисной формой, в то же время несет информацию о том, что выражаемая им ситуация локализуется в прошлом. Иначе говоря, эта форма однозначно ориентирована не только относительно формы перфекта, но и относительно момента речи.

Арабский пример (13б) интересен тем, что формально он представляет собой осложненное предложение с т. н. обстоятельственным оборотом. Обстоятельственный оборот выражает ситуацию P_1 , а само предложение – ситуацию P_2 . Специфика оборота заключается в том, что в нем употребляется финитный глагол, который в своей прототипической независимой синтаксической позиции является формой абсолютного настоящего времени. Однако когда эта форма употребляется в обстоятельственном обороте, следуя за опорным глаголом, она функционирует как относительная временная форма и указывает, что выражаемая ею ситуация P_1 локализуется одновременно с ситуацией P_2 . Что касается опорного глагола, репрезентирующего ситуацию P_2 , то это финитный глагол прошедшего времени, указывающий, что ситуация P_2 локализуется в прошлом относительно момента речи.

Русский пример (13в) представляет собой стандартное сложноподчиненное предложение с союзом *когда*, вводящим придаточное предложение. Придаточное предложение с глаголом НСВ выражает ситуацию P_1 , а главное предложение с таким же глаголом НСВ – ситуацию P_2 . Глагол в придаточном предложении представлен формой абсолютного прошедшего времени, которая, однако, находясь в позиции, зависимой от союза *когда* (и от ряда других союзов), и не утрачивая своего временного значения, функционирует уже как относительная временная форма, указывающая в данном случае на то, что ситуация P_1 локализуется одновременно с ситуацией P_2 . В главном предложении глагол представлен той же формой абсолютного прошедшего времени, но употребляется этот глагол только в своей прототипической функции и указывает, что ситуация P_2 локализуется в прошлом относительно момента речи. Фактически маркером значения одновременности в данном случае выступает отнесенность обоих глаголов к НСВ.

Суммируя сказанное относительно комбинаторики зависимой и опорной таксисных форм, следует подчеркнуть, что прототипическими являются комбинации, в которых зависимая форма является нефинитной или финитной, а опорная форма – финитной. Среди нефинитных зависимых форм важно различать, с одной стороны, те, которые сочетаются с любыми временными финитными формами, а с другой стороны, те, которые сочетаются с временными формами какого-то определенного временного плана. Если первые формы не несут абсолютно никакой информации о временной локализации обозначаемых ими ситуаций, то вторые формы такую информацию выражают, ср. [Вахтин 1995: 306]. Среди финитных зависимых форм также важно различать, во-первых, специализированные таксисные формы, во-вторых, формы, для которых таксисное значение является вторичным и, наконец, формы, которые приобретают таксисное значение, выступая в позиции, зависимой от союза. Важно обратить внимание на то, что и специализированные таксисные формы, и таксисные формы, зависимые от союза, содержат информацию о временной локализации, выражаемой ими ситуации.

Говоря о трех таксисных значениях, зададимся вопросом, являются ли значения предшествования, одновременности и следования теми далее неделимыми семантическими сущностями, которые необходимы и достаточны для адекватной характеристики категории таксиса и тех форм, с помощью которых эта категория выражается в языке. Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно и полагаем, что необходима дальнейшая субкатегоризация этих значений.

Как мы знаем, в случае предшествования синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически следующей за ней ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой. Возникает вопрос: какие существуют логические возможности следования ситуации P_2 за ситуацией P_1 с хронологической точки зрения? Можно думать, что всего таких возможностей три. Первая возможность: ситуация P_2 следует за ситуацией P_1 , прерывая ее (прерываемое предшествование). Иначе говоря, ситуация P_1 перестает иметь место под воздействием ситуации P_2 , а не прекращается естественным образом:

(14) *Перебегая (НСВ) улицу, Петя упал (СВ).*

Вторая возможность: ситуация P_2 следует непосредственно за ситуацией P_1 после ее естественного завершения (контактное предшествование):

(15) *Как только Петя вышел (СВ) из комнаты, Маша (тут же) включила (СВ) телевизор.*

Третья возможность: ситуация P_2 следует за ситуацией P_1 через какой-то интервал после ее естественного завершения (дистантное предшествование):

(16) *Через два часа после того как Петя ушел (СВ), Маша включила телевизор.*

Также мы знаем, что в случае одновременности синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически одновременной с ней ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой. Снова возникает вопрос, какие существуют логические возможности одновременного существования ситуаций P_1 и P_2 . Можно думать, что опять таких возможностей три. Первая возможность: ситуация P_1 занимает тот же временной период, что и ситуация P_2 (полная одновременность):

(17) *Когда Петя делал (НСВ) уроки, Маша читала (НСВ) книгу.*

Вторая возможность: ситуация P_2 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_1 (неполная одновременность₁):

(18) *Когда Петя делал (НСВ) уроки, в комнату вошла (СВ) Маша.*

Третья возможность: ситуация P_1 локализуется в рамках временного периода, занимаемого ситуацией P_2 (неполная одновременность₂):

(19) *Когда в комнату вошла (СВ) Маша, Петя делал (НСВ) уроки.*

Кроме того, нам известно, что в случае следования синтаксически зависимая таксисная (нефинитная или финитная) форма обозначает ситуацию P_1 , которая ориентирована относительно хронологически предшествующей ей ситуации P_2 , выражаемой опорной, синтаксически независимой (стандартно финитной) глагольной формой. В очередной раз возникает вопрос: какие существуют логические возможности следования ситуации P_1 за ситуацией P_2 с хронологической точки зрения? Опять можно думать, что всего таких возможностей три. Первая возможность: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 , прерывая ее (прерывающее следование). Иначе говоря, ситуация P_2 перестает иметь место под воздействием ситуации P_1 , а не прекращается естественным образом:

(20) *Петя делал (НСВ) уроки, пока не пришла (СВ) Маша.*

Вторая возможность: ситуация P_1 следует непосредственно за ситуацией P_2 после ее естественного завершения (контактное следование):

(21) *Прежде чем выйти (СВ) из дому, Петя выключил (СВ) свет.*

Третья возможность: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 через какой-то интервал после ее естественного завершения (дистантное следование):

(22) *За два дня до того как Петя уехал (СВ), он получил (СВ) письмо от Маши.*

Если согласиться с приведенным рассуждением, то для адекватной характеристики и таксиса предшествования, и таксиса одновременности, и таксиса следования нужно учитывать один параметр, который принимает три значения. В случае таксиса предшествования и таксиса следования эти значения, грубо говоря, характеризуют все теоретические возможности следования двух ситуаций друг за другом на хронологической оси, а в случае таксиса одновременности эти значения характеризуют все теоретические возможности заполнения двумя ситуациями одного периода времени.

Все выделенные частные таксисные значения (всего их девять) удобно представить на следующей шкале, которая строится на базе презумпции, что соседние значения на этой шкале связаны семантическими мостиками и наиболее близки друг другу:

| | | | | | | | | |
|-----------------|-------|-------|-----------------|------|--------|------------|-------|-------|
| дист. | конт. | прер. | непол. | пол. | непол. | прер. | конт. | дист. |
| предшествование | | | одновременность | | | следование | | |

Данная шкала в несколько видоизмененном виде заимствована из работы [Мальчуков 2001], где, насколько я могу судить, это важное и полезное понятие впервые введено в научный оборот. Заметим, однако, что принимая постулат, в соответствии с которым девять конкретных таксисных значений этой шкалы, представлены в любом естественном языке, мы остерегаемся делать прогноз о правилах соответствия этих значений и средств их выражения. В принципе эти соответствия могут быть достаточно разнообразны. В частности, одному значению может соответствовать один показатель, одному значению может соответствовать несколько показателей, нескольким значениям может соответствовать один показатель и т.д. Важно, однако, обратить внимание на то, что в работе [Мальчуков 2001: 195] высказывается интересное предположение, "что данная шкала универсально ограничивает полисемию таксисных показателей, исключая "прерывные" участки на шкале. Так, например, если какая-либо форма/конструкция способна выражать контактное предшествование и полную одновременность, то... она способна выражать и промежуточные значения прерывания и частичной одновременности".

Это предположение, аргументируемое с помощью анализа употребления эвенских деепричастий, на первый взгляд представляется вполне правдоподобным, но, как нам кажется, на самом деле оно является слишком сильным. Как будто бы имеются такие таксисные формы, которые выражают значения, не контактирующие друг с другом на этой шкале. К числу таких форм относится деепричастие СВ в русском языке, когда оно употребляется в предложении с деепричастным оборотом.

Ситуация P_1 , называемая деепричастием СВ в обороте, прототипически непосредственно предшествует ситуации P_2 , называемой финитным глаголом в предложении (контактное предшествование), причем ситуация P_2 , называемая финитным глаголом и соотносимая с моментом речи, может локализоваться и в прошлом, и в настоящем, и будущем, а сам финитный глагол может выступать как в форме НСВ, так и в форме СВ:

- (23) а. *Сходил (СВ) за водой, Петя работал (НСВ) в саду;*
- б. *Сходил (СВ) за водой, Петя поработал (СВ) в саду;*
- в. *Сходил (СВ) за водой, Петя работает (НСВ) в саду;*
- г. *Сходил (СВ) за водой, Петя будет работать (НСВ) в саду;*
- д. *Сходил (СВ) за водой, Петя поработает (СВ) в саду.*

Обратим внимание на то обстоятельство, что ситуация P_1 называемая деепричастием СВ в примерах (23а)–(23в) фактически локализуется в прошлом. Иными словами и при финитном глаголе настоящего времени, и при финитном глаголе прошедшего времени деепричастие СВ называет ситуацию P_1 , относимую к плану прошлого. Другое дело, что в случае примеров (23а)–(23б) деепричастие СВ называет

ситуацию P_1 , которая предшествует ситуации P_2 , тоже локализуемой в прошлом, тогда как в случае примера (23в) деепричастие СВ называет ситуацию P_1 , которая предшествует ситуации P_2 , относимой к плану настоящего времени. Эта последняя ситуация фактически началась до момента речи, осуществляется в момент речи и будет продолжаться после момента речи. Что касается примеров (23г)–(23д), то в них и ситуация P_1 , называемая деепричастием СВ, и ситуация P_2 , называемая финитным глаголом, локализируются в будущем времени.

Существенно подчеркнуть, что иногда перед деепричастием СВ может употребляться союз *едва*, который специально подчеркивает, что ситуация P_2 , обозначаемая финитным глаголом, следует за ситуацией P_1 , обозначаемой деепричастием СВ, практически без какого-либо временного интервала:

(24) *Едва проснувшись (СВ), Петя включил (СВ) телевизор.*

Необходимо заметить, что деепричастие СВ может обозначать результат ранее осуществившейся ситуации P_1 , который наблюдается одновременно с ситуацией P_2 , обозначаемой финитным глаголом СВ:

(25) *Высунув (СВ) язык, мордку поднявши (СВ), / прибежал (СВ) бесенок, задыхаясь (А. Пушкин).*

Если же финитный глагол является глаголом НСВ, за кадром остается информация о том, когда осуществилась ситуация P_1 , приведшая к этому результату: то ли до начала ситуации P_2 , называемой финитным глаголом, то ли уже после ее начала:

(26) *Петя шел (НСВ), опустив (СВ) голову.*

В работе [Акимова, Козинцева 1987: 262–263, ср. Русская грамматика 1952; Барентсен, Хиндрикс 1988] было сделано важное наблюдение, согласно которому деепричастие СВ, прототипически выражающее предшествующее действие, находясь в постпозиции относительно основного финитного глагола, может иногда выражать не предшествующее, а последующее действие. Вот примеры, с помощью которых авторы иллюстрируют это положение:

(27) а. *Мать уложила (СВ) его в постель, накрыв (СВ) бледный лоб полотенцем (М. Горький);*

(28) а. *...он рассказал (СВ) мне все дело, прибавив (СВ), что именно потому поторопился приехать, чтоб предупредить меня... (А. Герцен).*

Любопытно отметить, что если в этих примерах изменить порядок следования частей конструкции, то в первом из них деепричастие СВ, как ему и положено, будет обозначать предшествующее действие, тогда как второй становится сомнительным с семантической точки зрения, см. (27б) и (28б):

(27) б. *Накрыв (СВ) (его) лоб полотенцем, мать уложила (СВ) его в постель;*

(28) б. *?Прибавив (СВ), что именно потому поторопился приехать, он рассказал (СВ) мне все дело.*

Добавим к приведенным примерам (27а) и (28а) еще один пример:

(29) а. *Петя вышел (СВ) из квартиры, захлопнув (СВ) за собой дверь.*

Как и в примерах (27а) и (28а) в этом примере деепричастие СВ, находясь в постпозиции относительно финитного глагола, выражает последующее действие, однако в отличие от примеров (27а) и (28а) при перестановке в этом примере частей конструкции деепричастие СВ по-прежнему будет обозначать последующее действие:

(29) б. *Захлопнув (СВ) за собой дверь, Петя вышел (СВ) из квартиры.*

Таким образом, можно думать, что семантика деепричастия СВ, детерминирующая возможность его употребления либо только в постпозиции относительно финитного глагола, либо как в постпозиции, так и в препозиции, в сочетании с семантикой финитного глагола служит импульсом для того, чтобы деепричастие СВ обозначало не предшествующую (прототипический случай), а последующую (маргинальный случай) ситуацию.

Если согласиться с тем, что предложенная характеристика деепричастия СВ является адекватной, и соответственно это деепричастие может выражать не только контактное предшествование, но и контактное следование, а эти значения не соседству-

ют друг с другом на таксисной шкале, то из этого вытекает следующий вывод. Полисемия таксисных показателей, исключаяющая "прерывные" участки на шкале, видимо, представляет собой господствующую тенденцию, однако в маргинальных случаях возможна и полисемия, которая, как и у русского деепричастия СВ, обозначающего и контактное предшествование, и контактное следование, допускает "прерывные" участки на шкале таксисных значений.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАКСИСНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Основываясь на предложенном определении таксиса, нам бы хотелось в этой работе провести естественную классификацию конструкций, подводимых под это определение. С нашей точки зрения, существенными для этой классификации являются следующие моменты: 1. являются ли ситуации, выражаемые в таксисных конструкциях, семантически самостоятельными или же одна ситуация занимает валентностное место, открываемое другой ситуацией; 2. является ли таксисная связь между ситуациями в конструкции единственной или неединственной и к тому же фоновой.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что в рамках естественной классификации различаются три типа таксисных конструкций, обладающих специфическими содержательными и формальными особенностями. К первому типу относятся конструкции, в которых представлены ситуации, связанные валентностными отношениями. Речь идет о таких конструкциях, в которых одна ситуация P_1 , как принято говорить, вставлена, или вложена, в другую ситуацию P_2 , т.е. заполняет одно из ее валентностных мест, и, следовательно, такие ситуации нельзя квалифицировать как самостоятельные. Что же касается таксисных отношений между этими ситуациями, одна из которых является предикатным актантом другой, то они возникают всего лишь как следствие их валентностных отношений. Примером могут служить конструкции с модусными глаголами речи, мыслительной деятельности, чувственного восприятия. У подобных глаголов есть валентность содержания или стимула, которую заполняет предикатный актанта, т.е. ситуация P_1 . Примером такой конструкции может служить латинское сложноподчиненное предложение [Соболевский 1948: 220]:

(30) *Sciam, quid egeris*
знать-INDIC.1SG что делать-PERF.CONJ.2SG
'Я буду знать, что ты (с)делал'.

В ЗЧ этого предложения употреблена таксисная глагольная форма перфекта сослагательного наклонения (*Perfectum conjunctivi*), которая в данном случае специально указывает, что обозначаемая ею ситуация P_1 ('действия') предшествует ситуации P_2 ('знания'), обозначаемой в ГЧ предложения глагольной формой абсолютного будущего времени (*Futurum I – simplex*). Однако при этом ситуация P_1 , называемая в ЗЧ глаголом *ago* 'делать, действовать' заполняет валентность содержания ситуации P_2 , называемой в ГЧ глаголом *scio* 'знать'. Таким образом, в данном случае таксисные отношения между ситуациями возникают как следствие их валентностных отношений.

Ко второму типу относятся таксисные конструкции, в которых представлены самостоятельные ситуации, не связанные валентностными отношениями. Эти конструкции специально предназначены для выражения таксисных значений одновременности, предшествования, следования. Примером может служить латинское сложноподчиненное предложение

(31) *Moriatur Epicūrus, quum duo et septuaginta annos vixerit*
умирать-FUTII.3SG Э. когда два и семьдесят лет жить-FUTII.3SG
'Умрет Эпикур, когда проживет 72 года' [Соболевский 1948: 214].

В ЗЧ этого предложения употреблена таксисная глагольная форма относительного будущего времени (*Futurum II – exactum*), которая специально указывает, что

обозначаемая ею ситуация P_1 ('срока жизни') будет предшествовать ситуации P_2 ('смерти'), обозначаемой в ГЧ предложения глагольной формой абсолютного будущего времени (*Futurum I – simplex*). Ситуации, выражаемые в ЗЧ и ГЧ предложения, связаны только таксисными отношениями и никакими другими.

В существующих описаниях категории таксиса и таксисных конструкций, насколько мне известно, не различаются таксисные конструкции первого типа (валентностный таксис) и таксисные конструкции второго типа (невалентностный таксис). В большей мере в этих описаниях учитываются таксисные конструкции третьего типа. Имеются в виду такие несобственно таксисные бипредикативные конструкции, например, причинные, условные, уступительные, в которых тем не менее в качестве фоновых обязательно присутствуют и таксисные отношения между частями конструкции (фоновый таксис). Именно эти конструкции имел в виду Р. О. Якобсон, давая свое широкое определение таксиса. Примером такой конструкции может служить условное сложноподчиненное предложение

(32) *Если абитуриент решил задачу, то он поступит в университет.*

В ЗЧ этого предложения названа ситуация P_1 ('решение задачи'), которая представляет собой условие, необходимое и достаточное для наступления ситуации следствия P_2 ('поступление в университет'). Таким образом, подобная конструкция прежде всего предназначена для выражения условно-следственных отношений между ситуациями. Вместе с тем между ситуациями, называемыми в обеих частях предложения, существуют и таксисные отношения. Ситуация условия P_1 локализуется в прошлом до момента речи и предшествует ситуации следствия P_2 , локализуемой в будущем после момента речи. Ниже мы попытаемся кратко охарактеризовать все три типа таксисных конструкций, специально обращая внимание на их сходства и отличия.

Если сравнивать между собой конструкции валентностного и невалентностного таксиса, то необходимо отметить, что в конструкциях обоих типов могут употребляться как специализированные таксисные глагольные формы, т.е. формы, используемые исключительно или преимущественно для выражения таксисных значений, так и неспециализированные формы, т.е. формы, для которых выражение таксисных значений является не основной, а маргинальной функцией, однако первые формы стандартно, а вторые часто в конструкциях невалентностного и валентностного таксиса являются разными.

В частности, в латыни в конструкциях валентностного таксиса, образуемых глаголами мыслительной деятельности, как специализированные таксисные формы используются финитные временные формы сослагательного наклонения. Если глагол в ГЧ предложения выступает в форме настоящего или будущего времени, то значение одновременности выражается глаголом сослагательного наклонения в форме настоящего времени, см. (33а), значение предшествования выражается глаголом сослагательного наклонения в перфекте, см. (33в, г), а значение следования выражается глаголом сослагательного наклонения в форме аналитического будущего (со вспомогательным глаголом *esse* 'быть' в презенсе), см. (33б). Если же глагол в ГЧ предложения выступает в одной из форм прошедшего времени, то значение одновременности выражается глаголом сослагательного наклонения в имперфекте, см. (33д), значение предшествования выражается глаголом сослагательного наклонения в плюсквамперфекте, см. (33е), а значение следования выражается глаголом сослагательного наклонения в форме аналитического будущего со вспомогательным глаголом *esse* 'быть' в имперфекте, см. (33ж) [Соболевский 1948: 220]:

(33) а. *Scio, quid agas*
знать-PRES.INDIC.1SG что делать-PRES.CONJ.2SG

'Я знаю, что ты делаешь';

б. *Scio, quid acturus sis*
знать-PRES.INDIC.1SG что делать-FUT.CONJ.2SG быть-PRES-2SG

‘Я знаю, что ты будешь делать/сделаешь’;

в. *Scio,* *quid egeris*
знать-PRES.INDIC.1SG что делать-PERF.CONJ.2SG

‘Я знаю, что ты (с)делал’

г. *Sciam,* *quid egeris*
знать-FUT.INDIC.1SG что делать-PERF.CONJ.2SG

‘Я буду знать, что ты (с)делал’.

д. *Scivi,* *quid ageres*
знать-PERF.INDIC.1SG что делать-IMPERF.CONJ.2SG

‘Я (у)знал, что ты делаешь’

е. *Scivi,* *quid egisses*
знать-PERF.INDIC.1SG что делать-PLUSPERF.CONJ.2SG

‘Я узнал, что ты делал’;

ж. *Scivi,* *quid acturus esses*
знать-PERF.INDIC.1SG что делать-FUT.CONJ.2SG быть-IMPERF.2SG

‘Я узнал, что ты сделаешь’.

Очевидно, специализированными таксисными формами следует считать и формы инфинитива в обороте *Accusativus cum infinitivo*, который употребляется в качестве актанта при глаголах речи и чувственного восприятия. При главном глаголе влюбой временной форме презентный инфинитив обозначает одновременность, перфектный инфинитив – предшествование, а футуральный инфинитив – следование [Соболевский 1948: 300]:

(34) а. *Dico/dixi/dicam* *fratrem epistulam*
сказать-PRES/PERF/FUT.INDIC.1SG брат-ACC письмо-ACC
scribere
писать-INF.PRES

‘Я говорю/сказал/скажу, что брат пишет письмо’

б. *Dico/dixi/dicam* *fratrem epistulam*
сказать-PRES/PERF/FUT.INDIC.1SG брат-ACC письмо-ACC
scripsisse
писать-INF.PERF

‘Я говорю/сказал/скажу, что брат написал/писал письмо’;

в. *Dico/dixi/dicam* *fratrem epistulam*
сказать-PRES/PERF/FUT.INDIC.1SG брат-ACC письмо-ACC
scripturum esse
писать-INF.FUT

‘Я говорю/сказал/скажу, что брат напишет/будет писать письмо’.

Также специализированными таксисными формами следует считать и формы активного причастия настоящего времени, когда они употребляются в обороте при глаголах чувственного восприятия. Независимо от временной формы глагола чувственного восприятия, причастие обозначает ситуацию, которая происходит одновременно с ситуацией, называемой глаголом чувственного восприятия [Соболевский 1948: 324–325]:

(35) а. *Video* *hominem,* *epistulam* *scribentem*
видеть- человек-ACC.SG письмо-ACC.SG писать-PART.PRES
PRES.INDIC.1SG

‘Я вижу человека, пишущего письмо’.

| | | | |
|--|----------------|-------------------|-------------------|
| б. <i>Vidi</i> | <i>hominem</i> | <i>epistulam</i> | <i>scribentem</i> |
| видеть- PERF.INDIC.1SG | человек-ACC.SG | письмо-ACC.SG | писать-PART.PRES |
| ‘Я видел человека, писавшего/пишущего письмо’. | | | |
| в. <i>Videbo</i> | <i>hominem</i> | <i>epistulam</i> | <i>scribentem</i> |
| видеть- FUT.INDIC.1SG | человек-ACC.SG | письмо- ACC.SG | писать-PART.PRES |
| ‘Я увижу человека, пишущего письмо’. | | | |

В то же время, как мы знаем, в конструкциях невалентностного таксиса в роли таксисных форм выступают формы будущего II, которое обозначает ситуацию P₁, предшествующую другой ситуации P₂ в будущем, см. (31), и формы плюсквамперфекта, который обозначает ситуацию P₁, предшествующую другой ситуации P₂ в прошлом, см. (13а).

Если в латыни в конструкциях с глаголами речи, мыслительной деятельности и чувственного восприятия в роли специализированных таксисных форм выступают финитные формы сослагательного наклонения, формы инфинитива и формы причастия, то в эвенском языке, принадлежащем к семье тунгусо-маньчжурских языков, в ЗЧ аналогичных конструкций употребляются причастия, которые изменяются по временам, падежам, лицам и числам (устное сообщение А. Л. Мальчукова):

| | |
|---------------------------------------|-----------------|
| (36) а. <i>Би яв о-д-ди-ву-с</i> | <i>ха-ра-м</i> |
| я что делать-PROC-PART-ACC-2SG | знать-AOR-1SG |
| ‘Я знаю, что ты делаешь’. | |
| б. <i>Би яв о-ча-ву-с</i> | <i>ха-ра-м</i> |
| я что делать-PRF.PART-ACC-2SG | знать-AOR-1SG |
| ‘Я знаю, что ты делал’. | |
| в. <i>Би яв о-джиуа-ву-с</i> | <i>ха-ра-м</i> |
| я что делать-FUT.PART-ACC-2SG | знать-AOR-1SG |
| ‘Я знаю, что ты будешь делать’. | |
| (37) а. <i>Би яв о-д-ди-ву-с</i> | <i>ха-ри-в</i> |
| я что делать-PROC-PART-ACC-2SG | знать-PAST-1SG |
| ‘Я знал, что ты делаешь’. | |
| б. <i>Би яв о-ча-ву-с</i> | <i>ха-ри-в</i> |
| я что делать-PRF.PART-ACC-2SG | знать-PAST-1SG |
| ‘Я знал, что ты делал’. | |
| в. <i>Би яв о-джиуа-ву-с</i> | <i>ха-ри-в</i> |
| я что делать-FUT.PART-ACC-2SG | знать-PAST-1SG |
| ‘Я знал, что ты будешь делать’. | |
| (38) а. <i>Би яв о-д-ди-ву-с</i> | <i>ха-джи-м</i> |
| я что делать-PROC-PART-ACC-2SG | знать-FUT-1SG |
| ‘Я буду знать, что ты делаешь’. | |
| б. <i>Би яв о-ча-ву-с</i> | <i>ха-джи-м</i> |
| я что делать-PRF.PART-ACC-2SG | знать-FUT-1SG |
| ‘Я буду знать, что ты делал’. | |
| в. <i>Би яв о-джиуа-ву-с</i> | <i>ха-джи-м</i> |
| я что делать-FUT.PART-ACC-2SG | знать-FUT-1SG |
| ‘Я буду знать, что ты будешь делать’. | |

Что касается конструкций невалентностного таксиса в эвенском языке, то в ЗЧ таких конструкций употребляется не причастие, а деепричастие. Деепричастие бы-

вает односубъектным, как и русское деепричастие, и в этом случае оно является неизменяемой глагольной формой (показатель – суффикс *-ми*) [Мальчуков 1998: 453]:

- (39) *Мучу-ми* *буйух-нэ-рэ-м*
вернуться-CONV охотиться-DIRECT-NONFUT-1SG
'Когда я вернулся, пошел на охоту'.

Деепричастие бывает разносубъектным (показатель – суффикс *-рак*) и в этом случае оно изменяется по лицам и числам [Мальчуков 1998: 468].

- (40) *Кухи-кэчи-д-дэ-к-у* *хи айкуа*
сражаться-DISTR-PROC-CONV-1SG ты безопасно
гирка-вачи-д-ди-х
шагать-NAV-PROC-PAST-2SG
'Пока я сражался, ты безопасно расхаживал'.

Что касается конструкций валентностного таксиса в русском языке, то в них употребляются неспециализированные таксисные глагольные формы. Если в ГЧ таких конструкций выступает глагол речи, мыслительной деятельности, чувственного восприятия, то в ЗЧ этих конструкций, вводимой союзами *что* и *как* и реализующей валентность содержания или стимула, употребляются глагольные формы, которые по своей основной функции являются абсолютными временными формами:

- (41) *Петя сказал мне, что Коля читает книгу.*

В этом предложении ситуация P_1 , называемая глаголом *читать*, заполняет валентность содержания ситуации P_2 , называемой глаголом *сказать*. В то же время форма настоящего времени глагола *читать* в данном случае указывает на то, что ситуация P_1 , называемая этой формой, происходит одновременно с ситуацией P_2 , называемой формой прошедшего времени глагола *сказать*, и тем самым эта форма выражает таксисное значение одновременности, см. также переводы латинских примеров (33)–(35) и эвенских примеров (36)–(38).

Говоря о конструкциях невалентностного таксиса в русском языке, следует отметить следующее. В современном русском языке, очевидно, есть всего две конструкции со специализированными таксисными глагольными формами. Это предложения, осложненные деепричастным оборотом, которые прототипически выражают значение предшествования (деепричастие СВ) и одновременности (деепричастие НСВ). Хорошо известная специфическая особенность деепричастий состоит в том, что они могут сочетаться с любыми видовременными финитными формами глагола, см. (23) и (42):

- (42) а. *Петя бежал (НСВ), размахивая (НСВ) руками;*
б. *Петя побежал (СВ), размахивая (НСВ) руками;*
в. *Петя бежит (НСВ), размахивая (НСВ) руками;*
г. *Петя будет бежать (НСВ), размахивая (НСВ) руками;*
д. *Петя побегит (СВ), размахивая (НСВ) руками.*

Роль этих конструкций в выражении таксисных значений довольно ограничена, если учитывать, что они употребляются только в письменной речи и требуют обязательной кореферентности привилегированных (первых) участников обозначаемых ситуаций.

В то же время в русском языке достаточно широко представлены конструкции с неспециализированными таксисными глагольными формами. Значение следования выражают предложения с инфинитивным оборотом и сложноподчиненные предложения с союзами *перед тем как*, *до того как*, *прежде чем*, *раньше чем*, сложноподчиненные предложения с союзами *пока* и *когда*, а также простые предложения с предикатными именами, вводимыми предлогами *перед*, *до* и *накануне*. Значение предшествования выражают сложноподчиненные предложения с союзами *после того как*,

когда, с тех пор как, лишь только, как только, едва и простые предложения с предикатными именами, вводимыми предлогом *после*. Наконец, значение одновременности выражают сложноподчиненные предложения с союзами *в то время как, когда, пока, с тех пор как*, простые предложения с предикатными именами, вводимыми предлогом *во время*, а также предложения, осложненные оборотом с действительным причастием НСВ настоящего времени.

Конструкция с инфинитивным оборотом, вводимым союзом *перед тем как, до того как, прежде чем, раньше чем* по своим формальным свойствам напоминает конструкцию с деепричастным оборотом. Это проявляется в том, что первые участники ситуаций, называемых инфинитивом и финитным глаголом, в обязательном порядке кореферентны, причем при инфинитиве, как хорошо известно, первый участник в принципе не может быть выражен, а кроме того, инфинитив способен сочетаться с любыми видовременными финитными формами глагола:

- (43) а. *Перед тем как уехать (СВ), Петя работал (НСВ) в саду;*
- б. *Перед тем как уехать (СВ), Петя поработал (СВ) в саду;*
- в. *Перед тем как уехать (СВ), Петя будет работать (НСВ) в саду;*
- г. *Перед тем как уехать (СВ), Петя поработает (СВ) в саду;*
- д. *Перед тем как уехать (СВ), Петя (обычно) работает (НСВ) в саду.*

Важная особенность сложноподчиненных предложений, отличающая их от предложений, осложненных инфинитивным оборотом, состоит в том, что в них вовсе не обязательна, хотя вполне возможна кореферентность первых участников ситуаций, называемых финитными глаголами, а кроме того и в ЗЧ, и в ГЧ этих предложений обычно употребляются финитные формы, локализирующие обозначаемые ситуации в одном и том же временном плане:

- (44) а. *После того как Петя сходил (СВ) за водой, он работал (НСВ) в саду;*
- б. *После того как мы уедем (СВ), Петя будет работать (НСВ) в саду;*

Что касается простых предложений с предикатными именами, то они с одной стороны напоминают предложения, осложненные деепричастным или инфинитивным оборотом, а с другой стороны – сложноподчиненные предложения. С осложненными предложениями их сближает то, что предикатное имя может в принципе сочетаться с любой видовременной финитной формой глагола, а со сложноподчиненными предложениями их сближает то, что первые участники ситуаций, называемых предикатным именем и финитным глаголом, могут быть либо кореферентны, либо некорреферентны:

- (45) а. *Накануне (своего) отъезда Петя работал (НСВ) в саду;*
- б. *Накануне нашего отъезда Петя будет работать (НСВ) в саду.*

Важную роль в формировании таксисных значений играет категория вида и в меньшей степени – времени, поскольку та или иная комбинация видовременных форм в ЗЧ и ГЧ предложения обязательна при выражении данного таксисного значения, а в предложениях с союзами *когда, с тех пор как* и *пока* именно комбинация видовременных форм прототипически определяет конкретное таксисное значение конструкции.

- (46) а. *Когда я читал (НСВ) книгу, Петя работал (НСВ) в саду;*
- б. *Когда я вошел (СВ) в комнату, Петя проснулся (СВ).*

И в примере (46а), и в примере (46б) употреблен один и тот же союз *когда*, однако и в ЗЧ, и в ГЧ примера (46а) представлены финитные формы НСВ, и благодаря этому в предложении выражается таксисное значение одновременности. В то же время в ЗЧ и в ГЧ примера (46б) представлены финитные формы СВ, и благодаря этому в предложении выражается таксисное значение предшествования.

Если говорить о сходстве и различиях конструкций валентностного и невалентностного таксиса, то можно заметить следующее. Как мы уже упоминали, во многих определениях таксис "трактруется... как выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряженность действий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках **единого временного плана**" (выделено нами. – В.Х.) [Бондарко 1999: 98]. Дейст-

вительно, в конструкциях валентностного и невалентностного таксиса зависимая (таксисная) глагольная форма и независимая глагольная форма, составляющие таксисную пару, как правило, обозначают ситуации, локализующиеся в одном временном плане. Вместе с тем среди конструкций невалентностного таксиса есть конструкции типа

(47) *Сделав (СВ) зарядку, Петя завтракает (НСВ)*,

в которых ситуация P_1 , обозначаемая таксисным деепричастием СВ, локализуется в прошлом, тогда как ситуация P_2 , обозначаемая финитным глаголом, локализуется в плане настоящего времени. Иными словами, ситуации, выражаемые в этой конструкции, относятся к разным, хотя и сопряженным временным планам. Есть такие конструкции и среди конструкций валентностного таксиса:

(48) а. *Я знаю (НСВ), что ты делал (НСВ)/сделал (СВ) (месяц назад).*

б. *Я знаю (НСВ), что ты будешь делать (НСВ)/сделаешь (СВ) (на будущей неделе).*

В (48а) ситуация P_1 предшествует ситуации P_2 , локализуемой в плане настоящего, и соответственно локализуется в прошлом, а в (48б) ситуация P_1 , локализуемая в будущем, следует за ситуацией P_2 , локализуемой в настоящем. Таким образом, ситуации, выражаемые и в этих примерах, относятся к разным, хотя и сопряженным временным планам.

Учитывая примеры типа (47)–(48), мы должны либо говорить о том, что выражаемые в таксисных конструкциях ситуации относятся к одному или разным, но сопряженным временным планам, либо считать сопряженные временные планы (планы прошедшего и настоящего, настоящего и будущего) одним временным планом. Первое решение представляется нам более приемлемым, и поэтому можно считать, что сходство конструкций валентностного и невалентностного таксиса состоит в том, что выражаемые в этих конструкциях ситуации локализируются как в одном временном плане (прототипическая ситуация), так и в разных, но сопряженных временных планах (маргинальная ситуация).

Вместе с тем среди конструкций валентностного таксиса есть и такие, в которых выражаемые ситуации относятся к разным и не сопряженным временным планам. Имеются в виду конструкции типа

(49) *Я знал (НСВ), что ты будешь делать (НСВ)/сделаешь (СВ) на следующей неделе.*

(50) *Я буду знать (НСВ), что ты делал (НСВ)/сделал (СВ) месяц назад.*

Аналогичных конструкций как будто бы нет среди конструкций невалентностного таксиса, и в этом состоит существенное отличие между этими двумя типами конструкций.

Вместе с тем такие конструкции встречаются среди конструкций фонового таксиса, к рассмотрению которых мы сейчас и переходим. Речь идет о таких конструкциях, как, например, причинные, условные, уступительные, в которых в качестве фоновых обязательно присутствуют и таксисные отношения между частями конструкции, хотя сами по себе эти конструкции таксисными не считаются. Специфическая особенность таких конструкций заключается в том, что в них таксисные отношения существуют как между ситуациями, локализуемыми в рамках одного временного плана, так и между ситуациями, локализуемыми в рамках различных, в том числе и несопряженных временных планов:

(51) а. *Если Петя сдал экзамен, он поступил в университет;*

б. *Если Петя сдал экзамен, он поступит в университет;*

в. *Если Петя сдаст экзамен, он поступит в университет.*

В предложениях примера (51) представлены три варианта одной условной конструкции, которые отличаются друг от друга временной локализацией обозначаемых ситуаций: в (51а) обе ситуации локализованы в прошлом, в (51б) ситуация P_1 , обозначаемая в ЗЧ предложения, локализована в прошлом, а ситуация P_2 , обозначаемая в ГЧ предложения, локализована в будущем, в (51в) обе ситуации локализованы в

будущем. При этом во всех трех предложениях выражается одно и то же фоновое таксисное отношение: ситуация P_1 , обозначаемая в ЗЧ предложения, предшествует ситуации P_2 , обозначаемой в ГЧ предложения.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что между конструкциями невалентностного таксиса и конструкциями с фоновым таксисом в ряде случаев отсутствуют четкие границы. В частности, таксисные отношения между ситуациями в принципе могут быть осложнены отношениями условия, причины, уступки, ср. [Бондарко 1999: 99]. Так, в русском языке предложения, осложненные оборотом со специализированным таксисным деепричастием НСВ, могут выражать и условное значение, если в ГЧ предложения употреблен глагол в форме будущего времени, и причинное значение, если в ГЧ предложения употреблен глагол в форме прошедшего времени, ср. [Барентсен, Хиндрикс 1988: 15]:

(52) а. **Применяя (НСВ) эту аргументацию, вы не добьётесь (СВ) понимания слушателей** = 'Если вы будете применять эту аргументацию, вы не добьётесь понимания слушателей'.

б. **Применяя (НСВ) эту аргументацию, вы не добились (СВ) понимания слушателей** = 'Поскольку вы применяли эту аргументацию, вы не добились понимания слушателей'.

Вообще следует заметить, что в некоторых языках существуют конструкции, которые могут интерпретироваться и как таксисные, и как условные (с фоновым таксисом), если в ГЧ конструкции употреблен глагол в форме будущего времени [Храковский 1998, ср. Гусев 2002]. К таким конструкциям, в частности, относится конструкция с союзом *wenn* в немецком языке:

(53) *Wenn ich morgen zu meiner Mutter gehe, werde ich ihr ein Buch kaufen.*

'Когда/если я завтра пойду к матери, я куплю ей книгу'.

Такая конструкция есть и в уже упомянутом выше эвенском языке. Это конструкция с оборотом, содержащим деепричастие, которое в зависимости от целого ряда условий может иметь либо таксисную интерпретацию, см. (39)–(40), либо условную (с фоновым таксисом) [Мальчуков 1998: 458]:

(54) *Ак-му тиек мучу-д-ми*
 брат-мой сейчас вернуться-PROC-CONV
тиминак д'у-ла-й эм-д'и-н
 завтра дом-LOC-REFL прийти-FUT-1SG

'Если мой брат сейчас возвращается, завтра придет домой'.

Но если в ГЧ такой конструкции употреблен финитный глагол в форме будущего времени, то такая конструкция с равным успехом может быть интерпретирована и как таксисная, и как условная (с фоновым таксисом) [Мальчуков 1998: 453]:

(55) *Ак-му мучу-рака-н буйух-нэ-д'и-м*
 брат-мой вернуться-CONV-3SG охотиться-DIRECT-FUT-1SG

'Когда/если мой брат вернется, я пойду на охоту'.

Кроме того, эта конструкция наряду с условной, может иметь и причинную интерпретацию [Мальчуков 1998: 470]:

(56) *Дил-и эн-сэкэ-н ургэ-лэ-й*
 голова-REFL болеть-CONV-3SG работа-LOC-REFL
э-тэ-м хо:р-рэ
 не.делать-FUT-1SG пойти-NEG.CONV

'Если будет болеть голова, на работу не пойду'/'Раз болит голова, на работу не пойду'.

Любопытно отметить, что фоновое таксисное значение предшествования при обеих интерпретациях не является идентичным. При условной интерпретации обе ситуации, связанные таксисным отношением, локализируются в будущем после момента речи, тогда как при причинной интерпретации ситуация, выражаемая в деепричастном обороте, локализуется уже не в будущем, а в настоящем, т.е. одновременно моменту речи.

Резюмируем сказанное. Все бипредикативные конструкции, части которых связаны таксисными отношениями, делятся на три группы. В одну группу входят конструкции валентностного таксиса. Ситуация, выражаемая глаголом в ЗЧ такой конструкции, заполняет валентность содержания или стимула ситуации, называемой глаголом в ГЧ конструкции. Другую группу составляют конструкции невалентностного таксиса. Ситуации, выражаемые глаголами в обеих частях таких конструкций, являются независимыми. Третья группа включает конструкции, имеющие особую семантику, однако независимые ситуации, выражаемые в обеих частях такой конструкции, попутно связаны таксисными отношениями. Жестких границ между указанными группами нет. Все группы имеют те или другие общие параметры, однако наиболее тесно связаны друг с другом конструкции невалентностного и фонового таксиса, в которых выражаются независимые ситуации.

Самый существенный вывод заключается в следующем. Давая широкую и узкую трактовку таксиса, которые на первый взгляд исключают друг друга, Р. О. Якобсон был не так уж не прав. Под узкое определение таксиса подводятся бипредикативные конструкции, для которых то или другое конкретное таксисное значение является прототипическим, а под широкое определение таксиса подводятся те бипредикативные конструкции, для которых конкретное таксисное значение является не прототипическим, а фоновым, сопутствующим прототипическому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова, Козинцева 1987 – *Т.Г. Акимова, Н.Л. Козинцева*. Аспектуально-таксисные ситуации без элементов семантической обусловленности // *Теория функциональной грамматики Введение Аспектуальность*. Л., 1987
- Барентсен, Хиндрикс 1988 – *А.А. Барентсен, Й.Х. Хиндрикс*. Деепричастие и совершенный вид в современном русском языке // *Dutch contributions to the Tenth International Congress of slavists*. Amsterdam, 1988.
- Бондарко 1987 – *А.В. Бондарко*. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Л., 1987.
- Бондарко 1998 – *А.В. Бондарко*. Категориальное представление идеи времени // *Jazykovědne Aktuality* Т. XXXV. 1998.
- Бондарко 1999 – *А.В. Бондарко*. Основы функциональной грамматики СПб., 1999.
- Вахтин 1995 – *Н.Б. Вахтин*. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб., 1995
- Гуревич 1971 – *В.В. Гуревич*. О значениях глагольного вида в русском языке // *Русский язык в школе* № 5. 1971
- Гусев 2002 – *В.Ю. Гусев*. Когда и если: иерархия грамматических контекстов // *Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров*. М., 2002
- Кононов 1941 – *А.Н. Кононов*. Грамматика турецкого языка. М.; Л., 1941.
- Кузнецова и др 1980 – *А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина*. Очерки по селькупскому языку М., 1980
- Мальчуков 1998 – *А.Л. Мальчуков*. Условные конструкции в эвенском языке // *Типология условных конструкций* СПб., 1998.
- Мальчуков 2001 – *А.Л. Мальчуков*. Опыт исчисления таксисных значений (на материале тунгусских языков) // *Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*. СПб., 2001.
- Маслов 1983 – *Ю.С. Маслов*. Резюльтатив, перфект и глагольный вид // *Типология результативных конструкций*. Л., 1983.
- Маслов 1984 – *Ю.С. Маслов*. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

- Мельчук 1998 – *И А Мельчук* Курс общей морфологии Т II Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband, 38/2 Москва, Вена, 1998
- Недялков, Отаина 1987 – *В П Недялков, Т А Отаина* Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики Введение Аспектуальность Временная локализованность Таксис Л, 1987
- Падучева 1996 – *Е В Падучева* Семантические исследования М, 1996
- Русская грамматика 1952 – Русская грамматика Т I М, 1952
- Соболевский 1948 – *С И Соболевский* Грамматика латинского языка М, 1948
- Теньер 1988 – *Л Теньер* Основы структурного синтаксиса М, 1988
- Храковский 1998 – *В С Храковский* Теоретический анализ условных конструкций // Типология условных конструкций СПб, 1998
- Храковский 2001 – *В С Храковский* Таксис (история вопроса, определение и типология форм) // Functional grammar Aspect and aspectuality Tense and Temporality Essays in honor of Alexander Bondarko Munchen, 2001
- Якобсон 1972 – *Р О Якобсон* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя М 1972
- Яковлев 1940 – *Н Ф Яковлев* Синтаксис чеченского литературного языка М, Л, 1940
- Comrie 1998 – *В Comrie* Ein Strukturrahmen für deskriptive Grammatiken Allgemeine Bemerkungen // Deskriptive Grammatik und allgemeiner Sprachvergleich Tübingen, 1998
- Galton 1976 – *Н Galton* The main functions of the Slavic verbal aspect Skopje, 1976
- Jakobson 1957 – *Р Jakobson* Shifters, verbal categories and the Russian verb New York, 1957

© 2003 г. Е. С. ОТИН

**КОННОТАТИВНЫЕ ОНИМЫ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ
В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ
СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА***

*Светлой памяти
Олега Николаевича Трубачева
посвящаю*

Памятники письменности, произведения словесного творчества и бесчисленные акты речевой коммуникации нового времени демонстрируют нарастающую тенденцию вовлечения собственных имен (СИ) в процессы вторичной номинации [Отин 1986а 186–191] Под влиянием различных экстралингвальных и собственно языковых факторов они приобретают добавочные значения (созначения), или референтные коннотации, имеющие смысловой ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты Референтные коннотации "накапливаются" в онимах благодаря более или менее регулярной востребованности в разных речевых ситуациях какой-то части их энциклопедической информации о денотатах и благодаря их многократному выражению в разных видах речи Таким образом возникло значительное количество семантически обогащенных СИ в основе их созначений лежат фрагменты связанной с ними энциклопедической информации Это сближает их с именами нарицательными, и они приобретают способность при определенных условиях пережить полную деонимизацию – стать отконнотонимными апеллятивами [Суперанская 1970 12] Такими условиями могут быть, например, то, что информация о денотате со временем перестает быть общеизвестной и даже утрачивается, а это приводит к забвению причины переносного употребления СИ – деэтиологизации коннотативных онимов (ср *акулина* 'простая, необразованная, глупая женщина', *алешка* 'лакей' (XIX в), *амур* 'отдаленное место', 'покой в природе, душе', *ванька* 'дешевый извозчик', *гамаюн* 'человек с завораживающей напевной речью', *оклитиян* 'злой человек', 'скупердяй', *тмутаракань/Тмутаракань* 'глухая провинция, медвежий угол' и др), выход из общеизвестной проприальной лексики каких-то онимов и связанных с ними деривативных имен, омонимичных с образовавшимися от них коннотонимами (*аника* 'хвостун-неудачник', *охреян* 'лентяй, неотесанный,

* В течение последних десяти лет автор статьи сотрудничал с О.Н. Трубачевым по линии подготовки и публикации материалов к "Русской энциклопедии", концепцию которой разработал Олег Николаевич в качестве руководителя секции русской ономастики ИРЯ Предварительные итоги нашей деятельности в этой области нашли отражение в словаре "Русская ономастика и ономастика России", редактором которого был академик О.Н. Трубачев Книга была издана в 1994 г. в Москве Некоторые вопросы, рассмотренные в данной статье, обсуждались с О.Н. Трубачевым, особенно тогда, когда он возглавил грандиозный академический проект "Русская энциклопедия", которому при его жизни, к сожалению, не суждено было осуществиться Остается надеяться, что это произойдет в будущем, в более благоприятное для российской науки время Только найдется ли ученый и патриот такого масштаба, как академик О.Н. Трубачев, который продолжит и завершит начатое им дело?

грубый, мужиковатый увалень' [Даль 1935. II: 802; с пометой "пермское и вятское"], *вавилон* 'извилина, зигзаг', *олух*), и другие причины. Семантическому обогащению СИ и превращению их в коннотонимы способствуют также идеофонические особенности некоторых из них (в этом плане можно указать на референтные коннотации пейоративного плана у ряда натурализовавшихся в русском ономастиконе СИ со звуком *ф* и его субститутами: *Филя*, *Фекла*, *Фома*, *Фофан*, *Агафон*, *Пентюх*, *Ахреян*, ст.-русск. *Олух*, *Опрем* и др.), на паронимическую аттракцию с другими апеллятивами и онимами (*Емеля* 'болтун': *языком мелет*; *Т(ь)мутаракань/т(ь)мутаракань*: сближение с апеллятивами *тьма* и *тараканы*), на контекстно обусловленную семантизацию "чистых" СИ, часто присутствующих в паремиях в качестве условного компонента их лексического состава (*дело плохо: стал указчиком Аноха*; *Вакул всех надул* и под.).

Коннотативные собственные имена занимают срединное положение между абсолютными ("чистыми") онимами и апеллятивами, поэтому их можно обозначить термином *мезолексы* (греч. *μέσος* 'промежуточный'). В перипетиях своей семантической жизни такие мезолексы могут либо долгое время оставаться коннотативными собственными именами с устойчивой или переменчивой смысловой структурой, либо утрачивать свои референтные коннотации, возвращаясь в лоно абсолютных СИ, либо превращаться в отконнотонимные апеллятивы с отсутствующей мотивацией. Именно последние из них в первую очередь заслуживают быть включенными в этимологические и историко-этимологические словари русского языка. Промежуточное значение (референтная коннотация) таких мезолекс – как правило, коннотативных антропонимов – "наглядно" проявляется в онимных каламбурах, где они противостоят онимам с денотативным содержанием. В скрытой смысловой игре могут участвовать, например, такие коннотативные онимы, как *Акулина* 'неаккуратная, не вызывающая к себе уважения женщина', *Вавила* 'медлительный, нерасторопный человек', *Иван* 'простака, деревенщина', *Пушкин* 'кто-то другой, неизвестно кто' и др. Ср.: *Мне захотелось выпустить птиц, я стал снимать клетки – вбежала бабушка, хлопая себя по бокам, и бросилась к печи, ругаясь. – А, окаянные, раздуй вас горой! Ах ты, дура старая, Акулина...* (М. Горький. *Детство*; в печи у бабушки Акулины Ивановны засох пирог); *Афоня видит и орла в выси, мечтает о жар-птице, за хребтами. Но главная дума там, в Беловодье, по ту сторону белков. – Степан! А где же белые-то хребты? Со снегом-то? Ой, сбился мы с тобой. Степан только улыбнулся. – Настоящий ты Афоня* (В.Я. Шишков. *Алые сугробы*); – *...Копашень, парень! – сказал он, обернувшись к спутнику. – Ты бы поживей! – Твоей дуги нету! – сказала парень. – Не видать. – Прямой ты Вавила!* (А. Чехов. В овраге; последняя реплика относится к лицу с именем *Вавила*); *Николай канителит, Иван по-прежнему настоящий Иван* (из письма А.П. Чехова к Ал.П. Чехову от 4 янв. 1886 г.); *Дуэль. Дантес медлит... Секундант: – Ну! Кто за тебя стрелять-то будет? Пушкин, что ли?!* (современный анекдот). Промежуточное значение некоторых из вышеприведенных мезолекс (*Акулина*, *Вавила*) может иметь продолжение в следующем звене семантического развития – прямом лексическом значении отконнотонимных апеллятивов. Это – бранные слова *акулина* 'растяпа' (может относиться и к мужчине) и *вавила/вавило* 'неопрятный человек', 'рослый нескладный парень': *Идут они по деревне, вавилы, волосья дбугиё* [СВГ 1985: 54]; *Ты настоящий вавило* [ЯОС 1982: 44]. Коннотативные онимы с развившимися созначениями, вероятно, являются одной из ономастических универсалий, присущей лексике большинства языков. Тем не менее этот пласт их словарного состава очень неполно представлен в существующих словарях. Еще в 1783 г. Д.И. Фонвизиным было высказано убеждение (в письме к О.П. Козодавлеву) в том, что в общих словарях должны быть представлены коннотативные онимы: "Имена: *Филя*, *Федора*, конечно, в словарь наш внесены быть должны, но не как имена собственные, а как имена, употребляющиеся в метафорическом смысле" [Фонвизин 1959. I: 254]. Полтора столетия спустя об этом был вынужден написать Л.В. Щерба: «Дело хорошего общего словаря – определить

вторые, "нарицательные" значения собственных имен, и надо сказать, что дело это очень деликатное» [Щерба 1974: 279]. Однако и в современных толковых словарях русского языка собственные имена с референтными коннотациями (коннотонимы) весьма немногочисленны: как правило, это уже утратившие свою способность "быть СИ" отконнотонимные апеллятивы. Коннотативные онимы должны обрести свой лексикографический статус. Одной из актуальных задач ономастической лексикографии остается составление толкового словаря коннотативных СИ на материале всего русского языка в широком стилистическом и пространственно-временном диапазонах. Нами разработаны принципы такого словаря [Отин 1986б; 1988] и уже опубликованы многие его статьи [перечень публикаций см.: ВуЛС 2002.8: 206–208]. В полном виде словарь будет представлять коннотонимию русского языка в разные периоды его истории, особенно в период от XIX – до начала XXI в. Его материал достаточен для классификации коннотативных онимов (КО). Их типология определяется наличием у них ряда признаков, среди которых особенно релевантны: 1) обыченность, "естественность" и непривычность, исключительность; 2) широта распространения: в ряде языков или только в одном русском; 3) их семантический состав и организация их смысловой структуры; 4) степень "продвинутости" КО в сторону апеллятивов, ослабления способности оставаться собственными именами; при этом важен размер дистанции между состояниями "коннотативный оним" (= мезолекса) и "отконнотонимный апеллятив"; 5) репродуктивные возможности КО (участие или неучастие в процессах отконнотонимной деривации и трансонимизации) и некоторые другие.

По первому классификационному признаку все КО делятся на узуальные и окказиональные. По широте распространения в языках узуальные КО составляют два больших разряда: интралингвальные, т. е. бытующие в одном языке (иногда область их употребления расширяется за счет выхода в коннотонимию сопредельного близкородственного языка с общими историко-культурными традициями), и интерлингвальные. Последние обычны не только в двух или более языках, но нередко и в контактирующих культурных языках обширного географического пространства. В зависимости от референтной основы это могут быть: узуальные коннотативные антропонимы, например: *Август* 'просвещенный монарх', *Зоил* 'придирчивый литературный критик', *Клеопатра* 'соблазнительница', *Цицерон* 'выдающийся оратор' и др.; узуальные коннотативные топонимы: *Ниагара* 'огромный поток воды', 'большое количество чего-то', *Мекка* 'место поклонения', *Монблан* 'гора, нагромождение чего-то'; узуальные коннотативные зоонимы: *Буцэфал* 'сильная крупная лошадь'; узуальные коннотативные литературные антропонимы: *Монтекки* и *Капулетти* 'непримиримые враги', *Робинзон* 'одинокий житель на острове; отшельник', *Фигаро* 'слуга', 'парикмахер', *Отелло* 'ревнивец', *Ромео* 'возлюбленный' и др.; узуальные коннотативные литературные топонимы: *Аркадия* 'страна счастья', 'беззаботная жизнь'; узуальные коннотативные мифоантропонимы: *Автомедон* 'извозчик, кучер', *Амфитрион* 'хлебосольный хозяин', *Лилит* 'коварная искусительница', *Мафусаил* 'долгожитель' и др.; узуальные коннотативные мифотопонимы: *Атлантίδα* 'уходящий или уже исчезнувший мир', 'процветающая цивилизация', *Эдем* 'цветущий сад', 'земной рай'; узуальные коннотативные мифохронимы: *Армагеддон* 'крах, катастрофа'; узуальные коннотативные хрематонимы: *Аполлон Бельведерский* 'красивый, физически совершенный юноша'; узуальные коннотативные хронимы: *Барфоломеевская ночь* 'резня', *Ватерлоо* 'поражение', *Уотергейт* 'политический скандал' и др.

Еще более разнообразны интралингвальные КО. Среди них: узуальные коннотативные антропонимы а) с широким диапазоном известности и употребления – *Иван* 'простой русский человек', *Марь Иванна* 'школьная учительница', *Пушкин* 'неопределенно кто'; б) антропонимы, употребление которых террито-

риально ограничено, – коннотонимные диалектизмы: *Акуля* ‘неумелая женщина’, ‘нерасторопный человек’, *Евпол* ‘человек, который важничает’, ‘задира’, *Иван* ‘хозяйин’, ‘самостоятельный человек, уважаемый всеми’, *Петруха* ‘разгильдяй’, *Солоха* ‘неряха’ и др.; в) антропонимы, сфера употребления которых – арго, жаргон: *Жорик* ‘блатной парень’, *Федя* ‘глупец’, *Шапиро* ‘адвокат’, *Иван Иванович* ‘политзаключенный из интеллигентов’, *Фан Фаныч* ‘политзаключенный’, ‘важный, представительный человек’; к ним близки антропонимы, сознания которых чаще реализуются в ивонациональной (не русской) среде, но хорошо известны и русским: *Наташа* ‘русскоязычная проститутка, путана’ в Турции и на Кипре; узуальные коннотативные артионимы: *Последний день Помпеи* ‘хаос, сумятица, переполох’; узуальные коннотативные библионимы: “*Алые паруса*” ‘романтика’, “*Гренада*” ‘революционная романтика’, “*Чайка*” ‘вершина творческих достижений’, ‘творческая удача’, “*Вишневый сад*” – то же; узуальные коннотативные зоонимы: как широко употребительные (*Барбос* ‘дворняга’, *Шарик* ‘непородистая собака’, *Лиса Патрикеевна* ‘хитрый, лживый человек’ и др.), так и с ограниченной сферой употребления – в арго, жаргоне: *Бобик* ‘человек на побегушках’, ‘рядовой милиционер’, *Трезор* ‘служебно-розыскная собака’; узуальные коннотативные литературные антропонимы: как с широкой сферой употребления (*Золушка* ‘простушка’, ‘скромный, незаметный человек’, *Левша* ‘мастер на все руки’, *Кабаниха* ‘женщина-самодур’, *поручик Киж* ‘что-то реально не существующее, но влияющее на ход событий’, *Остан* ‘нечистый на руку делец’ и др.), так и антропонимы, употребление которых ограничено сферой арго, жаргона (*Теркин* ‘разговорчивый человек’, *Карлсон* ‘несчастный, забытый, невзрачный человек’, *Тарзан* ‘обросший грязью человек’); узуальные коннотативные литературные зоонимы (*Капитанка* ‘непородистая собака’); узуальные коннотативные литературные топонимы (*Васюки* ‘захолустный городишко с непомерными амбициями’); узуальные коннотативные мифоантропонимы: как широкоизвестные (*Илья Муромец* ‘богатырь’, *Нестор* ‘летописец’), так и коннотативные мифоантропонимы с территориально ограниченным употреблением (*Аред* ‘дряхлый старик’, ‘злой старик’, ‘скряга’, ‘жадный до работы человек’; *Каяф* ‘нехороший человек’ – только в говоре старообрядцев-липован города Вилково Одесской области: от имени библейского первосвященника Каяфы, судившего Христа). Сюда же относятся употребительные лишь в арго, жаргоне мифоантропонимы (*Асмодей* ‘хулиган’, ‘конвоир’); узуальные коннотативные мифозоонимы (*Полкан* ‘богатырь’, ‘волокита, бабник’, коннотативный мифозооним с территориально ограниченным употреблением *Гамаюн* ‘сладкоречивый человек’); узуальные коннотативные топонимы: как распространенные (*Камчатка* ‘задние ряды, парты’, *Тмутаракань* ‘глушь, захолустье’, *Урюпинск* ‘захолустный провинциальный городок’, *Чухлома* ‘глухая провинция’), так и коннотативные топонимы с территориально ограниченным употреблением [*Амур* ‘покой, тишина (в природе)’, Алтай ‘удобное для проживания место’, *Хацапетовка* ‘захолустное селение’] и коннотативные топонимы, связанные с жаргоном, арго (*Аляска* ‘далекое, глухое место’, *Нарын* ‘солнце, лето’, *Душанбе* ‘жара’, *Индия* ‘штрафной батальон, штрафная камера, изолятор’, *Хохлома* ‘ерунда, чушь’ и др.); узуальный коннотативный планетоним: *Марс* ‘отдаленное место, селение’; узуальные коннотативные эргонимы (*Запорожская сечь* ‘вольница’, *Магнитка* = *Магнитострой* ‘романтическая мечта’); узуальные коннотативные хрононимы (*Болдинская осень* = *Болдино* ‘период творческого подъема’, *Ходынка* ‘столпотворение, давка, беспорядок’, *Пугачевщина* ‘крестьянский бунт’, *Цусима* ‘поражение’, ‘катастрофа’).

Типология окказиональных коннотативных онимов намного беднее, чем узуальных, так как определяется лишь единственным классификационным признаком – их референтной основой. Нами зафиксированы: окказиональные коннотативные антропонимы [*Иван Гаврилыч* ‘благонамеренный обыватель’, *На-*

денька 'мещанка' (А. Чехов), *Менделеев* "искусный изготовитель различных смесей, напитков", "химик" (М. Горький), *Тиль Уленшпигель* 'меткий стрелок'. А. Свияжский (Абрам Терц)]; окказиональный коннотативный библониим: *Нравы Растеряевой улицы* 'дикая глушь, бескультурье' (В. Розанов); окказиональный коннотативный мифоантропоним: *Медуза* 'безжалостная женщина' (В. Крыжановская); окказиональные коннотативные топонимы [*Лапландия* 'сырая, холодная погода' (А. Грибоедов), *Полинезия* 'глушь' (И. Бабель), *Персия* 'блаженство' (А. Солженицын)]; окказиональный коннотативный мифотопоним: *Армагеддон* 'соревнование, азартная игра' (И. Кручик); окказиональный коннотативный эргоним *Тэжэ* 'галантность, вежливость' (Б. Пильняк); окказиональный коннотативный хрематоном *Царь-пушка* 'нечто грандиозное, масштабное'.

В зависимости от семантического объема и характера составляющих смысловой структуры коннотативные онимы бывают моно- и поликоннотемные. Моноконнотемным онимам относятся, например, такие собственные имена, как *Алтай* 'богатое во всех отношениях место' [Элиасов 1980: 53], *Амфитрион* 'гостеприимный хозяин', *Аника* 'хвастун-неудачник', *Антошка* 'запевала' (в жаргоне военных конца XIX в.), *Ахрамей* 'простофиля' (в орловских говорах), *Китайская стена* 'непреодолимая преграда', *Левша* 'народный умелец' и др. Поликоннотемные онимы делятся на: а) КО, смысловая структура которых состоит из нескольких более или менее близких по степени известности и частоте употребления референтных коннотаций, и б) КО с разными (по этому признаку) коннотациями.

Поликоннотемными онимами первой разновидности являются такие имена, как *Наполеон* (пять интралингвальных значений: 'выдающаяся личность', 'диктатор', 'амбициозный человек', 'крупный полководец', 'сумасшедший'), *Вася* (пять интралингвальных значений: 'любой мужчина', 'человек, не пользующийся уважением', 'предприимчивый кустарь, шабашник', 'слесарь-водопроводчик', 'плохой работник, прогульщик'), *Иван Иванович* (шесть интралингвальных значений: 'всякий мужчина', 'авторитетный человек'; 'влиятельная персона', 'политзаключенный из интеллигентов', 'прокурор', 'секретный осведомитель') и др. К поликоннотемным СИ второй разновидности относятся, например, антропонимы *Иван* и *Ванька*: первый – с восемью интралингвальными референтными коннотациями, имеющими как общеязыковое, так и территориально ограниченное распространение [в начале XX в. это коннотативное имя было носителем еще одного значения ('уголовный авторитет, налетчик')], связанного с социальным диалектом. Второй антропоним представлен с четырьмя интралингвальными общеязыковыми значениями (одно из которых – 'дешевый извозчик' уже утрачено) и двумя внутриязыковыми значениями, характерными для социального диалекта ('конвоир' и 'водитель машины, на которой возится неучтенный груз'); ср. далее: *Бонапарт* – с двумя интралингвальными значениями: 'амбициозный человек', 'честолюбивый диктатор' и одним интралингвальным – в XIX в. этот оним употреблялся как ругательное слово (Н. Гоголь. Мертвые души; М. Горький. В людях и др.).

Промежуточное положение между моноконнотемными и поликоннотемными собственными именами занимают онимы, смысловая структура которых складывается из одной узуальной и одной или нескольких окказиональных референтных коннотаций, свидетельствующих о способности коннотонима к дальнейшему семантическому развитию (например, коннотативный мифотопоним *Геркулесовы столбы* с интралингвальным значением 'крайние пределы чего-либо' и с окказиональным – 'нечто выдающееся').

Коннотонимия русского языка содержит в себе как имена собственные с живой коннотемной структурой, когда ее семантические компоненты общепонятны и функционально активны, так и уже "угасшие" коннотонимы, смысловые и эмоционально-экспрессивные обертоны которых существовали только в прошлом. В настоящее время это уже "чистые" онимы. Таковыми, например, являются: *Австра-*

лия – с утраченными референтными коннотациями 'очень далекое место' (см. в письме В. Белинского к А. Герцену от 6 сентября 1846 г.) и 'глушь, бескультурье' (А. Чехов. Надлежащие меры), *Аристотель* 'философ', планетоним *Марс* с почти стершейся коннотацией 'очень далекое место, селение', мифоантропоним *Алквиад* 'повеса, соблазнитель', топонимы *Шанхай* 'неблагоустроенная часть города, поселка' и *Китай* 'застой, апатия' (А. Герцен. Былое и думы; П. Боборыкин. Китай-город) и др. Подобные "потухшие" коннотонимы в своем еще "живом" состоянии или зафиксированы в старых текстах, или же могут быть восстановлены опосредованно – на базе современных отконнотонимных производных. Например, утраченная референтная коннотация 'турок' – на основе отконнотонимного апеллятива *осман*, отмеченного в донских говорах со значениями 'смелый человек' и 'наглец, бесстыдник'. В основе апеллятивных экспресsem *пентюх*, *фетюк*, *федёла*, *фаля*, *фатюй*, *фофан*, *фифа* и др. лежат коннотативные антропонимы *Пентюх* (из *Пентелей* < *Пантелей*), *Фетюк*, *Федёла*, *Фаля*, *Фатюй*, *Фофан*, *Фифа*.

Коннотонимы участвуют в процессах трансонимизации. Это один из путей образования новых собственных имен. Трансонимизация бывает абсолютной (лексико-семантической, безаффиксной) и смешанной (с участием аффиксов). Коннотативные онимы присутствуют в ней в качестве обязательного промежуточного звена, формально тождественного их предшествующему состоянию. Общая схема данного процесса: СИ₁ → КО → СИ₂. Установлены следующие типы и подтипы такой трансонимизации: 1) Внутривидовая. Примеры ее: *Амур*₁ (гидроним) → *Амур* 'отдаленное место' (КО) → *Амур*₂ (ойконим, урбаноним); *Бродвей*₁ (годоним) → *Бродвей* 'главная улица' (КО) → *Бродвей*₂ (неофициальный годоним); *Калифорния*₁, *Эльдорадо*₁ (хоронимы) → *Калифорния* 'богатый край', *Эльдорадо* 'благодатное место' (КО) → *Калифорния*₂, *Эльдорадо*₂ (ойконимы, ойкодомонимы); *Камчатка*₁ (название полуострова) → *Камчатка* 'отдаленное место' (КО) → *Камчатка*₂ (ойконим, урбаноним); *Черемушки*₁, *Шанхай*₁ (ойконимы) → *Черемушки* 'район, застроенный домами по типовому проекту', *Шанхай* 'трущобы' (устар.) (КО) → *Черемушки*₂, *Шанхай*₂ (урбанонимы); *Сахалин*₁, *Соловки*₁ (инсулонимы) → *Сахалин*, *Соловки* 'отдаленное место' (КО) → *Сахалин*₂, *Соловки*₂ (ойконимы, урбанонимы); *Сибирь*₁ (хороним) → *Сибирь* 'место дальней ссылки' (КО) → *Сибирь*₂ (ойконим) и др.; 2) Межвидовая. Примеры: (*Алые паруса*₁, "*Бригантина*"₁ (идеонимы) → "*Алые паруса*"₂, "*Бригантина*"₂ (ойкодомонимы); *Болдинская осень*₁ (хрононим) → *Болдинская осень* 'творческий подъем' (КО) → *Болдинская осень*₂ (геортоним); *Варфоломеевская ночь*₁ (хрононим) → *Варфоломеевская ночь* 'бойня, расправа' (КО) → *Варфоломеевская ночь*₂ (антропоним); *Иван*₁, *Иван Иванович*₁ (антропонимы) → *Иван*, *Иван Иванович* 'русский человек' (КО) → *Иван*₂, *Иван Иванович*₂ (хрематонимы); *дядя Ваня*₁ (антропоним с "титულным" словом) → *дядя Ваня* 'простой русский человек' (КО) → *дядя Ваня*₂ (прагматоним – название сандалий); *Илья Муромец*₁ (мифоантропоним) → *Илья Муромец* 'богатырь' (КО) → *Илья Муромец*₂ (прагматоним – название военного четырехмоторного самолета в период Первой мировой и гражданской войн); *Марс*₁ → *Марс* 'отдаленное место' (КО) → *Марс*₂ (ойконим); *Соломон*₁ (антропоним) → *Соломон* 'мудрец' (КО) → *Соломон*₂ (библионим) и др. Немногие собственные имена, развившие референтные коннотации, участвуют в обоих типах абсолютной трансонимизации. Например: *Аркадия*₁ (хороним) → *Аркадия* (КО) → *Аркадия*₂ (топоним, артгоним, наутоним); *Геркулес*₁ (мифоантропоним) → *Геркулес* 'богатырь' (КО) → *Геркулес*₂ (антропоним, топоним, прагматоним).

Коннотативные онимы обладают разным словообразовательным потенциалом. Многие из них участвуют в словопорождении, другие этой способности не развили. Первые являются базовыми, или производящими, коннотонимами, а их дериваты – отконнотонимными производными, или деконнотативами. Ср., например: *Голгофа* 'страдание, муки', 'место мучений' и *голгофный* 'мучительный, тяжкий', *голгофский* 'мученический' и др. Некоторые собственные имена могут иметь как "чис-

тые" отонимные, так и отконнотонимные производные. Например, дериваты лично-го имени *Марфа*: 1) *марфист* 'поклонник женщины с именем Марфа' и *марфизм* 'любственное влечение к женщине с именем Марфа' (в рассказе Е. Замятина "Икс"); 2) *марфунство* 'низменное, греховное начало в человеке' (в письме Н. Лескова к С. Юрьеву от 18 дек. 1870 г.) – от библейского имени *Марфа*, развившего символическое значение 'человек (чаще женщина), обделенный духовностью, сосредоточенный только на житейских интересах', а у духовных христиан – 'плотское начало'. Ср. также: *Азия* 'часть света' → *азиат* 'житель Азии' и *Азия* 'застой, отсталость, дикость' → *азиат* (диал. *азият*) 'грубый, жестокий человек', *азиатчина* 'дикость, бескультура' и др. Все отконнотонимные дериваты (деконнотативы) мотивированы собственными именами с узуальными значениями. Сами же производные от них могут быть двух типов – узуальными и контекстно-речевыми. Пример первых: *Иван* 'самостоятельный человек, хозяин' → *иванить*, *иваниться* 'превозносить себя, задаваться, форсить' (диал.). Пример вторых: *Афины* 'очаг культуры, науки, образования' → *афинство* 'ученость' (М. Салтыков-Щедрин). Ряд коннотонимов имеет производные обоих типов: *Адам* 'человек со свежим восприятием мира' → *адамизм* 'модернистское течение в русской литературе начала XX века' и *безадамный* 'без мужчин' (Е. Евтушенко) – от *Адам* 'мужчина'; *Афины* → *афиняне* 'жители Афин' и *афиняне* 'носители культуры' (А. Герцен); *Езон* (*Эзон*) → *езопина* 'человек с безобразной внешностью, урод' (диал.) и *езопство* 'иносказание' (М. Салтыков-Щедрин). Утрата базовым онимом мотивирующей коннотации может привести к затруднениям в понимании смысла его производных. Примером может быть деконнотатив *китаизм* в "Литературных воспоминаниях" И.И. Панаева (1861) в значении 'застылость взглядов', 'инерция' (от устарелого коннотонима *Китай* 'застой', 'апатия').

Приобретение собственными именами референтных коннотаций (созначений) нередко в прошлом происходило в народных говорах. В XX в. этот процесс активизировался в социальных диалектах, особенно в молодежном арго и криминальном жаргоне. Утрата мотивов вторичной номинации (деэтиологизация) и связи с онимной лексикой у определенной части коннотонимов привели к тому, что они изменились в отконнотонимные апеллятивы (деконнотативы), которые стали нуждаться в историко-этимологическом объяснении. Этимологический словарь, ориентированный на широкий охват лексики русского языка, а не только его общелитературного словарного состава, каковым является, например, словарь М. Фасмера, содержит такие деконнотативы и их дериваты. В четырех томах "русского Фасмера", по нашим подсчетам, имеется более семидесяти коннотативных онимов и деконнотативов. Крайне мало их в "Историко-этимологическом словаре современного русского языка" П.Я. Черных, который при отборе слов оказывал предпочтение словам "общеупотребительным и общепонятным" [ИЭСРЯ 1993. I: 12].

Круг коннотонимов и деконнотативов может быть расширен, так же как и уточнены и дополнены уже существующие толкования некоторых из них. Ниже мы будем придерживаться последовательности, в какой они присутствуют в словаре М. Фасмера. Так, неубедительна связь значений 'загогулина', 'плохой почерк' в диалектном слове *вавилонь* с 'воспоминанием о вавилонском смешении языков', так же как и прямое введение его к топониму *Вавилон*. Смысловая и словообразовательная история этого деонимического апеллятива была иной. В русской онимии зарегистрировано три омонимичных СИ *Вавилон*, и только один из них является ойконимом – названием столицы Вавилонского царства. Это – "денотативный" оним *Вавилон*₁, на базе которого развился коннотоним *Вавилон*₁ с несколькими значениями: 'порок', 'греховное место', 'место (чаще город) с разноязычным населением', 'скопление людей разных национальностей', 'бойкое многолюдное место', 'огромный город'. Этот коннотоним вошел в состав топонимических парафраз *Вавилон-на-Гудзоне* (Нью-Йорк), *Северный Вавилон* (древнее поселение Алтын-Депе вблизи Ашхабада), *желтый Вавилон* (Шанхай: в книге Н. Ильиной "Судьбы. Из давних встреч")

и др. Второй оним – *Вавилон₂* развился из составного хремотонима *Вавилонский столп* и является продуктом его стяжения с сознаниями иного плана: ‘крупное сооружение’, ‘нагромождение чего-л.’, ‘грандиозный честолюбивый замысел’ и др. Путем стяжения хрононима *Вавилонское столпотворение* образовался и *Вавилон₃*, получивший сознания ‘хаос, беспорядок, сумятица’, ‘толчея, давка’. Ср.: *Как древний Вавилон, наш край угрюм и тесен / Для звуков пламенных певцов* (А. Алухтин; здесь *Вавилон₁*); *Воплощая Христа, Она [музыка] – София, лучистая Дева; не воплощая Христа – Лунная Дева, Астарта, Огнезарная Блудница, Вавилон* (А. Белый; здесь уже коннотоним *Вавилон₁*); *Вавилон₂* и соответствующий ему коннотоним: *На таких, как ты, Вавилон строят, вбивают вас в землю, как сваи, и фундамент из вас кладут...* (Н. Лесков); *Стоит, как башня, наша власть науки, а прочий вавилон из ищериц, засухи разрушен будет умною рукой* (А. Платонов). Стяженный вариант коннотативного хрононима *Вавилонское столпотворение* – *Вавилон₃* ‘хаос’, ‘смешение’ еще в азбучовниках XVI в. помещался в синонимический ряд со словами *размѣшеніе, смѣтение, размѣсъ* и *Персида* [Ковтун 1975: 269]. Ср. также: *И вот пришел час, другой, миновал буфетный Вавилон в перерыве, а снотворную атмосферу в зале ничто не нарушало – ни дежурный доклад, ни “бумажные” прения по записи* (Комсомольская правда, 1989 г., 25 ноября). Коннотоним *Вавилон₂* стал базовым для целого ряда диалектных слов-деконнотативов: дон. *вавилон* ‘большой дом’, арханг. *вавилоньы* ‘большие погреба для хранения рыбы’ [СРНГ 1969.4: 8]. Однако ни к одному из рассмотренных выше сознаний коннотативных онимов *Вавилон₁*, *Вавилон₂* и *Вавилон₃* не восходят диалектные деконнотативы *вавилон* ‘зигзаг, извилина’, ‘изгиб реки, дороги, оврага’ [СРНГ 1969.4: 8; ПОС 1976.3: 15]; так же именовался и древнейший русский “чертеж” на белом гладком камне; *вавилоньы* ‘почерк с закорючками’. Их семантика позволяет восстановить еще одно существовавшее в народной речи сознание коннотонима *Вавилон₂*, которое им было утрачено, – ‘кривая линия, изгиб’. В его основе лежит информация о такой детали Вавилонского столпа, как опоясывающий ее серпантин дороги, ведущей вверх, по которой доставлялся строительный материал. Так изображали Вавилонский столп на гравюрах и лубочных картинках. Дериватами отконнотонимного диалектного апеллятива *вавилон(ы)* являются *вавилончик* ‘запутанный, извилинами узор’ [СБГ 1980.2: 32] и *вавилонить* ‘плыть на лодке зигзагами’ [СРГК 1994: 158]. Деконнотатив *вавилон* ‘извилина, зигзаг; сложный изгиб, закорючка’ встречается и во фразеологии народных говоров и просторечья: *выводить (писать) вавилоньы* ‘идти неровной походкой’, *разводить вавилоньы* ‘говорить или писать околичностями, уходя от сути’. Учет всех этих подробностей семантической и словообразовательной истории праприальной лексемы *Вавилон* в русской книжно-литературной и диалектной речи помогает и при этимологизировании разнозвучных топонимов. Следы топонимизации отконнотонимного географического апеллятива *вавилон* ‘изгиб реки’, ‘кривая старича’ мы находим в названиях ручья, левого притока Москвы – *Вавилон* [МЭ 1980: 163] и болота в Устьянском районе Архангельской области [Печерских 1974: 26], а отконнотонимного апеллятива *вавилон(ы)* ‘большое сооружение’ – в названии урочища *Вавилон* в устье Дона, возле его рукава Каланчи, где в XVII–XVIII вв. стояли турецкие сторожевые башни.

Игнорирование такого явления, как референтные ономастические коннотации, иногда приводит к неправильным или “поверхностным” этимологиям многих слов и фразеологических выражений с онимными компонентами. Так, название растения *иван-чай* М. Фасмер производит от ойконима *Ивангород*, Ленинградская область [ЭСРЯ 1967. II: 114]. Растение это именуется также *копорским чаем*, *копоркой*, который в XIX в. шел “на подмеску чаев, обще со спитым чаем, из гостиниц” [Даль 1935. II: 1]. Ср.: – *А то бывает копорский чай. – Есть и копорский, только он не настоящій. Настоящий чай в Китае растет* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). О низком качестве копорского чая, или *иван-чая*, свидетельствует поговорка *Иван плох и в чаях* [Даль 1935. II: 1]. На связь названия растения с антропо-

нимом *Иван* (а не ойконимом!) указывают и другие варианты: *Иванов чай* [СВГ 1985: 3], *Иван-трава* и *трава Иван*, *Иван кочкин* [СРНГ 1977. 12: 54–55]. В вологодских говорах: *ванька-чай*, *ванька*, *ванюшка*; в прионежских: *ванька-танька* [СРГК 1994. 1: 160–161]. Ср. негативную оценку *иван-чая* в первой книге романа П.И. Мельникова (Андрея Печерского) "На горах": – *Пробовал ли ты, Зиновий Алексеевич, эту кантонку?* (речь идет о китайском чае из Кантона – Е.О.) – *Доводилось, – ответил Доронин. – Брандахлыст, – решил Марко Данилыч. – Почти одно, что наша копорка, – заметил Доронин.* Об иван-чае (копорском чае) говорили: *Копорское крошево и кисло и дешево* [СРН 1990: 211]. У поликоннотемного личного имени *Иван* и его производного *Ванька* наиболее известными в народной речи были и остаются созначения 'простой человек, человек из простонародья; мужик, деревенщина'. Отсюда и мотивация названий растения *Иван(иван)-чай*, *Иванов чай* и др.: это чай для бедняков, простолюдинов, т.е. *Иванов* и *Ванек* (ср. *ванька-чай*).

С коннотативным антропонимом *Ваня* связано и уральско-сибирское диалектное существительное *ва́ньзя/ва́ньзя* 'простофиля', которое О.Н. Трубачев включил в свой перевод словаря М. Фасмера со ссылкой на раннюю работу А.К. Матвеева "К этимологии слова *ваньзя*", производившего диалектизм *ваньзя* от этнонима *манси/манзы* [Матвеев 1958: 225–230]. Однако в диалектах могла произойти контаминация этнонима *маньзя/маньзя* 'манси' и коннотативного личного имени *Ва́ньша* от *Ваня* 'недалекий человек; доверчивый простака, вахлак'. Ср.: *Что, распутались вы, дряни? Уж прямые-то вы Вани. Бестолчь вятская и есть. Вам, чай, двух не перечесть* (С. Веснин. Рассказы бабушки о Ванях-вятчанах; автор – современник П. Ершова); *Макар посмеялся кротко, снисходительно, ласково. Он знал драчливый характер Ивана. – Ах пошуметь бы?.. Ах бы да сейчас развоеваться бы?.. Эх ты, Ваня и есть* (В. Шукшин. Непротивленец Макар Жеребцов). Примечательно, что контаминированная форма *ва́ньдзя* способна употребляться и как антропоним: *Ва́ньдзя, дружок хороший, помоги мне* [СРГСУ 1964. 1: 66]. Ср. *ванзя/ваньзя* 'глупец, простофиля': *Ух, как ванзя, раскис. Шшот не понимает дурачок* [СРГК 1994. 1: 40]; *ваньзэ* – с собирательным значением: *Собрались ваньзэ Москву смотреть* [СРНГ 1969. 4: 38]. Антропоним *Ва́ньжа*, ближе других фонетических вариантов связанный с коннотонимом *Ва́ньша*, – имя персонажа народных сказок, паремий и анекдотов о глупом и неумелом человеке. Ср.: *Ва́ньжа сук рубит, а сам на ём сидит* [СРНГ 1969. 4: 38]. В олонецких и архангельских говорах отмечена форма *Мо́ньжа* – от *Мо́ньша*, которая в свою очередь, от *Мо́ня* – гипокористики полных имен *Мирон*, *Моисей*, *Парамон*, *Филимон* и др. М. Фасмер связывает антропонимы *Мо́ня* и *Мо́ньша* с одним только именем – *Митрофан*, что маловероятно [ЭСРЯ 1967. II: 651]. Отголосок суффикса *-ша* в женском имени *Ма́рьша* (от *Марья*, *Мария*) имеется и в слове *марджá*. Здесь имело место не "тюрк. произношение имени *Марья*" [ЭСРЯ 1967. II: 572], а фонетическое освоение тюрками диалектной формы *Ма́рьша*, структурно одинаковой с *Ва́ньша*. В объяснении нуждается присутствие варианта *ва́ньзя* (со следом влияния этнонима *манси/манзы* в его исходе) в говорах Карелии, далеких от местопребывания вогулов – Тюменской и Свердловской областей. Вероятнее всего, *ваньзя* и *ваньжа* – разного происхождения. В образовании последнего варианта этноним *манси* не участвовал. Это суффижированный коннотативный антропоним *Ваня*: *Ва́ньша/Ва́ньжа*.

Без учета явления коннотирования в народной речи СИ, изначально имевших нехарактерную для русского ономастикона фонетическую оболочку (со звуком *ф* или хиатусом), нельзя решить и вопрос о происхождении слова *олух*, объяснить причину его появления в оксюморонном фразеологизме *олух царя небесного*. В писцовых книгах 1492 г. сохранились следы его употребления как личного имени: крестьяне *Олух Васильев*, *Олух Данилов*, *Олух Ивашов*, *Олух Васков*; производные формы *Олухно*, *Олушка* и *Олутко* [Тупиков 1903: 288–289]. Как отконнотонимный апеллятив и ругательное слово *олух* отмечается в текстах XVIII в. Ср.: *Переведенцы поставили домики себе изрядные, и дворы их были несравненно лучше старинных степ-*

ных наших олухов. Видит он, что я не олух, а сам по себе, а начал мало по малу обходиться со мною вежливее и учтивее... [Болотов 1872. III: 82,218].

Мы разделяем убеждение Б.М. Ляпунова в том, что *олух* – от личного имени *Олуферий* [Ляпунов 1935: 259–261]. Этот фонетический вариант личного имени (он не зафиксирован ни в словаре Н.М. Тупикова, ни в современном "Словаре русских личных имен" Н.А. Петровского) – результат адаптации в народной речи греческого антропонима *Елевферий* (Ἐλευθέριος). Ее признаки: а) начальный гласный *о* на месте *е* (ср. аналогичные случаи: др.-русск. *Ольгъ*, *Ольга* из скандинавских имен *Helgi*, *Helga*, *Остан* из *Евстафий*; *Авдоким* < **Авдоким* из *Евдоким*; *Авсей* < **Авсей* из *Евсей* и др.); б) изменения в произношении звукосочетания *ев-* (из греческого дифтонга *ευ*): появление в нем губного звука вследствие дистактной (под влиянием начального губного *о-*) и контактной (под воздействием последующего губного *в/ф*) ассимиляций; в) замещение чуждого русскому народному языку звука *ф* звуком *х*. Все эти фонетические изменения, вызванные вхождением греческого имени *Елевферий* в русский народный именник, скорее всего, имели место не в исходной труднопроизносимой его форме, а в его гипокористическом народно-разговорном варианте **Олуф*, изменившемся в *Олух* (ср. подобные гипокористики: *Федос* из *Федосий/Феодосий*, *Гилар* из *Гиларий*, *Клим* из *Климентий* и др.). Фонетическое изменение **Олуф* > *Олух* произошло одновременно с образованием гипокористики, и сам вариант **Олуф* в народно-разговорной речи реально не существовал, так же как и **Дороф* (<*Дорофей*). сразу же преобразившийся в *Дорох*, **Стеф* (<*Стефаний*) > *Стех*, **Тимоф* (<*Тимофей*) > *Тимох(а)*. Подобным образом появляется вариант *Астан/Остан* из *Евстафий* (но с другой заменой конечного – на губной): *Евстафий* > *Астафий* > **Астаф* > *Астан/Остан* и т. д. В двинских грамотах XV в., изданных А.А. Шахматовым в 1903 г. (№№ 23 и 24), одно и то же лицо именуется то *Олферей Григорьев* (№ 23), то *Олухъ Григорьевъ*. Б.М. Ляпунов считал, что "Шахматов не сомневался в этимологической связи имен *Олуферий* и *Олух*" [Ляпунов 1935: 260].

Существуют и другие точки зрения на происхождение экспрессивного слова *олух*, не учитывающие возможности апеллятивной коннотативной личного мужского имени. Так, М. Фасмер, вслед за А.И. Соболевским, допускал его развитие из *волух* 'коровий пастух' ([ЭСРЯ 1971. III: 136]; в другом месте словаря это слово приводится с ударением на суффиксе [ЭСРЯ. 1964. I: 345]). Такого же мнения был и Г. Дьяченко [Дьяченко 2000: 92]. П.Я. Черных возражает: "Но такого слова пока еще никто не слышал. Да и трудно по фонетическим (ударение!) и семантическим соображениям из **волух* вывести *олух*" [ИЭСРЯ 1993. I: 597]. Однако слово *волухъ* можно найти в словаре И.И. Срезневского, где оно восстановлено из формы *волуси* 'погонщик, пастухи крупного рогатого скота', зафиксированной в "Вопросах и ответах св. Сильвестра и преп. Антония" по списку 1512 г. [Срезневский 1893. I: 296]. Как вполне достоверную лексему рассматривают *волухъ* и составители "Словаря русского языка XI–XVII вв." [СРЯ 1976.3: 13], не добавив, впрочем, нового иллюстративного материала. Ударение в этом слове вначале было на основе, как и в одноструктурном слове *кñoух* (кон '-ух). Видимо, *волух* 'волопас' имел более узкое значение, чем семантически близкие ему существительные *пастух* и *пастырь*. *Пастух* (а тем более *пастырь*) не только сторожил стадо домашних животных, но и оберегал духовное стадо – паству, был ее наставником и руководителем. Специализация значения слова *волух* 'волопас' (ср. *свинопас*) предопределила менее частое употребление его в речи. Более низкий функциональный статус и "житейская приниженность" способствовали появлению у него негативной коннотации на фоне книжного *пастырь* и нейтрального *пастух*.

Таким образом, в русском языке разными путями возникли и какое-то время сосуществовали два паронима – экспрессивное отконнотонимное существительное *олух* 'дурак, болван, простофиля, недотепа' и суффиксальное слово *волух* 'волопас', которым было уготовано соучаствовать в образовании дошедшего до нас фразеологизма *олух царя небесного*. Существительное *олух* П.Я. Черных выводит из др.-русск.

вълхвъ "кудесник" – «из известного евангельского рассказа о "поклонении волхвов"». Изменение конечного *-ох* (**волох*) в *-ух* он объясняет влиянием таких слов, как *пастух*, *евнух* и др. "Слово могло возникнуть, – пишет он, – в процессе борьбы церкви с волхвами, колдунами, шаманами, с волхованием, с колдовством и пр. Отсюда отрицательное (бранное) знач." [ИЭССРЯ 1993. 1: 597].

Более вероятным представляется иной путь развития этого фразеологического оборота, иная его мотивация. В его состав изначально входил лексический компонент со значениями 'наставник', 'хранитель', 'учитель', 'руководитель' – слова *пастырь* и *пастух*, и весь оборот значил 'пастырь, наставник Божий'. В памятниках древнерусской письменности слово *пастух* нередко употребляется в паре с синонимом *учитель*. Например: *бл(а)гословление отъ пастоуха възяти; азъ. священ быхъ и настолованъ въ велицѣмъ и богохранимѣм градѣ Киевѣ, яко быти ми в немъ митрополиту, пастуху же и учителю* [Срезневский 1893. I: 886]. Парафразы *царь небесный* (=Бог) находится в одном семантико-ассоциативном поле с устойчивыми оборотами *отецъ небесный* и *царство небесное* (*небесское*). В памятниках древнерусской письменности отмечены словосочетания типа *пастоухъ Бога* (*Боговъ*), *пастырь церкви Божии*, *пастоухи църкъвьныя*, *пастоухъ цѣсаря* и под. Красноречивый наставник именовался *пастоухъ златоустый* [СДЯ 2000. VI: 356–357]. Высокопоставленные церковнослужители (один из них – митрополит в приведенном выше отрывке) – *пастухи* и *пастыри* "царя небесного", в силу каких-то причин получавшие негативную оценку со стороны своей паствы или самого духовенства, в народно-разговорной речи превращались в *волухов царя небесного*. В синонимическом гнезде, состоящем из двух слов с широким значением – книжного *пастырь* и нейтрального *пастух* и одного с узкоспециальным значением – *волух*, последнее из них получает уничижительную эмоционально-оценочную коннотацию, что сделало возможным замену *пастыря* на *волоха*. Так возникло противопоставление: *пастырь/пастух царя небесного* и *волух царя небесного* (о церковнослужителе с запятанной репутацией). К еще большему "ухудшению значения" фразеологизма привела позднейшая замена в нем *волуха* 'волопаса' уже существовавшим в народной речи паронимичным коннотативным ономимом *Олух* или экспрессивным деконнотативом *олух* 'простофиля, дурак, болван', если к тому времени уже состоялась полная деонимизация этого коннотативного личного имени. Все это предопределило дальнейшее расширение сферы употребления оборота. Стало возможным относить его не только к утратившим доверие духовным пастырям – *волухам царя небесного*, поведению, поступки которых заслуживали отрицательной оценки, вызывали их неприятие. Контрастное сочетание неизменившейся части фразеологизма (*царя небесного*) с новым стилистически сниженным словом *олух* только усилило экспрессию всего оборота.

Возможно, еще одним результатом фонетического и смыслового развития неудобнопроизносимого редкого имени *Елеферий* (*Елевферий*) было диалектное слово *елоп*, *елоп* 'болван, остолоп', происхождение которого для М. Фасмера было "неясно" [ЭСРЯ 1967. II: 13].

Особую группу коннотативных СИ составляют антропонимы с "редким, а потому высокоинформативным" звуком *ф*, обладающим символическим значением, которое "создает мощную поддержку коннотативному значению, еще более усиливая его" [Журавлев 1974: 121, 133]. Это коннотонимы *Фалалей*, *Фаля*, *Фатюй*, *Февронья*, *Федора*, *Фетинья*, *Фекла*, *Федосья*, *Фетюк*, *Фефела*, *Филимон*, *Филон*, *Филофей*, *Филя*, *Фитяй*, *Фифа*, *Фома*, *Фофан*, в прошлом – различные адаптации в народной речи личных имен *Олуферий*, *Ефрем* и *Ерофей*. Символика и ассоциативный потенциал "звукобуквы" *ф* в их составе не только обусловили появление у них неодобрительных референтных коннотаций, но в некоторой мере повлияли и на их судьбу. Прав А.П. Журавлев, что "имена *Федора*, *Фекла*, *Глафира*, *Марфа*, *Федот*, *Фома*, *Фотий* своим исчезновением ... обязаны не в последнюю очередь фонетическому значению" [Журавлев 1974: 139]. По его данным, оценки (почти все – негатив-

ные) фонетического значения (S₁) имен *Фефёла* и *Фофан* во многом схожи – 11 совпадений из 19 характеристик. Этот фактор, несомненно, способствовал появлению у данных антропонимов коннотативных "двойников" и омонимичных отконнотативных производных: *Фефёла/фефёла* 'неприятная, малопривлекательная женщина', 'простофиля' и *Фофан/фофан* 'глупый, недалекий человек; простак'. В связи с первым именем уместно обратиться к еще более раннему наблюдению А.Н. Журинского над символикой начального звукосочетания *фё* в словах византийского происхождения, прошедших народную обработку (*Фёкла*, *Фёдор*): этот слог "имеет значение деревенского, простоватого" [Журинский 1971: 251]. Разумеется, звуковой символизм подобных онимов – не единственный смыслообразующий и эмотивный фактор, определивший их изменения. Они испытывали и другие – собственно речевые и внеязыковые влияния, которые не всегда удается достоверно выявить.

Кроме того, способность быть "чистым" СИ, коннотонимом или деконнотативом у них неодинакова. Это зависит и от этапов их "семантической жизни", и от объема, а также активности "ономастической памяти" тех лиц, кто использует такие СИ, их социального положения и культурного уровня. Речевое качество одной и той же единицы у разных авторов (а иногда и у одного и того же) нередко бывает разным: она употребляется то как "чистое" (или "денотативное") СИ, то как коннотативное СИ, то как отконнотонимный апеллатив. В текстах это выражается в написаниях ее со строчной или прописной буквы, в кавычках или без них.

Безусловным упущением при этимологизации деонимических апеллативов является отсутствие указания на промежуточное звено – мезолексы. Так, М. Фасмер отконнотонимный апеллатив *фалалей* 'повеса', 'зевака' (следует еще добавить: 'простофиля', 'доверчивый простак' и употребление в качестве бранного слова) производит непосредственно от собственного имени *Фалалей* (из греч. *θαλλέλομος*) [ЭСРЯ 1973. IV: 183], минуя существовавшую в прошлом (еще в XIX в.) мезолексу *Фалалей*. Ср. разные семантические состояния этого слова: а) как "чистое", "денотативное" СИ: *...он легко вторгается в дом к финансисту Фалалею Губошлепову и даже выполняет разные мелкие его поручения* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши); б) как коннотоним с созначением 'простофиля, разиня': *Любовник не был Фалалей. Лишь ночь желанна наступила И мглою черною своей Московские дома покрывла, Он, как стрела, пустился к ней* (Д.П. Горчаков. Соловей (Из Бокаччо); настоящее имя любовника – Пролаз); в) как отконнотонимный апеллатив – ругательное слово: *Всю жизнь он слыл фатюем, фетюком, фалалеем* (М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом). На игре "денотативного" и коннотативного СИ *Фалалей* Ф. Достоевский в повести "Село Степанчиково и его обитатели" дважды строит ономастический каламбур: *Захочу ли я полюбить Фалалея?* (Это имя носит дворовый мальчик – Е.О.) *Могу ли я, наконец, любить Фалалея, если б даже хотел? Нет; почему нет? Потому что он Фалалей.* И еще: *Но Фалалей упорно оставался Фалалем.* СИ *Фалалей* участвовало в отконнотонимной деривации и своей разговорной гипокористической формой *Фаля*. В качестве условного антропонимного компонента она присутствует в поговорке *У нашего Фали рукавицы спали* [ПРН 1984. I: 354]; как деконнотатив со значением 'дурак, дура': *Собой-то краля, а умом-то фаля* [Михельсон 1912: 935]; как асемантическое бранное слово: *А подь ты к праху, фаля! Тьфу!!* (В.Я. Шишков. Алые сугробы). От усеченной антропонимной основы образовалась гипокористика *Фалуй*, а от нее – омонимичный коннотоним, впоследствии перешедший в апеллатив *фалуй* 'невежа, дурак'. Ср. апеллатив аналогичного образования *фатюй* 'лентяй, простофиля', который М. Фасмер неверно связывает с *фитюк* [ЭСРЯ 1973. IV: 188]. *Фатюй* – давно утраченный вариант личного мужского имени *Фотя* (которое, в свою очередь, – производное от полных старинных имен *Фот*, *Фóтий*, *Фотин*), или *Фáтя* (← *Фóтий*, *Фóтин*) с редким экспрессивным суффиксом – 'уй'. Возможно также, что суффикс – 'уй' появился на месте антропонимной финали –ей в производной форме *Фотéй*, *Фатéй* (← *Фóтий*) под влиянием экспрессивных нарицательных существительных *оболдуй*, *холуй* и под. Как "денотатив-

ный" и коннотативный антропоним *Фатюй* в нашей картотеке отсутствует, что свидетельствует о его давнем переходе в апеллатив, который А.О. Подвысоцкий толковал как 'недогадливый человек, вахлак' [Подвысоцкий 1885: 181].

Первая попытка этимологизации бранного слова *фетюк* принадлежит Н.В. Гоголю. В четвертой главе "Мертвых душ" в авторском комментарии к словам Ноздрева (*– Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!*) он разъясняет: «Ф е т ю к – слово, обидное для мужчины, происходит от Ф (фиты), буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою". Современное ненормативное слово с таким же суффиксом, мотивированное существительным со значением 'vagina', на первый взгляд, может служить диахронической словообразовательной параллелью для слова, основой которого является название "неприличной буквы". Но тогда почему *фетюк*, а не *фитюк*? Это расхождение намеренно устраняет сам М. Фасмер, принявший толкование Гоголя: у него только *фитюк*» [ЭСРЯ 1973. IV: 197]. Однако принять эту этимологию мешает не только семантика данного слова – 'угрюмый человек, брюзга, кто вечно дуется' [СРГЮК 1968: 211], мотивационно не соотносимая с названием "неприличной буквы" (в отличие от слова *ферт* 'хлыщ, щеголь', где такая мотивация буквой очевидна), но и широкое присутствие слова *фетюк* в диалектной речи – от Вятки до Красноярского края [СРГЮК 1968: 211]. В истоках слова *фетюк* находится давно утраченная русским народным антропонимиком разговорная форма личного мужского имени, производная (посредством экспрессивного суффикса –ук) от редких старинных церковных имен *Феотих* (ср. его гипокористики *Фетя*, *Фетька*), *Яфет* и, может быть, *Феоктист*. В русском именнике такие образования нередки: ср. *Федюк* < *Федор*, *Сташук* < *Евстафий*, *Петюк* < *Петр*, *Павлюк* < *Павел*, *Митюк* < *Дмитрий*, *Зотюк* < *Изот*, *Венюк* < *Вениамин* и т. д. На существование отчества по отцу с именем *Фетюк* указывает и фамилия *Фетюкович* (адвокат в романе Ф. Достоевского "Братья Карамазовы"). На доапеллативном этапе смыслового развития *фетюк* его отрицательная коннотация была вызвана рядом причин: редкостью этого крестильного имени, символизмом столь же редкого, а потому высокоинформативного, начального звука *ф* и экспрессивностью суффикса –ук .

От *Фэта/Фэтя* образовалось и личное мужское имя *Фетяй/Фитяй* с экспрессивным суффиксом – 'ай, который присутствует в ряде современных антропонимных дериватов: *Митяй* (<*Дмитрий*), *Матяй* (<*Матвей*), *Женяй* (<*Евгений*), *Мосяй* (<*Моисей*), *Ваняй* (<*Иван*) и др. Это личное имя, вероятно, имело более ограниченную территорию распространения, чем *Фитюк*; таким же был и развившийся из него коннотоним с семантическим наращением 'ротозей', которое сохраняет отконнотонимный апеллатив *фитяй* в современных забайкальских говорах: *Фитяя мне в бригаду не надо. Если бы не этот фитяй, то к складу никто бы не пробрался* [Элиасов 1980: 434]. Коннотативность СИ *Фитяй* возникла вследствие тех же причин – звукового символизма начального *ф*, словообразовательного значения экспрессивного суффикса – 'ай и пейоративной семантики слов с этим суффиксом (*кисляй*, *разгильдяй*, *слютяй* и др.). Все сказанное свидетельствует об отконнотонимном происхождении слов *фетюк* и *фитяй*.

Целая группа диалектно-просторечных отконнотонимных апеллативов генетически связана с личным именем *Ефрем* (<*Евфремий*), *Ерофей* и *Пантелей*. Первое из них – уже в фонетически адаптированном виде *Опрѣмъ* и с какой-то семантической надбавкой пейоративного плана (возможно, 'простофиля') в сочетании с другим бранным "прозвищем" *Кормихно* зафиксировано в тексте 1503 г. одной из псковских летописей: *И князь псковской Иван Горбатой начаша заганивати псковичь, чтобы не ѳхали розно, а они вси по закустовью, и начаша ему псковичи прозвище давати опрѣмом и кормихном* [ПЛ 1941. I: 88]. Позднее в народно-диалектном именнике получают распространение его морфолого-фонетические дублеты *Ахрамей* (<*Евфремий*), *Вахрамей*, *Вахрушка*, зафиксированные писателями XIX в.: *Тут меня знают .. выведу весной – встречают: "Что, мол, дядя Ахрамей, – жив еще, не окачурился?"* (В. Короленко. В пустынных местах); *На вид Вахрамею можно было дать лет*

пятьдесят .. (Д. Мамин-Сибиряк. Золотая ночь); *Бабы-то умаялись без тебя, Вахрушка* (Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб). В орловских говорах прошлого века *Ахрамей* – ‘простофиля’ [СРНГ 1965. 1: 297]. От фонетического варианта этого коннотативного имени *Вахрамей* образовались его производные, испытавшие полную деонимизацию: *вахруля* (нижегор.) ‘нерасторопный, неловкий человек’ [СРНГ 1969.4: 76] от коннотонима *Вахруля*; *вахрюта* ‘нескладный, некрасивый человек’ [СРНГ 1969. 4: 76, с пометой: Осташк. Твер., 1855 г.; от коннотонима *Вахрюта*]; *вахрюш* ‘нерасторопный, неповоротливый человек’. *Какой ты вахрюш* [СРНГ 1969. 4: 76, с пометой: Рыльск., Судж. Курск., 1849 г.; от коннотонима *Вахрюша, Вахрюш*].

Другой морфолого-фонетический дублет канонического имени *Ефрем(ий)* – *Ахреян* представляет собой суффиксальное производное от *Ахрем*, как *Устьян* от *Устин*, *Митреян* от *Дмитрий* и др. [Чернышев 1935: 173]: *Вот приближается пан Охреян; спросить бы еще в третий и последний раз. Здравствуй, пан Охреян!* (В. Нарезный. Два Ивана, или страсть к тяжбам). “Словарь церковно-славянского и русского языка”, составленный Вторым отделением Академии наук, уже зафиксировал отконнотонимный апеллятив *охреян* (это мог быть и коннотативный антропоним, строчная буква которого – показатель того, что это уже мезалекса), толкуемый как ‘необразованный, нерасторопный простолюдин’ [СЦРЯ 1847. III: 147]; со значениями ‘лентяй’, ‘неотесанный, грубый, мужиковатый увалень’ приводит его В. Даль [Даль 1935. II: 802; с пометой: “пермское и вятское”]. Ср. также: *Но сей ахреян не так-то скоро повернулся, как мы думали и ожидали* [Болотов III: 598; запись 1809 г.]; *Селиверст! Ну, разоспался, охреян неприличный – Селиверст!* (И. Тургенев. Разговор на большой дороге). Подобным образом украинский антропоним *Охрим* (<*Ефрем*) развивает способность употребляться и в качестве коннотонима с означением ‘простака, чурбан’, не перешедшего, впрочем, в деконнотатив. Ср. его разные состояния: 1) *В половине дня по панскому приказу представлен был на гумна пленник по имени Охрим* (В. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник) и 2) *Невтесом всі його дразнили. По-нашому ж то звалась Охрим* (И. Котляревский. Энеида). Неясна линия семантического развития *охреян* ‘раскольник, старообрядец’: *Азовский паша подослал в русский лагерь одного из охреян, закоснелых раскольников, изменивших государю и отечеству* [Устрялов 1858. II: 147]. От *охреян* ‘лентяй, увалень’ – “пермский” диалектизм *охреянить* ‘лукавить, лениться, отстаивать в паре’: *лошадь охреянит* [Даль 1935. II: 802].

О былом семантическом наращении ‘сварливый человек, задира’ в личном имени *Ерофей* свидетельствует образованный от него глагол *ерофениться* ‘ругаться’ [СРНГ 1972. 9: 33]. Структурно-звуковая адаптация этого коннотативного антропонима – *Еропá* лежит в основе диалектного отконнотонимного апеллятива *еропá* ‘надутый, чванливый, самодовольный человек’ [Даль 1935. I: 536], а от него *ерепениться* ‘чваниться, упрямитесь’ (там же) со следом межслововой ассимиляции. В современном жаргоне: *ерепенить* ‘кричать, шуметь, греметь’, ‘возражать, сопротивляться, настаивать’; *ерепело* ‘упрямец, крикун’ [Кучинский 1998: 521]. Фонетический вариант отконнотонимной основы *ереп-* (<*ероп-* < *Ероп-* < *Ероф-*), по видимому, присутствует и в целой группе диалектных слов как в простом, так и в суффиксально распространенном виде: *ерепеня* ‘вздорный человек’, *ерепериться* ‘волноваться, ерепениться’, *ерепес/ерепесá* ‘задира, шалун’, *ерепесливый* ‘неспокойный, раздражительный человек’, *ерепесь* ‘суетливый, нетерпеливый человек’, *ерепыжить* ‘ругать’, *ерепыжиться* ‘ругаться, сердиться’ [СРНГ 1972. 9: 19]. Ср. тульск. *еропить* ‘упрямитесь’, где ассимиляции нет [СРНГ 1972.9: 19]. На связь *еропы* с **Еропой* (<*Ерофей*) указывают и синонимы *еропка* и *ерофеич* ‘настоянная на пахучих травах водка’ [СРНГ 1972. 9: 19]. Продуктом формально-звуковых трансформаций в разговорной речи антропонима *Ерофей* стал и его дериват *Ероха*, тоже получивший семантические наращения и перешедший в экспрессивный отконнотонимный апеллятив *ероха* ‘неряха, нечеса, космач’, ‘задира, сварливый человек’ [Даль 1935. I: 537], которым, в свою очередь, были мотивированы диалектные глаголы

еробиться 'сердиться, гневаться' и *ерохобиться* 'сердиться попусту, быть вспыльчивым' [СРНГ 1972. 9: 33]. Последний из них испытал контаминацию с *ерихобиться* 'капризничать, упрямиться, ломаться, куражиться' [СРНГ 1972. 9: 21] и ругательным словом *ерихон* 'взбалмошный, шумный человек'. Ср. у П.И. Мельникова (Андрея Печерского): – *Ерихоны, дуй вас горой!*.. *Перекосило б вас с угла на угол, – бранился дядя Елистрат* (В лесах). Деконнотатив *ероха* 'неряха, нечеса. космач' вошел в состав выражения *ероха-воха*, вторая часть которого первоначально его семантически дублировала, будучи связанной с диал. *вохлы* 'длинные, всклокоченные волосы, космы', *вохляк/вохлюк* 'косматый человек' [СРНГ 1972. 4: 164]. Ср.: *Я к нему в работники нанялся; как в Перму приедем, слезу с парохода, прощай, ероха-воха* (М. Горький. В людях); – *Луни его, Ероха-воха! Под душу дай* (М. Горький. Преступники).

Первые на отонимное происхождение слова *пентюх* (от *Пентелей* из *Пантелей*) указал В.И. Чернышев, допустив при этом, что оно испытало сближение со словом *пень* 'бестолковый человек, тупица' [Чернышев 1935: 175–176]. М. Фасмер, упомянув об этой попытке толкования слова, констатирует, что *пентюх* "обычно связывают с *пень*", а некоторые сближают с укр. *бедюх/бедюг* 'брюхо; внутренний' из венг. *bendő* 'брюхо', но эту "венгерскую этимологию" он не принял [ЭСРЯ 1971. III: 232]. П.Я. Черных производит *пентюх* "из *тентюх* (вследствие сближения с *пень* на почве народной этимологии)". Вся словарная статья изобилует малоубедительными лексическими сближениями (например, с междометием *терь-терь/терь-дерь* и словом *тетеря*) и заканчивается выводом: "из *пентерь* : *пендерь* получилось *пентюх* : *пендюх* без влияния бран. *олух*" [ИЭССРЯ 1993. II: 19]. Деонимизацию испытали оба фонетических варианта коннотативного онима с экспрессивным суффиксом – *Пантюха* и *Пентюха*. В народных говорах зафиксирован также вариант с приставным *о-*: *опентюх* 'неловкий, неповоротливый человек', 'неразговорчивый, замкнутый человек' [СРНГ 1987. 23: 250]. К сказанному необходимо сделать одно уточнение. Сомнительным представляется само существование "простонародного" варианта имени *Пентюх*, о котором писал В.И. Чернышев. В народно-разговорном антропонимиконе встречаются, как правило, суффиксальные разновидности мужских личных имен с окончанием *-а*: кроме *Пантюха/Пентюха*, это *Артюха*, *Васюха*, *Гаврюха*, *Степуха*, *Карпуха*, *Лавруха*, *Матюха*, *Панюха*, *Юха* (от *Юрий*) и мн. др. Исключением единичны, например, *Митух* – от *Дмитрий* наряду с распространенным *Митюха* [Петровский 1980: 97, 325], *Витюх*. Поэтому вполне возможное паронимическое выравнивание со словом *пень*, подготовленное более ранней гармонизацией гласных в личном имени (*Пантелей* > *Пентелей*), и, как следствие этого, появившаяся зависимость от пейоративного переносного значения апеллятива, могла испытать, скорее всего, только форма *Пентюха*, которая после переноса ударения на первый слог (обусловленного смысловой связью с *пень*) утратила фонетически ослабленный конечный звук *-а*. Схематически этот процесс можно представить так: *Пентелей* > *Пентюха* + *пень* 'бестолковый, бесчувственный человек' > коннотоним *Пентюха* > отконнотонимный апеллятив *пентюха* > аллегровая форма *пэнтюх*.

Естественно, вариант *Пантюха* в паронимической аттракции не участвовал и поэтому метатонии не испытал. На его основе возник отконнотонимный апеллятив *пентюха* 'никчемный, глупый, бестолковый человек': *А пантюха и чечас пантюха, значит, ни с чем пирожок, беспонятный, значит* [СРСГСЧО(д) 1975. 2: 65]. Об осознании связи отконнотонимного апеллятива *пантюха* с коннотонимом *Пантелей* (из *Пантелеймон*), восходящим к омонимичному деривату личного имени *Пантелей* (из *Пантелеймон*), прямо свидетельствует онимный каламбур: *Старшего из них Пантелеем звали. Он пантюхой и вышел. Простяга парень* (П. Бажов. Змеиный след). Таким образом, *пэнтюх* и *пантюха* в своих истоках имели одно личное имя – *Пантелей*, которое само по себе в конце XIX–XX в. могло употребляться как уничижительный коннотоним. Ср.: – *А ты, Пантелей, что здесь делаешь?* – *спросил он, повернувшись к Редьке.* – *Пьянствуешь с ними? Он всех людей почему-то называл*

Пантелеями, а таких, как я и Чепраков, презирал и за глаза обзывал пьяницами, скотами, сволочью (А. Чехов. Моя жизнь). Эта коннотация особенно выразительно проявилась в ономастическом каламбуре В. Аксенова в его повести "Ожог": *Пантелей, попадая в деловой коридорный уют КГБ, умилялся от сознания, что он, Пантелей, биологически обычный пантелей, вот так, без труда попал в святая святых.*

Несколько замечаний о некоторых других отонимных апеллятивах в словаре М. Фасмера. Слово *жучка* неверно толкуется как производное от устаревшей клички домашней собаки *Жужу*, в основе которой находится франц. *joujou* 'игрушка' [ЭСРЯ 1964. 1: 64, 68]. В первой пол. XIX в. это слово употреблялось и как манерное интимное обращение к человеку или его прозвище. Ср.: *Все были такого рода, которыми жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия: кубышки, толстунчика, пузатика, чернушки, кики, жужу и проч.* (Н. Гоголь. Мертвые души). *Жучка* не только "маленькая собачка", как сказано в словаре, но и распространенная кличка любой непородистой дворовой собаки, как *Бобик*, *Барбос* или *Шарик*. Маловероятно, что это слово было мотивировано претенциозной кличкой "французской" комнатной собаки. О существовавшей зависимости выбора кличек собак от их породы писал Н. Лесков в "Соборьянах": «...названия, мол, даются все больше по породам, что какой прилично: борзые почаще все "Милорды", а те из наших простых, которые красивей, "Барбосы" есть, из аглицких "Фани", из курляндских "Шарлотки", французских называют и "Жужу" и "Бижу"; испанские "Карло", или "Катанья", или еще какие-нибудь; немецкие "Шпиц"...». В русском ономастике начала XIX в. существовали коррелятивные кинонимы *Жучок* и *Жучка*, первый из которых впоследствии был утрачен. В парке усадьбы Грузино (б. Новгородская губерния), принадлежавшей А. Аракчееву, стояли чугунные статуи собак с надписями: "Верному Жучку" и "Милой Дианке" [Курбатов 1916: 612]. Оба кинонима были мотивированы русским апеллятивом *жук*.

Как слово с "неясной" этимологией приводится арготизм и "кубанский" диалектизм *шмара* 'любовница' [ЭСРЯ 1973. IV: 458], который также является одним из отконнотонимных производных, связанных с женскими именами *Марья*, *Марьяна*. Среди многочисленных референтных коннотаций их гипокористик *Маруся*, *Маруха*, *Марушка*. *Мархоня* и *Мара* преобладающими являются 'любовница', 'проститутка' [Даль 1990: 134; СРНГ 1981. 17: 368, 377; СМА 1994: 240; БСРЖ 2000: 337 и др.]. Фонетическими вариантами деконнотатива *мара* являются современный жаргонизм *амара* 'проститутка' [СВЯ 1992: 3] – с протетическим *а-*, а также *шмара* – с протезой *ш-*. Последний вариант отконнотонимного апеллятива присутствует в сложных словах *шмаровоз* 'любовник, сутенер' (вначале, очевидно, так называли извозчиков, возивших *шмар*) и *шмарогон* 'ловелас' [СВЯ 1992: 121]. Экспрессивное приставное *ш-* имеется также в словах *шнырять*, *шпулять*, *шмот* и др. Слово *петрушка* этимологизируется только как название травы. Отсутствует его омоним *петрушка* 'неразбериха', 'пустое дело', 'всем надоевшее занятие': *Это что за петрушка была?* (И. Бабель. Конец богадельни); *Четыре певицы, четыре хорошо одетых женщины пришли жаловаться. Речь: "У нас в посредрабисе при квалификации происходит колоссальная петрушка"* (И. Ильф. Записные книжки). Ср. также *вот такая (какая) петрушка; валять петрушку*. В основе этого омонима лежит коннотативный артионим *Петрушка*, сознание которого – 'веселое шумное представление' развилось из денотативного значения 'народный кукольный театр Петрушки'. Полная демотивация отконнотонимного апеллятива привела к устойчивой связи этого проторечного слова с омонимичным названием огородного растения.

Таким образом, практика составления этимологических и историко-этимологических словарей свидетельствует о недостаточном внимании к деривационной и семантической истории отконнотонимных апеллятивов. Прямое соотнесение их с первичными – "денотативными" СИ (что чаще всего и наблюдается) без рассмотрения их промежуточного – "мезолексного" состояния приводит к разрыву цепи их смысло-

вой эволюции. Конечно, необходимый материал для этого может дать только словарь коннотативных собственных имен и их производных, раскрывающий не только коннотемную структуру таких семасиологизированных онимов в определенные периоды их функционирования в русской речи, но и динамику смысловых переходов, детерминированность их как внутриязыковыми факторами, так и экстралингвальными условиями и ситуациями, в которые попадало и попадает то или иное собственное имя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болотов 1872 – *А.Т. Болотов*. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им для своих потомков. Т. III. СПб., 1872.
- БСРЖ 2000 – *В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- ВуЛС 2002 – Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 8. Донецк, 2002.
- Даль 1935 – *В.И. Даль*. Толковый словарь. М., 1935. Т. I, II, IV.
- Даль 1990 – *В.И. Даль*. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // ВЯ. 1990. № 1.
- Дьяченко 2000 – *Г. Дьяченко*. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 2000.
- Журавлев 1974 – *А.П. Журавлев*. Фонетическое значение. Л., 1974.
- Журицкий 1971 – *А.Н. Журицкий*. Некоторые сопоставления “периферийных” классов языковых знаков (в одном или разных языках) // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971.
- ИЭССРЯ 1993 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М., 1993.
- Ковтун 1975 – *Л.С. Ковтун*. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII вв. Л., 1975.
- Курбатов 1916 – *В.Я. Курбатов*. Сады и парки. Пгр., 1916.
- Кучинский 1998 – *А.В. Кучинский*. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Лагерная живопись, условный жаргон. Донецк, 1998.
- Ляпунов 1935 – *Б.М. Ляпунов*. О некоторых примерах образования имен нарицательного значения из первоначальных имен собственных в славянских языках // Академия наук СССР. XLX академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935.
- Матвеев 1958 – *А.К. Матвеев*. К этимологии слова “ваньза” // Уч. зап. Уральского Гос. ун-та. Вып 16. Свердловск, 1958.
- Михельсон 1912 – *М.И. Михельсон*. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1912.
- МЭ 1980 – Москва. Энциклопедия. М., 1980.
- Отин 1986а – *Е.С. Отин*. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Этимология. 1984. М., 1986.
- Отин 1986б – *Е.С. Отин*. Принципы построения коннотационного словаря русских онимов // Русское языкознание. К., 1986. Вып. 13.
- Отин 1988 – *Е.С. Отин*. Словарь собственных имен, употребляемых в переносном значении // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. М., 1988.
- Петровский 1980 – *Н.А. Петровский*. Словарь русских личных имен. Изд. второе. М., 1980.
- Печерских 1974 – *Т.А. Печерских*. Вторичные топонимы типа *Камчатка* // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. № 8–9.
- ПЛ 1941 – Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
- Подвысоцкий 1885 – *А.О. Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПОС 1976 – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1976. Вып. 3.
- ПРН 1984 – Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. М., 1984.
- СБГ 1980 – Словарь брянских говоров. Л., 1980.
- СВГ 1985 – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1985.
- СВЯ 1992 – Словарь воровского языка. Запорожье, 1992.
- СДЯ 2000 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VI. М., 2000.

- СМА 1994 – В.С. *Елистратов*. Словарь московского арго (материалы 1980–1994 гг.). М., 1994.
- СРГК 1994 – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. Вып. 1.
- СРГСУ 1964 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964. Вып. 1.
- СРГЮК 1968 – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
- СРСГСЧО(д) 1975 – Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби (дополнение). Томск, 1975. Ч. 2.
- Срезневский 1893 – *И.И. Срезневский*. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб. 1893. Т. I.
- СРН 1990 – Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1990.
- СРНГ 1965–1987 – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; 1965. Вып. 1; Л., 1969. Вып. 4; Л., 1972. Вып. 9; Л., 1977. Вып. 12; Л., 1981. Вып. 17; Л., 1987. Вып. 23.
- СРЯ 1976 – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3.
- Суперанская 1970 – *А.В. Суперанская*. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М., 1970.
- СЦРЯ 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Т. III. СПб., 1847.
- Тупиков 1903 – *Н.М. Тупиков*. Словарь древне-русских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Устрялов 1858 – *Н. Устрялов*. История царствования Петра Великого. Т. II. СПб., 1858.
- Фонвизин 1959 – *Д.И. Фонвизин*. Собрание сочинений. М.; Л., 1959.
- Чернышев 1935 – *В.И. Чернышев*. Происхождение некоторых нарицательных имен собственных. *Омельфа, Охреян, Охрюта, Пентюх* // Язык и мышление. М.; Л., 1935.
- Щерба 1974 – *Л.В. Щерба*. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Элиасов 1980 – *Л.Е. Элиасов*. Словарь русских говоров Забайкалья. Л., 1980.
- ЭСРЯ 1964–1973 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М. Т. I, 1964; Т. II, 1967; Т. III, 1971; Т. IV, 1973.
- ЯОС 1982 – Ярославский областной словарь. Ярославль. 1982.

© 2003 г. А. Н. БАРАНОВ

О ТИПАХ СОЧЕТАЕМОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ*

1. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КУНШТЮКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Исследование метафоры в реальном речевом употреблении показывает, что значительная часть метафор реализуется не отдельно – в одном метафорическом выражении одна метафорическая модель (М-модель), а вместе – в одном метафорическом выражении несколько метафорических моделей. Так, в политическом дискурсе эпохи перестройки довольно часто обнаруживаются метафоры, объединяющие М-модель ОРГАНИЗМА и МЕХАНИЗМА: <...> *для становления полнокровного рыночного механизма потребуются целый ряд лет.* (М.С. Горбачев "Известия", 20.10.90). В приведенном примере прилагательное *полнокровный* соотносит метафору с органистической интерпретацией рынка, а существительное *механизм* – с механистической. Имеются контексты сочетания и других моделей, например, МЕХАНИЗМА и ПЕРСОНИФИКАЦИИ (1а), ЖИВОТНОГО и ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА (1б):

(1) а. Я не против того, чтобы общественные организации выдвигали своих кандидатов и чтобы они баллотировались вместе с последними там, где проживают и где они должны пройти через *мощный и мудрый народный фильтр*. (Первый съезд народных депутатов)

б. Да, не нам, пишущей братии, раздувать этот психоз, изображая коммунистов в виде эдакой *"собаки Баскервилей"*, носителем зла ради зла. ("Огонек", 26.10.91)

Интересно, что восприятие метафоры как конвенциональной ("стертой") и новой ("творческой") если и связано с тем, какие М-модели сочетаются, то весьма не прямо. Так, приводившийся пример из выступления М. Горбачева ощущается почти как конвенциональная метафора, при том что в ней сочетаются явно противопоставленные М-модели (ОРГАНИЗМ и МЕХАНИЗМ), и внимательный стилист не пришел бы от нее в восторг. Такое же сочетание метафорических моделей в примере (2) воспринимается уже как абсолютно новая метафора:

(2) <...> медленно и болезненно происходит *отслоение партийной кожи с государственных механизмов*. ("Известия", 17.09.90)¹

Проблема сочетаемости метафорических моделей не получила должного отражения в литературе по метафорике, хотя доля совместной сочетаемости М-моделей в речевой коммуникации довольно велика. Так, в политическом дискурсе эпохи перестройки на долю совместной сочетаемости нескольких М-моделей приходится порядка 15 процентов всех употреблений метафорической модели МЕХАНИЗМА

* Автор выражает искреннюю благодарность Д. Добровольскому, Л. Тарасевич и Й. Цинкелу, прочитавшим первый вариант данной статьи.

¹ Не исключено, что в комбинации нескольких М-моделей творческая метафора оказывается "сильнее" и в любом случае превращает результирующее сложное сочетание М-моделей в новую, неконвенциональную метафору.

(59 из 394²) и 18.5 процента употреблений метафорической модели ФАУНЫ (64 из 340). Весьма вероятно, что в поэтическом языке совместная сочетаемость (комбинаторика) М-моделей распространена в еще большей степени и, возможно, она даже более разнообразна. Ср., например, строфу из стихотворения А. Тарковского "Поэт начала века": *Твой каждый стих – как чаша яда, / Как жизнь, сплетенная грехом, / И я дышу, хоть и не надо, / Нельзя дышать, твоим стихом.* Здесь одновременно реализуются метафоры ЯДА (точнее ЧАШИ ЯДА), ЖИЗНИ и ВОЗДУХА³.

Очевидно, что такое частотное явление требует особого описания и обсуждения.

Можно предположить, что совместная сочетаемость М-моделей – это не только причуда стиля, это не только стилистические монстры типа *мощного и мудрого народного фильтра* или *отслоения партийной кожи с государственных механизмов*, но и некоторые закономерности лингвистической и когнитивной семантики, проявляющиеся в типах сочетаемости. На уровне лексической семантики аналогом совместной сочетаемости метафор может служить лексическая и семантическая сочетаемость (по Ю.Д. Апресяну), а на когнитивном – какие-то эффекты взаимодействия когнитивных структур – структур знаний. Описанию типов совместной сочетаемости метафорических моделей, их комбинаторике и посвящена настоящая статья. Где это возможно, типы сочетаемости объясняются исходя из семантических и когнитивных принципов. В некоторых случаях специфика сочетаемости М-моделей связывается с особенностями политического мышления. Впрочем, большинство утверждений такого рода не может быть подтверждено или опровергнуто в рамках собственно лингвистического исследования. В силу этого они формулируются как более или менее правдоподобные гипотезы.

В данной работе основное внимание обращается на "бинарную" комбинаторику М-моделей, то есть на сочетание двух М-моделей. Это связано в первую очередь с тем, что объем данных по "множественной" комбинаторике (три и более М-моделей) недостаточен для формулировки определенных выводов. Впрочем, многие заключения (в том числе в рамках формализованной модели метафоризации – см. ниже) легко могут быть экстраполированы и на случаи множественной комбинаторики.

В качестве исходного материала для исследования послужила "База данных по политической метафорике эпохи перестройки", разработанная и собранная автором в период 1989–1993 гг. Эта База использовалась как источник предварительных материалов "Словаря политических метафор" [Баранов, Караулов 1991; 1994]. В настоящее время База данных полностью переработана, метаязык Базы унифицирован и уточнен⁴. Общий объем записей – 8000 контекстов употребления метафор в русском политическом дискурсе 1989–1993 гг. Для наиболее частотных метафорических моделей проведен эксперимент по доказательству репрезентативности выборки метафорических контекстов в Базе данных [Баранов 2001]. Особенности сочетаемости М-моделей обсуждаются здесь на одном подмножестве Базы данных: на примере контекстов употребления М-модели МЕХАНИЗМА. При необходимости привлекаются и другие подмножества. Приводимая в статье статистическая информация о частоте употребления М-моделей основывается на модифицированной Базе

² Здесь и далее статистическая информация дается по "Базе данных политической метафорике эпохи перестройки" – подробнее см. ниже.

³ Здесь и далее метафора понимается расширительно и включает в себя развернутые сравнения. Это связано с особенностями функционирования метафорики на политическом дискурсе и ее влиянием на политическое мышление.

⁴ Исследования проводятся в Билефельдском университете в рамках российско-немецкого проекта по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорики эпохи "перестройки" и периода "die Wende" (объединение ГДР и ФРГ) "Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten", поддержанного DFG.

данных, в силу чего статистику употребления М-моделей в политическом дискурсе, приведенную в [Баранов, Караулов 1994], следует считать устаревшей.

В качестве теоретического основания описания типов сочетаемости М-моделей используется когнитивная теория метафоры, разрабатывавшаяся в 80–90 гг. XX в. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Поскольку метаязык этой теории используется в литературе по-разному (и данная работа не является исключением), а некоторые важные категории не получили ясного определения, то ниже по необходимости кратко излагаются основные понятия когнитивной теории метафоры и их модификации, используемые в данной статье. Основное внимание уделяется базовому для данной работы понятию – категории "метафорической модели". Понятие метафорической модели было де-факто введено ранее в [Баранов 1991; Баранов, Караулов 1991], однако не обсуждалось там с необходимой степенью подробности.

2. "МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ" И КОГНИТИВНАЯ ТЕОРИЯ МЕТАФОРЫ

Основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры "источника" (source domain) и когнитивной структуры "цели" (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит "метафорическая проекция" (metaphorical mapping). Предположение о повторении структуры источника в структуре цели получило название "гипотезы инвариантности" (Invariance Hypothesis) (см., например, [Lakoff 1990: 54]). Следы метафорической проекции обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста в виде метафорических следствий. Например, метафора НАРОД / ОБЩЕСТВО [цель] – ЭТО СТАДО [источник] в примерах типа (3) обращает внимание адресата на идею "несамостоятельности, пассивности", которая является частью когнитивной структуры (фрейма) "стада": знания о мире говорят нам, что стадо животных (например, коров – как прототиписический вариант для европейской культуры) управляется пастухом.

(3) Анализ [экономики] основан на официальных и реальных материалах, и если в нем будут прорываться эмоции, то они вызваны отчаянием бессилия от того, что мы вновь, как в недавние времена, являемся лишь *бессловесным стадом* для экспериментальных губительных игр "верхов". ("Молодая гвардия", 01.12.90)

Высвечивание отдельных свойств источника в области цели, возникающее в процессе метафорической проекции и проявляющееся на уровне предложения и текста в виде метафорических следствий, часто называют "п р о ф и л и р о в а н и е м".

В настоящее время когнитивная теория метафоры не дает ясного ответа на вопрос о том, как, в сущности, происходит сам процесс взаимодействия когнитивной области источника и области цели в процессах метафоризации. Основная причина этого заключается в том, что не разработан общепринятый метаязык представления знаний для целей описания функционирования языка, не определен инвентарь формальных процедур преобразования знаний. Имеющиеся отдельные попытки в этом направлении (см., например, ряд работ автора и Д.О. Добровольского по формальному моделированию порождения актуального значения идиомы, связанного с метафорическими преобразованиями в [Ваганов, Dobvol'skij 1996; Баранов, Добровольский 2000]) не меняют общей картины. Подчеркнем, что основная проблема здесь даже не в том, как описать структуру фрейма и содержание соответствующих преобразований, а в том, как представлять семантическую информацию в компонентах структуры фрейма (соответственно, сценария или плана).

Области источника и области цели неэквивалентны не только в смысле направления метафоризации. Область источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Это "знание по знакомству", если пользоваться терминологией Б. Рассела. Сфера цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание, это, ско-

рее, "знание по определению". Как пишет Дж. Лакофф, "метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей" [Lakoff 1993: 245]. Эта идея была отражена в "тезисе об однонаправленности метафорической проекции". В дальнейшем тезис об "однонаправленности", выдвинутый в когнитивной теории метафоры, вызвал множество критических откликов. И действительно, противоречащие примеры очевидны. Например, в русском политическом дискурсе концептуализация политика как члена семьи в метафоре РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ вряд ли отвечает тезису об "однонаправленности", ср. (4):

(4) "Я говорил, что съезд собрался для рассмотрения попытки государственного переворота, а закончится снятием председателя Верховного Совета". После этой короткой реплики мрачный председатель вернулся в президиум, где и просидел молча до позднего воскресного вечера. А съезд, взбунтовавшийся было против Р.И. Хасбулатова, проголосовавший за рассмотрение вопроса о его отзыве, обвинивший спикера в сговоре с президентом, осиротел. Как непослушный ребенок, *привневовавший мать за разговоры с чужим дядей*, он громко закричал: ты мне вообще не нужна! А когда *мать* со словами – ну хорошо: не нужна, так и не нужна – отошла в сторону, он забеспокоился. Напрасно Ю.М. Воронов, занявший место председателя, в поисках контакта делал все для того, чтобы вести себя безупречно. Ребенок, капризно надувая губы, твердил – *ты не моя мама*. ("Сегодня", 30.03.93)

Трудно считать в этой развернутой метафоре "Хасбулатова" (область цели) менее конкретной сущностью, чем метафору МАТЕРИ. Кроме того, в политическом дискурсе обнаруживается значительное количество примеров метафоризации Ленина как БАТЮШКИ, ДЕДУШКИ, Ельцина как ОДНОГО ИЗ СУПРУГОВ и т.п. В этих случаях следует говорить не столько о прояснении (структурировании) неясной целевой области, сколько об изменении уже имеющейся структуры области цели, о ее переструктурировании. Новое знание возникает в данном случае благодаря профилированию некоторых свойств источника, не представленных или скрытых в области цели. Однако в общем следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису "однонаправленности". Собственно, этот тезис отражает одну из важнейших функций метафоры – когнитивную, или функцию получения нового знания.

Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире. Знания в области источника организованы в виде "схем образов" (image schemas) – относительно простых когнитивных структур, постоянно воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с действительностью [Lakoff 1987: 267]. К схемам образов относятся, например, такие категории, как "вместилище", "путь", "баланс", "верх-низ", "перед-зад", "часть-целое".

Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название "концептуальных метафор". К числу концептуальных метафор европейской культуры относятся, например, метафорические проекции ВРЕМЯ – ЭТО ДЕНЬГИ, СПОР – ЭТО ВОЙНА, ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и др. Концептуальные метафоры могут образовывать когерентные концептуальные структуры более глобального содержания – "когнитивные модели", которые являются уже чисто психологическими и когнитивными категориями, напоминающими по свойствам гештальты когнитивной психологии.

В данной статье используется понятие "метафорической модели", не совпадающее по содержанию ни с одной из упоминавшихся категорий когнитивной теории метафоры. Для того, чтобы пояснить его содержание, обратимся к формализованной модели процесса метафоризации, предложенной в [Баранов 1991; Баранов, Ка-

раулов 1991; 1994] для словарного описания метафоры политического дискурса в рамках идеологии когнитивной лингвистики и когнитивной теории метафоры.

С формальной точки зрения метафорическая проекция представляет собой функцию отображения элементов области источника в элементы области цели. Тем самым источник оказывается "областью отправления" функции отображения, а цель – "областью прибытия". В результате формируется соответствие между источником и целью, стабильность которого в каждом конкретном случае сильно варьирует – от наименее стабильных творческих метафор до устойчивых "стертых" метафор, фиксированных в культурной традиции общества. Когда элементы области назначения хорошо структурированы, соответствие между элементами области отправления и области назначения метафорической функции отображения может быть взаимно-однозначным. Например, для уже обсуждавшейся в (4) метафорической проекции ХАСБУЛАТОВ – ЭТО МАТЬ функция отображения устанавливает соответствие между элементом области отправления МАТЬ и элементом области назначения "Хасбулатов".

Отметим, что элементы областей отправления и назначения не ограничены по степени сложности. Если элементы сами по себе сложны, то однозначности в метафорической проекции не получается. Например, метафорическое выражение *война законов* предполагает проекцию элемента области отправления ВОЙНА на элемент области назначения "законодательская деятельность". И война и законодательская деятельность – это две концептуальные области довольно сложной структуры. Для такого метафорического выражения в довольно общем контексте типа *Правовое общество как раз и отличается тем, что в нем нет и быть не может ни власти одной идеи, ни господства одной структуры, ни войны законов*. ("Известия", 29.11.90) трудно определить, между какими элементами внутри этих областей устанавливает соответствие метафорическая проекция: ЗАКОНОДАТЕЛИ – ЭТО СОЛДАТЫ ЗАКОНЫ – ЭТО ВЫСТРЕЛЫ. УТВЕРЖДЕНИЕ ЗАКОНА – ЭТО АТАКА, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ЗАКОНАМИ РАЗЛИЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ – ЭТО ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ? Часто такие соответствия даже противоречат друг другу. Например, солдаты – это законы, законодатели или судьи? Этот эффект когнитивного "мерцания" метафоры [Баранов 1991] приводит к тому, что функция отображения для метафор со сложными элементами области отправления и / или области прибытия не дает однозначного набора значений. В компьютерной реализации случаев обсуждаемого типа модель функции отображения должна практически одновременно устанавливать множество различных связей. Конечно, метафорические следствия в контексте часто позволяют прояснить, что имеет в виду говорящий, и тогда появляется возможность установления взаимно-однозначного соответствия. В рамках данной работы можно упростить ситуацию и считать, что функция отображения в метафорах обсуждаемого типа устанавливает соответствие между именами соответствующих когнитивных областей (дескрипторами – см. ниже).

Возможен, однако, и другой тип случаев, когда взаимно-однозначного соответствия между элементами функции отображения нет в принципе. Если в метафорическом выражении реализуется несколько разных по тематике областей источника, то функция отображения, имея в качестве аргументов элементы двух различных областей отправления, соединяет их с одним элементом области назначения. Например, когда политик метафорически уподобляется Лисе Алисе (5), функция отображения устанавливает связь, во-первых, между элементом ЛИСА области отправления ЖИВОТНЫЕ (ФАУНА) и элементом области назначения "политик" и, во-вторых, между элементом ЛИСА АЛИСА области отправления ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ (шире – ЛИТЕРАТУРА) и тем же элементом области назначения "политик".

(5) <...> десяток лет назад *лиса Алиса* обратила внимание Буратино на то, что предприятия в СССР в торговых операциях уже не употребляют денег, а меняют товар на товар, и предложила пресечь это безобразие. Буратино запретил

продавать что-либо из того, что было куплено предприятиями, и стал строго за это наказывать. ("Огонек", № 44, 29.10.90)⁵

Описание функции отображения требует определения ее аргументов – элементов области отправления. В [Баранов 1991; Баранов, Караулов 1991; 1994] в качестве аргументов этой функции предлагается использовать язык семантических дескрипторов. Область отправления функции (или область источника метафорической проекции) описывается совокупностью "сигнификативных" дескрипторов. Сигнификативные дескрипторы представляют собой нормированное подмножество лексем русского языка, для которых запрещена полисемия и омонимия⁶, отсутствуют формы словоизменения. В структуре записи Базы данных сигнификативным дескрипторам соответствует специальное "поле". Каждой метафоре приписывается, как правило, несколько сигнификативных дескрипторов, упорядоченных по степени абстрактности – от более конкретного к более абстрактному. Дескрипторы могут отражать также отношение "часть-целое", при этом упорядочивание происходит от части к целому. Например, метафорическому выражению *машина страха* в Базе данных приписаны следующие сигнификативные дескрипторы – <машина₁⁷, механизм>, а метафорическому выражению *национальная квартира* – кортеж дескрипторов <квартира, части жилища, строение, строительство>. Тем самым, каждой метафоре в Базе данных сопоставлен кортеж сигнификативных дескрипторов.

В области прибытия функция отображения действует на "денотативных дескрипторах", описывающих (применительно к нашему материалу) сферу политических, экономических и социальных (в том числе и социально-психологических) реалий эпохи перестройки. Метафорическое выражение *машина страха* описывается в Базе данных кортежем денотативных дескрипторов <страх, чувство>, а метафора *национальная квартира* – кортежем дескрипторов <союзная республика, СССР>.

Упорядоченность сигнификативных и денотативных дескрипторов в кортежах отражают парадигматический аспект метафоризации, что естественно для словарной инвентаризации данных. Иными словами, рассмотренные двухэлементные множества кортежей⁸ вместе с функцией отображения представляют собой формализованную "парадигматическую модель метафорической проекции". В обобщенном виде множества кортежей дескрипторов могут быть переоформлены в такой формальной объект, как таблица – что и сделано в [Баранов, Караулов 1991; 1994].

Синтагматически каждый акт отображения – цикл работы функции отображения – может описываться как одна пара, состоящая из сигнификативного и денотативного дескриптора: <сигнификативный дескриптор_x, денотативный дескриптор_y>. "Парадигматическая история" каждого из дескрипторов в этом случае скрыта, но может быть восстановлена при обращении к соответствующей структуре знаний. Для метафорического выражения *машина страха* цикл работы функции отображения описывается парой <машина₁, страх>, а для метафорического выражения *национальная квартира* – кортежем дескрипторов <квартира, союзная республика>. Описанные пары <сигнификативный дескриптор_x, денотативный дескриптор_y> вместе с функцией отображения представляют собой формализованную "синтагматичес-

⁵ Если считать, что в контексте типа (5) отображение ЛИСА(ЖИВОТНЫЕ) → ПОЛИТИК уже не ощущается как часть сложной метафоры, то взаимно-однозначное соответствие сохраняется. Для описания таких случаев применима "ретроспективная модель метафоризации", в которой диахронический аспект отражается с помощью вложенных кортежей. Для рассматриваемого случая это может выглядеть так: <литературный персонаж "Лиса <лиса, человек> Алиса">, ученый-экономист>. См. несколько подробнее ниже.

⁶ В последних версиях разработанного метаязыка практически устранена и синонимия.

⁷ В противоположность дескриптору "машина₂" в значении 'автомобиль'.

⁸ Для комбинаций M-моделей множество может быть более чем двухэлементным – см. ниже.

кую модель метафоризации", а множество таких пар относительно данной М-модели образует то, что можно назвать "реализациями М-модели в дискурсе". В последующем в статье речь идет в основном о синтагматической модели.

Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов и являются "метафорическими моделями" в принятом в данной работе понимании. Например, сигнификативные дескрипторы, описывающие проблемную сферу военных действий, армии, образуют М-модель ВОЙНЫ; дескрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. По таким же основаниям выделяются М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, МЕХАНИЗМА, ОРГАНИЗМА, ПУТИ-ДОРОГИ (как части М-модели ПРОСТРАНСТВА), ПРОСТРАНСТВА (и ДВИЖЕНИЯ как части М-модели ПРОСТРАНСТВА), ПОГОДЫ, ФАУНЫ, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА, МЕДИЦИНЫ, РЕЛИГИИ-МИФОЛОГИИ, ТЕАТРА, ИГРЫ и др. Каждая М-модель описывается иерархически упорядоченными деревьями сигнификативных дескрипторов (такое представление М-моделей принято и в [Баранов, Караулов 1991; 1994]). В описании наиболее частотных метафор русского политического дискурса эпохи перестройки используется порядка пятидесяти М-моделей.

М-модель организована как семантическое дерево сигнификативных дескрипторов, связи между которыми отражаются тем положением, которое занимает дескриптор в дереве. Сигнификативный дескриптор может одновременно входить в несколько деревьев М-моделей, что является аналогом связей между различными М-моделями. Например, дескриптор НЕСВАРЕНИЕ ЖЕЛУДКА одновременно попадает и в дерево М-модели ПИЩА и в дерево БОЛЕЗНЬ (МЕДИЦИНА), а дескриптор БАЦИЛЛА – и в дерево БОЛЕЗНЬ (МЕДИЦИНА) и в дерево ФАУНА.

Из рассмотренных ранее категорий когнитивной теории метафоры наиболее близка по содержанию понятию "метафорической модели" категория "схемы образа" (image schema). Классические схемы образов "вместилище", "путь", "верх-низ", "перед-зад" представляют собой части М-моделей ДВИЖЕНИЯ и ПРОСТРАНСТВА в нашем понимании. Итак, первое различие заключается в том, что схемы образов являются частями соответствующих М-моделей.

Второе различие касается способа представления рассматриваемых категорий как структур знаний. В литературе по метафорике отмечается, что схемы образов когнитивно связаны между собой – в том числе по метафорическим следствиям, но конкретный способ представления этих связей до сих пор не разработан. Между тем очевидно, что если схемы образов являются когнитивными структурами, то есть структурами организации знаний о мире, то им должен соответствовать какой-то единый способ представления. Для декларативных знаний наиболее естественный способ представления – тезаурусный. М-модели органично объединяют многие схемы образов в едином концептуальном поле – семантическом дереве. Например, схемы "верх-низ", "перед-зад" входят в М-модель ПРОСТРАНСТВА-ДВИЖЕНИЯ. Отношения между схемами образов эксплицируются с помощью семантических отношений в дереве соответствующей М-модели. Некоторые М-модели, будучи частями более крупных М-моделей, выделяются в автономные образования. Это чаще всего связано с высокой частотой их употребления в дискурсе. Например, М-модель ПУТИ-ДОРОГИ, хотя она и образует часть М-модели ПРОСТРАНСТВА-ДВИЖЕНИЯ, разумно рассматривать отдельно. Очевидно, что схема образа "путь" близка М-модели ПУТИ-ДОРОГИ, однако схема образа неопределенна по способу представления знаний. В каждом конкретном случае она реализует те свои потенции, те свойства, которые необходимы для профилирования того или иного свойства в отдельно взятой метафорической проекции. М-модель ПУТИ-ДОРОГИ, напротив, является обобщением использования в метафорических осмыслениях соответствующей области источника. Как структура знаний декларативного типа она включает такие иерархически упорядоченные компоненты (узлы дерева), как ПУНКТ ОТПРАВЛЕНИЯ, ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ; виды пути-дороги – БЕЗДОРОЖЬЕ, МАГИСТРАЛЬ, ШОССЕ, ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, ПЕ-

РЕПРАВА, ПЕРЕУЛОК, ТРОПИНКА, УЛИЦА; части пути-дороги – КОЛДОБИНА, МОСТОВАЯ, ОБОЧИНА, ПОВОРОТ, ПОДЪЕМ, ПЕРЕКРЕСТОК, РАЗВИЛКА, УХАБЫ и т.д. В имеющейся практике использования схем образов они не прописываются столь подробно, как декларативные структуры знаний и не формируют цельной картины действительности в модели мира.

Третье различие касается относительной независимости схем образов. Из самой формулировки понятия схемы образа следует, что эти схемы независимы друг от друга и если и образуют группировки в "когнитивных моделях" (см. выше), то применительно к конкретным проблемным ситуациям. Метафорическая модель представляет собой более глобальную по содержанию структуру, связанную с другими М-моделями что отражается и в выбранной форме ее представления – семантическом дереве тезаурусного типа. Практически каждая М-модель характеризуется широкими парадигматическими связями с другими М-моделями. Некоторые М-модели, как уже говорилось ранее, вообще являются частями более глобальных М-моделей. Так ПУТЬ-ДОРОГА – составляющая М-модели ПРОСТРАНСТВА-ДВИЖЕНИЯ, значительная часть дескрипторов М-модели ПРЕСТУПНЫЙ МИР входит в М-модели ПЕРСОНФИКАЦИИ (ср., например, демократия как валютная проститутка, время как вор и пр.), СТРОЕНИЯ (тюрьма как строение) и т.д.

Четвертое различие заключается в том, что М-модель в существенно большей степени связана с языковой формой представления знаний, чем схемы образов. Значительная часть когнитивной структуры схемы образа вообще может не вербализоваться, существуя в виде моторных навыков. В противоположность схемам образов, метафорическая модель в рассматриваемом понимании прямо связана с языковой категоризацией действительности. Иными словами, схема образа в определенном смысле "более когнитивна", чем М-модель. В силу сказанного категория М-модели в большей степени подходит для словарного описания метафорики, позволяя фиксировать так сказать "языковую, регулярную" часть метафорических процессов. В силу названных причин использование понятия М-модели более эффективно и для описания метафорической структуры дискурса.

Имеется и еще одно существенное различие между схемами образов и понятием М-модели. Схема образа как когнитивная структура возникает исключительно на основе физического взаимодействия человека с окружающим миром, это опыт человеческого тела, но не социальный опыт. Другая формулировка противоречила бы тезису об односторонности метафорической проекции (см. выше). Однако, хотя ядро метафорической системы и образуют метафоры, образованные на основе тезиса об "односторонности", огромное количество метафорических выражений ему противоречит. Такие М-модели, как ЛИТЕРАТУРА, МЕДИЦИНА, РЕЛИГИЯ-МИФОЛОГИЯ, ТЕАТР, ИГРА по определению выпадают из ряда схем образов, хотя соответствующие метафоры широко используются. Это еще одна причина, по которой введение категории М-модели в рассматриваемом понимании необходимо для описания метафорики естественного дискурса.

Фокусирование внимания на регулярной составляющей метафорических процессов, возможное благодаря категории М-модели, позволяет охарактеризовать ряд важных свойств метафор в дискурсе, которые ранее не обсуждались в литературе по метафоре. В предложенной интерпретации метафорической проекции области источника на область цели между сигнификативными дескрипторами М-модели и денотативными дескрипторами области цели устанавливаются множественные отображения, характеризующие особенности употребления М-модели в данном типе дискурса. Один из параметров М-модели дает информацию о том, насколько "когнитивно нагруженными" оказываются сигнификативные дескрипторы М-модели. Чем больше сущностей области цели описывает М-модель, тем больше ее потенциал в осмыслении явлений соответствующей проблемной области. Этот параметр можно назвать "денотативным разнообразием" М-модели (Д-разнообразием). Д-разнообразие можно определять количественно, выявляя, сколько прихо-

дится в среднем на один сигнификативный дескриптор различных денотативных дескрипторов в множестве отображений (реализаций) М-модели в дискурсе. При этом количество вхождений одного и того же дескриптора учитывать не следует. Например, по нашим данным, Д-разнообразие М-модели ФАУНЫ – 1.3269, а М-модели МЕХАНИЗМА – 1.904. Это означает, что в политическом дискурсе эпохи перестройки один сигнификативный дескриптор М-модели МЕХАНИЗМА в среднем использовался для описания почти двух различных реалий политической и экономической жизни, а в М-модели ФАУНЫ – фактически только для метафорического осмысления одного явления. Иными словами, М-модель МЕХАНИЗМА обладает большим потенциалом в метафорической интерпретации политических реалий, чем М-модель ФАУНЫ. Следует подчеркнуть, что это Д-разнообразие не обязательно связано с частотой употребления М-модели (хотя в данном случае абсолютная и относительная частота употребления М-модели МЕХАНИЗМА превосходит аналогичные значения М-модели ФАУНЫ)⁹.

Еще один важный параметр, характеризующий М-модель с точки зрения ее отображений в область цели, это "стабильность денотативных отображений" М-модели (Д-стабильность М-модели). Одним из центральных объектов изучения в когнитивной теории метафоры являются концептуальные метафоры, которые определяют способы осмысления человеком действительности в данной культуре. В предлагаемой модели метафоризации концептуальные метафоры представляют собой регулярно воспроизводящиеся в рамках М-модели пары отображений <сигнификативный дескриптор_n, денотативный дескриптор_m>. Чем больше таких стабильных или хотя бы достаточно регулярных пар в М-модели, тем больше ее Д-стабильность. Кроме всего прочего, параметр стабильности денотативных отображений важен при решении вопроса об отнесении М-модели к дискурсивным практикам данного дискурса. Метафорические модели с большей Д-стабильностью с большой вероятностью формируют соответствующие дискурсивные практики.

Для количественной оценки Д-стабильности можно использовать отношение количества неодинокных (повторяющихся) пар отображений вида <сигнификативный дескриптор_n, денотативный дескриптор_m> к общему количеству всех пар отображений – одиночных и неодинокных – обнаруженных в множестве проекций данной М-модели в дискурсе. В этом случае оценка Д-стабильности М-модели будет иметь вид дроби: чем больше значение этой дроби, тем выше Д-стабильность. Если одиночных пар отображений для данной М-модели в материале не обнаруживается в принципе, то количественная оценка Д-стабильности будет равна единице¹⁰. Это, разумеется, гипотетический случай.

⁹ Если избрать обратный путь исследования дискурса – от цели к источнику – и характеризовать деревья денотативных дескрипторов с той точки зрения, насколько разнообразно метафорически осмысляются те или иные фрагменты политической и экономической реальности, то можно ввести в некотором смысле противоположный параметр – "сигнификативное разнообразие" целевой области (С-разнообразие), определяемое как отношение числа различных денотативных дескрипторов в данной целевой области к числу различных сигнификативных. Заметим, что в "Словаре поэтических образов" [Павлович 1999] лексикографически описывается именно сигнификативное разнообразие разных сущностей области цели.

¹⁰ При исследовании метафорики дискурса с точки зрения возможностей метафорического осмысления различных областей источника полезен параметр "сигнификативной стабильности" (С-стабильности) денотативной области. Он определяется как отношение количества повторяющихся пар вида <денотативный дескриптор_m, сигнификативный дескриптор_n> к общему количеству таких пар в метафорических отображениях данной целевой области в различных М-моделях.

Если говорить о М-моделях МЕХАНИЗМА и ФАУНЫ, то количественная оценка Д-стабильности для них оказывается существенно различной. Для М-модели МЕХАНИЗМА она равна 0.544, а для М-модели ФАУНЫ – 0.2972. Это означает, что метафорическая модель МЕХАНИЗМА должна содержать значительно больше стабильных проекций, чем М-модель ФАУНЫ. И действительно, М-модель МЕХАНИЗМА характеризуется целым рядом устойчивых проекций, приближающихся к концептуальным метафорам. К ним относятся, в частности, ВЛАСТЬ – ЭТО РУЛЬ, ВЛАСТЬ – ЭТО РЫЧАГ/РЫЧАГИ, ВЛАСТЬ – ЭТО ШТУРВАЛ, ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО МЕХАНИЗМ, РЫНОК – ЭТО МЕХАНИЗМ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ – ЭТО МАЯТНИК, ИСТОРИЯ – ЭТО ЧАСЫ, ГОСУДАРСТВО – ЭТО МЕХАНИЗМ/МАШИНА, ЧЕЛОВЕК – ЭТО ВИНТИК, КПСС – ЭТО ТОРМОЗ. Для модели ФАУНЫ таких проекций значительно меньше: НАРОДОУЩЕСТВО – ЭТО СТАДО, ЛЮДИ – ЭТО БАРАНЫ, РОССИЯ – ЭТО МЕДВЕДЬ, ПОЛИТИК-СТОРОННИК РАДИКАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ – ЭТО ЯСТРЕБ, МАФИЯ/ПРЕСТУПНОСТЬ – ЭТО СПРУТ. Если денотативное разнообразие характеризует, скорее, потенциал использования М-модели, то Д-стабильность фиксирует уже реальную практику функционирования М-модели в дискурсе.

3. СОЧЕТАЕМОСТЬ М-МОДЕЛЕЙ: ЭЛЕМЕНТЫ ФОРМАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ

Введем некоторые существенные разграничения, относящиеся к формальной стороне сочетающихся М-моделей. Будем называть "метафорическим выражением" то словосочетание, в котором реализуется метафорическая проекция. Именно в этом смысле этот термин уже употреблялся выше. Сочетаемость М-моделей может быть внешней и внутренней. "Внутренняя сочетаемость" относится к тем случаям, когда одно метафорическое выражение является результатом одновременной проекции нескольких М-моделей. Кроме уже рассмотренных выше контекстов (1а,б; 2), внутренняя сочетаемость представлена также в примерах (6а,б)

(6) а. <...> можно так *загнуть клячу истории*, что потом не пересядешь ни на каких рысаков. Ничто не требует такой опаски и благоразумия, как социальная динамика. ("Литературная газета", 02.09.92)

б. Во всех сферах народного хозяйства *властвовал затратный механизм*. (Первый съезд народных депутатов)

В (6а) реализуется комбинация М-моделей ЖИВОТНОЕ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ, а в (6б) – ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и МЕХАНИЗМ.

Если несколько М-моделей в метафорическом выражении относятся к одной сущности из области цели (как, например, в контекстах [6]), то такую внутреннюю сочетаемость можно назвать "денотативно связанной". В предложенной ранее формализованной синтагматической модели метафоризации внутренняя денотативно связанная сочетаемость представляется как кортеж из нескольких сигнификативных дескрипторов, относящихся к одному денотативному дескриптору. Количество сигнификативных дескрипторов зависит от количества соответствующих метафорических моделей. Иными словами, формальный аналог внутренней денотативно связанной сочетаемости М-моделей M_1, \dots, M_n есть кортеж отображений вида <сигнификативный дескриптор $_{M_1}, \dots$, сигнификативный дескриптор $_{M_n}$, денотативный дескриптор $_{\gamma}$ >. Так, примеру с метафорическим выражением *Лиса Алиса* из контекста (5) будет соответствовать следующий кортеж <лиса, литературный персонаж "Лиса Алиса", ученый-экономист>.

В Базе данных и, соответственно, в парадигматической модели метафоризации рассматриваемое выражение описывается как два множества, каждое из которых состоит из двух кортежей. Один кортеж – сигнификативные дескрипторы, внутри упорядоченные по степени абстрактности, и второй кортеж – денотативные дескрипторы, также упорядоченные по степени абстрактности: {<лиса Алиса, персо-

наж, сказка "Буратино", литература, <экономист, экономика>, {<лиса, животное, фауна, анимализация¹¹>, <экономист, экономика>}

При внутренней сочетаемости возможна ситуация, когда М-модели относятся к разным целевым областям, ср. выражения типа *жестokie дети марксизма, аппаратчики и теневики – законные дети неэффективной системы социализма, восточно-европейские государства – блудные дети Европы*. Во всех этих случаях одно метафорическое выражение содержит несколько метафор с разными областями источника и областями цели. Такая внутренняя сочетаемость называется далее "денотативно несвязанной". В синтагматической модели метафоризации выражения описываются двумя (в общем случае – несколькими) кортежами с различными сигнификативными и денотативными дескрипторами: {<дети, коммунисты>, <человек, марксизм>}; {<дети, аппаратчики/теневики>, <человек, система социализма>}; {<дети, восточно-европейские государства>, <человек, Европа>}. Парадигматическая модель метафоризации дает для таких случаев более сложную конструкцию вложенных кортежей.

В дискурсе метафорические выражения могут следовать одно за другим. Если в контексте рядом находятся несколько метафорических проекций, как-то содержательно связанных между собой (о сущности этой связи – см. ниже), то следует говорить о "внешней сочетаемости" М-моделей, ср. (7а, б).

(7) а. Это ржавое колесо огромного механизма российского. Это такой медведь. Ему только надо придать инерцию, а дальше он пойдет уже сам. Вот для того, чтобы придать такую инерцию, я и хочу работать. ("Независимая газета", 19.11.91)

б. Да, История несетя галопом и пьет сарказмом. Да, круто замешенный год, проблемы общества – в судьбах личностей. (С. Кондрашев. "Известия", 02.01.91)

В примере (7а) в первом метафорическом выражении реализуется М-модель МЕХАНИЗМА, а во втором – М-модель ЖИВОТНОГО (ФАУНЫ), причем и первое и второе выражения относятся к одной целевой области "Россия". Пример (7б) также представляет два метафорических выражения с М-моделями ЖИВОТНОГО и ПЕРСОНИФИКАЦИИ, связанными с целевой областью – "история". С когнитивной точки зрения внутренняя и внешняя сочетаемость М-моделей, по-видимому, различаются характером взаимной интегрированности структур знаний, стоящих за метафорами. Степень интегрированности когнитивных структур при внутренней сочетаемости выше, чем при внешней. Можно предположить, что внутренней сочетаемости соответствуют полностью интегрированные фреймы, а внешней – лишь частично (например, по одному из слотов фреймов). Впрочем, проблема интегрированности структур знаний при внешней и внутренней сочетаемости М-моделей требует особого изучения и мы ее здесь касаться не будем.

Внешняя сочетаемость неоднородна. В частности, она включает случаи последовательного использования метафорических выражений различными участниками дискурса, ср. (8):

(8) – Вы конструировали механизм, чтобы получить от него ответ: как быть? – Мы конструировали <...>, если хотите, реторту, где должна произойти реакция, и предусматривали все необходимое, чтобы она произошла, а ответы на вопросы можно получить лишь благодаря реакции. (Е. Яковлев, Г. Явлинский. "Московские новости", 19.05.91)

¹¹ Следует отметить, что по степени абстрактности АНИМАЛИЗАЦИЯ не уступает ФАУНЕ. ФАКТИЧЕСКАЯ АНИМАЛИЗАЦИЯ представляет собой метафорический процесс, связанный с ПЕРСОНИФИКАЦИЕЙ: при ПОВЫШАЮЩЕЙ АНИМАЛИЗАЦИИ неживое интерпретируется как животное (живое), а при ПОНИЖАЮЩЕЙ АНИМАЛИЗАЦИИ человек категоризуется как животное. В последнем случае происходит метафорическая проекция ДЕПЕРСОНИФИКАЦИИ, порождающая совершенно другие метафорические следствия, чем ПЕРСОНИФИКАЦИЯ.

Такую внешнюю сочетаемость можно назвать "диалогической сочетаемостью". Диалогическая сочетаемость М-моделей тесно связана с процессом аргументации, естественного доказательства. Она регулируется правилами иной природы, чем внутренняя сочетаемость и внешняя сочетаемость недиалогического типа. Полемичность ситуации, в которой реализуется диалогическая сочетаемость, изначально предполагает противопоставление М-моделей. Так, в примере (8) метафора МЕХАНИЗМА и ХИМИЧЕСКАЯ метафора противопоставлены по своим следствиям. Если метафора МЕХАНИЗМА позволяет говорящему профилировать идею предсказуемости результатов работы механического устройства, то в ответной реплике Явлинского метафора ХИМИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ, напротив, высвечивает следствие неполной предсказуемости ситуации, ее неконтролируемости, а также неопределенности действующих экономических законов. К диалогической сочетаемости можно отнести также случаи внутреннего спора с самим собой или с воображаемым собеседником, ср. (9а,б):

(9) а. Львиная доля ВВП производится в крупных корпорациях, управляемых администраторами, прошедшими длительный путь восхождения с низших ступеней корпоративной иерархии до самого верха. Эти люди чувствуют себя *не пиратами в бурном море стихийного рынка, а элементами отлаженного механизма*. ("Московские новости", 01.12.91)

б. Но при этом стороны чудовищно не верят и ненавидят друг друга. Значит, нужна нейтральная полоса. Ею и стала биржа. Ведь по своей сути она *не механизм рынка*, как считают многие, а только *площадка для игры по честным правилам*. ("Московские новости", 15.09.91)

В примере (9а) метафоры ПИРАТСТВА и МЕХАНИЗМА явно противопоставляются по следствиям, а в (9б) метафоры МЕХАНИЗМА и ПЛОЩАДКИ (ПРОСТРАНСТВА) эксплицитно подаются в контексте спора. Из-за конфликтности диалогической сочетаемости она в данной работе не рассматривается. Прагматический контекст спора, дискуссии существенно меняет обычные правила взаимодействия метафорических проекций¹².

Обсуждавшиеся примеры внешней сочетаемости М-моделей объединяет одно общее свойство: сочетания дескрипторов М-моделей проецируются на одно явление в области цели, иными словами, сигнификативные дескрипторы М-моделей относятся к одному денотативному дескриптору. Такую внешнюю сочетаемость можно назвать "денотативно связанной". Возможны, однако, комбинации нескольких метафорических выражений, которые денотативно не связаны, но при этом вместе формируют некоторый общий концептуальный образ единой ситуации. Последнее и позволяет рассматривать такие выражения как случай сочетаемости М-моделей, ср. (10а,б):

(10) а. Бакатин не рисовался – ему эта черта характера в принципе не свойственна, наоборот, он порой к себе беспощаден, "раздевается" – прямо *мишень для акул пера*". Лишней добродетели ему тоже по доброте душевной не припишешь, тут же тактично обрывает: нет, все проще, я не такой. ("РТ", 08.06.91)

б. Эта тенденция вдвойне опасна, ибо развивается она на фоне действительно кисельной законодательной власти и активизации *"ястребов"*, которые пошли в атаку на "демократическую шушеру", что видно невооруженным глазом. ("Россия", № 8, 07.02.91)

В (10а) представлены два метафорических выражения – *акулы пера* и *мишень*. Первая метафора отсылает к М-модели ФАУНЫ, а вторая – к М-модели ВОЙНЫ, причем разным сигнификативным дескрипторам соответствуют различные денотатив-

¹² Специфические закономерности "диалогического" использования метафор в политическом дискурсе рассматриваются в [Chilton, Ilyin 1993]. Там этот аспект использования метафоры назван "интерактивным".

ные дескрипторы – "журналисты" и "критикуемый". Однако оба метафорических выражения оказываются связаны через следствия "агентивности" ("акулы агрессивны и, следовательно, выступают в роли действующего субъекта") и "пациенсности" ("мишени подвергаются воздействию выстрела и, следовательно, выступают в роли сущности, испытывающей воздействие"). Благодаря этим следствиям и возникает образ – относительно единая когнитивная структура, формирующаяся из источниковых фреймов "акулы" и "мишени". Близкая ситуация и в примере (10б). Контексты типа (10а,б) мы будем далее называть "внешней денотативно несвязанной сочетаемостью" М-моделей.

В предложенной формализованной модели метафоризации внешняя сочетаемость отражается в виде двух или более кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, причем в денотативно связанной сочетаемости денотативные дескрипторы кортежей идентичны.

В обобщенном виде формальная типология сочетаемости М-моделей представлена на схеме 1.

Схема 1



4. СОЧЕТАЕМОСТЬ М-МОДЕЛИ МЕХАНИЗМА С ДРУГИМИ М-МОДЕЛЯМИ

Обратимся к конкретному материалу политического дискурса эпохи перестройки. Как уже отмечалось, порядка 15% всех реализаций М-модели МЕХАНИЗМА в дискурсе приходится на совместную сочетаемость (59 употреблений из 394). В табл. 1 приведена статистическая информация по всем обнаруженным случаям сочетаемости.

Одиночные контексты сочетаемости представлены М-моделями БОЛЕЗНИ, ИНСТРУМЕНТА, МИРАЖА, ПОГОДЫ, ПРИРОДЫ, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА, РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. Из Таблицы 1 видно, что наиболее продуктивную сочетаемость М-модель МЕХАНИЗМА обнаруживает с М-моделями ПЕРСОНИФИКАЦИИ и ОРГАНИЗМА. Следует отметить, что частота сочетаемости с М-моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ даже несколько выше, поскольку в тех случаях, когда неживое осмысливается как живое, М-модель

**Сочетаемость М-модели МЕХАНИЗМА
в политическом дискурсе эпохи перестройки**

| М-модель | Количество контекстов |
|----------------------------|-----------------------|
| ПЕРСОНИФИКАЦИЯ | 17 |
| ОРГАНИЗМ | 14 |
| СТРОЕНИЕ | 6 |
| ДВИЖЕНИЕ | 5 |
| ПРОСТРАНСТВО ¹³ | 3 |
| ФАУНА | 3 |
| ВОЙНА | 2 |
| ПУТЬ ¹⁴ | 2 |

ОРГАНИЗМА также может считаться некоторой начальной "ступенью" ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

С точки зрения формы сочетания М-модели МЕХАНИЗМА с моделью ПЕРСОНИФИКАЦИИ преимущественно относятся к внутренней сочетаемости (денотативно связанной и несвязанной):

(11) а. И выбросила *машина* писателя с родной земли подальше, в USA, в штат Вермонт. "Да ты что, *машина!* – кричали ей – это же метафора, литература, стилизация, сатира, гротеск, особенность дарования, это ценность". "Знаю, знаю, – бурчала *машина*, перемалывая кости писателя. – *Чай, не он первый, не он последний ..*" ("Огонек", № 41, 06.10.90)

б. Опора на все слои трудящихся неизбежно вызовет мощный крен в сторону уравнительности, заставит забыть о социальной защите как таковой, без *учета интересов рыночного механизма*. ("Огонек", 01.12.90)

К внешней сочетаемости можно отнести примеры (12) и (13):

(12) Экономические "проекты века" эпохи перестройки проваливались один за другим (в отличие от авторов). "*Отцы*" же оставались у руля. Рыжков, Аганбегян, Абалкин – где трагизм, а где и не по силам ноша. Бросить? Ну уж нет ("Российская газета", 24.11.90)

(13) *Военно-промышленный комплекс пожирал* огромные средства, это ясно – чуть ли не половина бюджета туда идет. Но и там не все однозначно. Многие военно-промышленные предприятия готовы развивать мирные отрасли. Хотя *гигантский маховик, запущенный* после двух мировых войн, приостановить очень сложно. ("Российская газета", 05.05.91)

Большая часть контекстов сочетаемости М-модели МЕХАНИЗМА с М-моделью ОРГАНИЗМА также приходится на внутреннюю сочетаемость, ср. (14а, б):

(14) а. А теперь о последовательности шагов по стабилизации экономики и переходу к рынку. Полагаю, всем понятно: для *становления полнокровного рыночного механизма потребуется целый ряд лет*. (М.С. Горбачев. "Известия", 20.10.90)

б <...> медленно и болезненно происходит *отслоение партийной кожи с государственных механизмов*. (Л. Шевцова. "Известия", 17.09.90)

¹³ М-модель движения семантически образует часть М-модели ПРОСТРАНСТВА. В таблице они разделены для целей наглядности подачи материала

¹⁴ В разработанном метаязыке М-модель пути рассматривается автономно, но содержит парадигматические отсылки к М-модели ПРОСТРАНСТВА и ДВИЖЕНИЯ

Однако имеются и примеры внешней сочетаемости (как денотативно связанной – 15а, так и денотативно несвязанной – 15б):

(15) а. Берия имел идеально отлаженную *машину МГБ* и *военно-промышленного комплекса*. Ясно, что сегодня *разложение коснулось и этих структур*. ("Горизонт", 01.08.91)

б. Самая страшная ошибка была совершена не в 1929 году, когда началась коллективизация, и не в 1937 году, когда *железный каток сталинизма проехал по хребту народа*, а в 1918-м, когда было разогнано Учредительное собрание, а затем разрушена хоть хрупкая, но все же двухпартийная социалистическая система. ("Независимая газета", 01.08.91)

Анализ контекстов наиболее продуктивной сочетаемости М-модели МЕХАНИЗМА показывает, что с содержательной точки зрения выделяются два основных типа сочетаемости, в каком-то смысле аналогичные семантической и лексической сочетаемости лексем. Первый тип – это "когнитивно-семантическая" сочетаемость. Она реализуется в тех случаях, когда между двумя М-моделями, точнее между стоящими за ними фреймами, устанавливаются семантические связи на уровне следствий. Сюда относятся прежде всего случаи денотативно-несвязанной внешней сочетаемости. Действительно, если в одном высказывании обнаруживаются две или более рядом стоящие метафорические проекции, отличающиеся не только сигнификативными, но и денотативными дескрипторами, то единственное основание их появления в дискурсе – это связь между соответствующими им фреймами на уровне метафорических следствий. Таковы уже разобранные контексты (10а, б). К когнитивно-семантической сочетаемости относится также пример (12) и пример (15б). В (12) фреймы, стоящие за метафорическими выражениями *отцы* и *руль*, связываются по метафорическому следствию "наличие функции управления", а в (15б) "движение катка по хребту" мотивировано идеей "болезненности", порождаемой семантическим следствием из метафоры КАТКА "тяжесть" и семантическим следствием из метафоры ХРЕБТА "уязвимость". Идея "болезненности" может мотивироваться и другим следствием из обсуждаемой метафоры: "каток выравнивает неровности, в том числе и неровности хребта, что порождает боль". Когнитивно-семантическая сочетаемость реализуется либо через близкие по концептуальному содержанию слоты фрейма (как в 10а, б и 11), либо через слоты, концептуальное содержание которых различно, но как бы дополняет друг друга – (15б).

В принципе когнитивно-семантическая сочетаемость реализуется также и во внутренней денотативно несвязанной сочетаемости. Так, метафоры в примерах типа *аппаратчики* и *теневики* – *законные дети неэффективной системы социализма* связаны по метафорическим следствиям: нечто вроде "если система социализма – это человек, то он может иметь детей, в качестве которых выступают аппаратчики и теневики". Интересно, что примеров внутренней денотативно несвязанной сочетаемости в корпусе контекстов М-модели МЕХАНИЗМА сравнительно немного. Приводимые примеры обнаружили в контекстах употребления М-модели РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (3 примера на 225 реализаций М-модели). Два обнаруженных контекста в М-модели МЕХАНИЗМА (*отслоение партийной кожи с государственных механизмов* и *рычаги преодоления паралича власти*) с содержательной точки зрения реализуют другой тип сочетаемости (см. ниже).

Другие два формальных типа сочетаемости – внутренняя денотативно связанная и внешняя денотативно-связанная – в М-модели МЕХАНИЗМА демонстрируют с содержательной стороны совершенно иной тип сочетаемости, который мотивируется не семантическими (концептуальными) связями между когнитивными структурами, а онтологией, устройством мира и в силу этого его можно назвать "онтологической сочетаемостью" М-моделей. В контекстах (12а, б), (13), (14а, б), (15а) трудно найти разумное семантическое следствие, которое связывало бы соответствующие когнитивные структуры МЕХАНИЗМА, с одной стороны, и ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ОРГАНИЗМА – с другой. Так, метафорические выражения "Знаю, знаю", – бур-

чала машина или учет интересов рыночного механизма внутренне противоречивы. М-модель МЕХАНИЗМА противопоставлена М-модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ (и ОРГАНИЗМА тоже) по метафорическим следствиям. Между тем они легко сочетаются в политическом дискурсе (и не только политическом) – машина в современной системе метафоры русского языка может бурчать, иметь интересы и т.п. Трудно назвать это случайностью, поскольку примеры такого рода составляют значительную часть реализаций М-модели МЕХАНИЗМА в дискурсе.

Онтологическая сочетаемость необъяснима или плохо объяснима, если исходить из чисто семантических и когнитивных закономерностей. Однако известно, что первые механизмы создавались по образцу и подобию людей, они моделировали те или иные функции человека – способность передвигаться, делать какую-то работу (пусть простую и однообразную), исполнять музыкальные произведения (например, шарманки являются весьма сложно устроенными механизмами). Технический прогресс добавлял все больше и больше человеческих свойств механизмам – вплоть до способности к мышлению [Mumford 1966]. Именно это и лежит в основе сочетаемости М-модели МЕХАНИЗМА с М-моделями ПЕРСОНИФИКАЦИИ и ОРГАНИЗМА в примерах типа (12а, б), (13), (14а, б), (15а)¹⁵. Иными словами, онтологическая сочетаемость необъяснима, если исходить из чисто семантических закономерностей или из особенностей устройства структур знаний, тесно связанных с функционированием языка. Аналогично лексическую сочетаемость лексем нельзя объяснить на основании их толкования. Онтологическая сочетаемость – аналог лексической на уровне метафор. Впрочем, онтологическая сочетаемость отличается от лексической тем, что лексическая вообще необъяснима, а для онтологической иногда могут быть найдены объяснения, правда, за пределами собственно лингвистического знания и даже экстралингвистического знания, непосредственно мотивирующего семантические связи в тексте.

Таким образом, онтологическая сочетаемость и когнитивно-семантическая сочетаемость являются содержательными типами сочетаемости. Особо стоит вопрос о связи содержательной сочетаемости (онтологической и когнитивно-семантической) с формальными типами сочетаемости М-моделей – внутренней сочетаемостью и внешней денотативно связанной сочетаемостью. Анализ реализаций М-модели МЕХАНИЗМА позволяет выявить здесь определенные тенденции, ср. табл. 2.

Таблица 2 определенно указывает на связь между внешней денотативно-несвязанной сочетаемостью и когнитивно-семантической сочетаемостью, с одной стороны, и на связь внешней денотативно связанной сочетаемости и внутренней денотативно связанной сочетаемости с онтологической сочетаемостью¹⁶. Причины этого достаточно очевидны: когнитивно-семантическая сочетаемость в определенном смысле более прозрачна, поэтому метафорические выражения, объединяемые в единые когнитивные структуры, в тексте могут быть довольно автономны. Онтологическая

¹⁵ Альтернативный вариант объяснения онтологической сочетаемости – считать, что это случаи вторичной метафоризации: механизм вторично переосмысливается как лицо, персона. В предложенной формализованной модели метафоризации этому бы соответствовала структура из вложенных друг в друга кортежей. В этом случае можно говорить о "ретроспективной модели метафоризации". Однако это не снимает самой проблемы сочетаемости М-моделей. Заметим, что и само содержание онтологической сочетаемости может быть существенно различным – см. ниже обсуждение сочетаемости М-модели ФАУНЫ. Кроме того, такой вариант объяснения подходит только для случаев со "стертой" или почти "стертой" вторично метафоризируемой метафорой. Если обе метафоры живы – как например, в выражении *могучий и мудрый народный фильтр* (о выборах) – то говорить о первичности или вторичности метафорической проекции довольно трудно, разве только в смысле последовательности порождения синтаксической структуры.

¹⁶ Говорить о каких-то закономерностях в отношении внутренней денотативно несвязанной сочетаемости трудно из-за незначительного количества данных.

**Частота связей между формальными и содержательными типами
сочетаемости М-моделей на примере М-модели МЕХАНИЗМА**

| | Онтологическая сочетаемость | Когнитивно- семантическая сочетаемость |
|---|--------------------------------|--|
| Внешняя денотативно-несвязанная сочетаемость | 2 | 16 |
| Внешняя денотативно-связанная сочетаемость | 14 | 1 |
| Внутренняя денотативно связанная сочетаемость | 22 | 2 |
| Внутренняя денотативно несвязанная сочетаемость | 2 | 0 |

сочетаемость плохо мотивирована на уровне сознания и поэтому требует чисто формальной поддержки – реализации нескольких М-моделей либо в одном метафорическом выражении, либо в двух метафорических выражениях, имеющих идентичный денотативный дескриптор.

Поскольку речь идет о тенденциях, то отклонения, разумеется, в материале имеются. Например, внешняя денотативно-несвязанная сочетаемость может реализовать и онтологическую сочетаемость, ср. (16):

(16) Умными, занявшими ум на стороне, реформаторами была выработана блестящая формула: "демократизация – гласность". Это рабочий термин, который родился в тайных лабораториях власти и, выпорхнув на брифинге или в программной статье, стал эмблемой, фирменным знаком перестройки. За этим термином скрывается мощный *социальный двигатель*, сконструированный инженерами перестройки и *внедренный в наш рыхлый малоподвижный социум*. (А. Проханов. "Наш современник", 01.09.90)

Словосочетание *рыхлый малоподвижный социум* воспринимается как метафора ОРГАНИЗМА, при этом в организм внедряется *социальный двигатель*. Сущности в области цели у данных метафорических проекций различны: в первом случае – "демократизация – гласность", а во втором – "общество". Иными словами, с формальной точки зрения перед нами внешняя денотативно-несвязанная сочетаемость, однако с содержательной – онтологическая сочетаемость¹⁷. Следует отметить, что приведенный контекст явно не относится к числу удачных стилистических находок и воспринимается как не вполне удачная фраза. Это связано с тем, что онтологическая сочетаемость не подкреплена должным образом с точки зрения формального устройства. Впрочем, здесь возможны и более удачные примеры, ср. вполне нормальный случай сочетаемости М-модели СТРОЕНИЯ (АРХИТЕКТУРЫ) и М-модели МЕХАНИЗМА:

(17) <...> есть общественный строй, созданный для человека, и есть общественный строй, который государство строит с утра до ночи, а человек – *только "колесико" и "винтик" в этом строительстве...* ("Независимая газета", 08.08.91).

Ничему, в принципе, не противоречит внутренняя денотативно связанная сочетаемость, реализующая с содержательной стороны когнитивно-семантическую сочетаемость, ср. контексты типа *колесо репрессий покатилося и использовать механизмы мира и согласия в качестве дубинок*. В первом случае метафорические выражения с М-моделями МЕХАНИЗМА и ПРОСТРАНСТВА связаны по следствию "движение

¹⁷ Прилагательное *рыхлый* в метафорическом выражении *рыхлый малоподвижный социум* может интерпретироваться также как метафора ГРУНТА, ПОЧВЫ. Однако и в этом случае идея "органистичности" остается в прилагательном *малоподвижный* и в персонификации социума до ступени "существа, обладающего способностью к движению".

механизма происходит в пространстве", а во втором – М-модели МЕХАНИЗМА, ОРУЖИЯ И ОБЪЕКТА-ПРЕДМЕТА связаны по следствию "механизм, оружие и предмет-объект имеют свойство предметности". Иными словами, меньшая частота таких случаев связана не с запретом как таковым, а с тем, что соответствующее место в системе способов выражения уже занято онтологической сочетаемостью. Как уже отмечалось, в пользу онтологической сочетаемости говорят и чисто структурные факторы: поскольку онтологическая сочетаемость плохо мотивирована, совмещение двух метафорических проекций в одном метафорическом выражении часто оказывается единственным формальным способом указать на их связь.

Не вполне ясна ситуация с внутренней денотативно несвязанной сочетаемостью. В контекстах реализации М-модели МЕХАНИЗМА этот формальный тип сочетаемости содержательно реализует онтологическую сочетаемость, ср. *отслоение партийной кожи с государственных механизмов* (пример 2) и *рычаги преодоления паралича власти*. В первом случае это комбинация М-моделей ОРГАНИЗМА и МЕХАНИЗМА, а во втором – МЕХАНИЗМА и ОРГАНИЗМА/БОЛЕЗНИ. Понятно, что это чисто онтологическая сочетаемость, необъяснимая с точки зрения метафорических следствий. Однако в примерах корпуса М-модели РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ соответствующий формальный тип сочетаемости реализует когнитивно-семантическую сочетаемость: *аппаратчики и теневики – законные дети неэффективной системы социализма*. См. по этому поводу выше. Недостаточность статистики такой комбинаторики М-моделей не позволяет сделать каких бы то ни было выводов относительно зависимости внутренней денотативно несвязанной сочетаемости от содержательных типов сочетаемости – онтологической и когнитивно-семантической.

В исследованном корпусе примеров обнаружился один контекст использования внешней денотативно-связанной сочетаемости, содержательно реализующей когнитивно-семантическую сочетаемость. Ср. (18):

(18) Пионерская организация сегодня *недобрая*. Взрослые превратили ее в *кнут*, в *приводной ремень*. ("Московский комсомолец", 21.09.90)

В контексте (18) реализуется одновременно три М-модели, по-разному метафорически осмысляющие пионерскую организацию. Сначала пионерская организация персонифицируется (*недобрая*), затем осмысляется как инструмент (*кнут*) и далее метафорически интерпретируется как часть механизма (*приводной ремень*). Сочетаемость ИНСТРУМЕНТ-ЧАСТЬ МЕХАНИЗМА поддерживается общим следствием из метафор КНУТА и ПРИВОДНОГО РЕМНЯ: и кнут, и приводной ремень используются для передачи материальных или ментальных стимулов, исходящих от одной сущности, к другой.

Если обратиться к соотношению между содержательными типами сочетаемости М-моделей и самими комбинациями МЕХАНИЗМА с другими М-моделями, то комбинации МЕХАНИЗМА и ПЕРСОНИФИКАЦИИ, МЕХАНИЗМА и ОРГАНИЗМА в подавляющем большинстве случаев реализуют онтологическую сочетаемость. Это объясняется тем, что с когнитивной точки зрения эти модели противопоставлены по метафорическим следствиям, следовательно когнитивно-семантическая сочетаемость, требующая объединения когнитивных структур на основе семантических следствий, если не невозможно в данном случае в принципе, то существенно затруднена. По аналогичным причинам онтологическая сочетаемость реализуется и в сочетаниях МЕХАНИЗМА с М-моделью ФАУНЫ, представленной в материале подтаксоном ФАУНЫ – ЖИВОТНОЕ, ср. (7а), а также с М-моделями БОЛЕЗНИ (*невинные жертвы дуновения*¹⁸ *чумы, прокатившегося по России "красного колеса"*¹⁹), РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА (*бесплодный рычаг Системы спас демократию*), ПРИРОДЫ (*хозяйственный механизм, имеющий рыночную природу*). При этом единственный пример одновремен-

¹⁸ Здесь, разумеется, представлена также М-модель ВЕТРА (шире – ПОГОДЫ) и ЛИТЕРАТУРЫ.

¹⁹ В данном контексте реализуется еще и М-модель ЛИТЕРАТУРЫ.

ной реализации МЕХАНИЗМА с М-моделью РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ представляет когнитивно-семантическую сочетаемость, ср. (12).

Несколько более сложный случай – комбинация МЕХАНИЗМ и СТРОЕНИЕ, ср., например, (19а, б):

(19) а. Известно, что тоталитаризм приводит к вырождению управленческого блока. Атмосфера террора, так сказать, жизненный тонус режима, обеспечивается постоянной сменой кадров (ротацией), захватывающей *все этажи административной машины*. ("Независимая газета", 11.09.91)

б. <...> тамошние диктаторы обороняли рыночную экономику от наскоков коммунистов <...>, потому и добились в конце концов экономического процветания для своих стран. А наши-то что и от кого защищать будут? *Жалкие руины командно-административной системы?* Так ведь она никогда уже не заработает даже на прежних ленивых оборотах, хоть защищай ты ее, хоть не защищай. ("Литературная газета", 05.06.91)

Примеры сочетающихся метафорических проекций в (19а, б) не воспринимаются как абсолютно нормальные. В них есть что-то, что обескураживает читателя, хотя на общем фоне политической метафорики периода перестройки эти контексты вызывают уже меньше протеста. Обескураживающий момент объясняется тем, что когнитивно-семантическая сочетаемость и тем более онтологическая сочетаемость и в данном случае оказываются не вполне достаточным основанием комбинации М-моделей. Когнитивно-семантическая сочетаемость никак не поддержана в контекстах соответствующими следствиями. Что касается онтологической сочетаемости, то в действительности бывают такие механизмы, которые столь огромны, что приближаются к строениям – имеют этажи, обнесены строительными конструкциями и пр. Однако такие механизмы явно периферийны, это не категории "базового уровня". Отсюда и некоторая неудовлетворительность приведенных контекстов. Ср., впрочем, приводившийся ранее более удачный пример (17). В любом случае примеры такого типа имеют смысл отнести к случаям онтологической сочетаемости.

Комбинаторика МЕХАНИЗМА с М-моделями ПРОСТРАНСТВА и ДВИЖЕНИЯ реализует, преимущественно, когнитивно-семантическую сочетаемость. Это объясняется очевидным семантическим следствием, связывающим эти М-модели: "работа, функционирование механизма происходит в пространстве и часто сопровождается движением, особенно если механизм является частью транспортного средства". Ср. (20а, б):

(20) а. *Политическое "колесо" государственной машины стремительно уходит вперед*, но "квадратное" колесо экономики так и не удалось вытащить из болота застоя. Такой разрыв политических и экономических процессов поставил страну на край катастрофы. ("Известия", 01.01.91)

б. Можно дать *простор* действию экономических рычагов. (Первый съезд народных депутатов)

В примере (20а) М-модель МЕХАНИЗМА сочетается с М-моделью ДВИЖЕНИЯ. Поскольку колесо – как механизм или его часть – связано с движением, то налицо когнитивно-семантическая сочетаемость. Аналогично работа рычагов требует определенного пространства, что мотивирует сочетаемость М-моделей МЕХАНИЗМА и ПРОСТРАНСТВА в (20б). Поскольку М-модель ПУТИ концептуально тесно связана и с идеей движения и с идеей пространства, то, сочетаясь с МЕХАНИЗМОМ, она тоже реализует когнитивно-семантическую сочетаемость, ср. (21):

(21) Как мы поступали первое время? Просто *монтировали новые механизмы* в существующую систему. Теперь надо там *развернуть эти механизмы, уравновесить их*, чтобы не погубить саму демократию. Ибо она уже сейчас *сопровождается выбросами, выхлопами*. Но нам не надо *отказываться от этого пути*. ("Советская Россия", 19.12.90)

В примере (21) ситуация усложнена тем, что, кроме названных М-моделей, в контексте присутствует еще одно метафорическое выражение *она уже сейчас сопровождается выбросами, выхлопами*, которое можно интерпретировать как результа-

ты функционирования либо просто механизма, либо – что вероятнее – автомобиля. Тогда цепочка когнитивно-семантических связей между М-моделями МЕХАНИЗМ – АВТОМОБИЛЬ – ПУТЬ оказывается абсолютно прозрачной.

Комбинации МЕХАНИЗМА с моделью ВОЙНЫ представлены в материале когнитивно-семантической сочетаемостью, основанной на метафорическом следствии "механизм и оружие обладают свойством предметности": *использовать как дубинки законы – эти механизмы мира и согласия*.

Прочие одиночные контексты реализуют когнитивно-семантическую сочетаемость: МЕХАНИЗМ и ИНСТРУМЕНТ – см. (18), МЕХАНИЗМ, МИРАЖ и СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО (22а), МЕХАНИЗМ и ПОГОДА (22б):

(22) а. Необходимо отдавать себе отчет в том, что если империя была действительно выстроена русскими для себя, то СССР был *големом, роботом*, созданным коммунистами в собственных целях и специально камуфлирован в наследника Российской империи. И *мираж* этот был трагическим образом принят за правду многими. ("Литературная газета", 11.09.91)

б. Я затрону ту часть вопроса, которая касается *штурвала*. Знаете, я соглашусь с вами в том, что мы, конечно, прокладываем курс нашему перестроенному кораблю в сложной *погодной, морской ситуации – штормит, не все видно, туманы*. (М.С. Горбачев. "Известия", 08.05.91)

Комбинация МЕХАНИЗМ-МИРАЖ-СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО поддержана в (22а) метафорическим следствием "нереальное, ненастоящее": работа нельзя рассматривать как настоящего человека, голем также порождает идею нереального. Аналогичным свойством обладает и М-модель МИРАЖА. В (22б) структура сочетающихся М-моделей усложнена. Здесь элемент области источника "штурвал" оказывается частью транспортного средства ("корабля"), плывущего в сложных погодных условиях. Это типичный случай когнитивно-семантической сочетаемости.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отметим в заключение три важных момента. Онтологическая сочетаемость, разумеется, не сводится только к комбинациям М-модели МЕХАНИЗМА с ПЕРСОНИФИКАЦИЕЙ и ОРГАНИЗМОМ (и аналогичными по свойствам М-моделями ЖИВОТНОГО, РАСТЕНИЯ-ДЕРЕВА и т.п.). Каждая метафорическая модель привносит в сферу онтологической сочетаемости что-то свое. Например, М-модель ЖИВОТНОГО (ФАУНЫ) обнаруживает широкую сочетаемость с М-моделью ЛИТЕРАТУРЫ. Из 64 случаев сочетаемости М-модели ФАУНЫ с другими М-моделями на долю сочетаемости с М-моделью ЛИТЕРАТУРЫ приходится 25 контекстов, то есть порядка 40%. Когнитивно-семантическое обоснование таких случаев весьма затруднено, ср. примеры типа *медведь-воевода, от которого все ждали злодеяний, а он чирика съел; Запад мог бы сыграть роль мышки, которая поможет бабке, дедке, внучке; киплингская обезьяна, наблюдающая со своей безопасной ветки за дракой двух тигров*. Сама по себе метафорическая проекция ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА в целевую сферу политики (политических субъектов) интерпретируется довольно легко, однако во всех случаях она реализуется в паре с соответствующим сигнификативным дескриптором из М-модели ЖИВОТНОГО. Когнитивно-семантическое обоснование такой сочетаемости чаще всего затруднено. Например, в случае *медведя-воеводы* профилируемое качество "склонности к злодеяниям" свойственно именно литературному персонажу, а не соответствующему элементу области ЖИВОТНЫХ. Скорее уж медведь-животное дает возможность профилировать свойства "неповоротливости", "медлительности", "большой массы"²⁰. Таким образом, данная сочетаемость М-моделей также относит-

²⁰ Речь идет именно о наивных представлениях о животном "медведь". Известно, что реальные медведи очень ловкие и быстрые животные.

ся к онтологической, единственное ее обоснование сам факт присутствия животного в мире литературного произведения²¹. "Цитирование" метафоры ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРСОНАЖА в политическом дискурсе переносит в сферу онтологии источник исходной, первоначальной метафорической проекции.

Второе соображение касается онтологической сочетаемости. Похоже, что она чаще проявляется в тех случаях, когда одна из метафорических проекций оказывается совершенно стертой, "мертвой" метафорой. Подчеркнем, что это не всегда так и часто обе метафоры ощущаются как вполне живые. Однако для случаев комбинации живой и мертвой метафорической проекции можно использовать "ретроспективную модель метафоризации" с вложенными кортежами. Количество вложений будет соответствовать количеству повторных метафоризаций. Важно иметь в виду, однако, что в этих случаях причина может смешиваться со следствием. Дело в том, что онтологическая сочетаемость семантически, на уровне сознания немотивирована, следовательно "стирание" одной из метафор – естественный и необходимый процесс, снимающий семантическую и когнитивную "неконгруентность" результирующих выражений. Ср. характерный случай сочетаемости с метафорой АППАРАТА: *На этом и хотят сыграть, как мне представляется, те, кто спекулируя на популярности перестройки, хотел бы за наш счет сохранить еще на неопределенный срок командно-приказные методы управления экономикой и хотя бы немного, но дать еще поцарствовать разросшемуся, как саркома, бюрократическому аппарату.* (А. Нуйкин. "Мы и они", 01.10.89). В последнем случае выражение *аппарат* содержит уже стертую метафору МЕХАНИЗМА. Это поддерживается еще и тем, что слово *аппарат* в этом значении не имеет однословных альтернативных способов номинации. Следовательно, в терминах синтагматической модели метафоризации рассматриваемое метафорическое выражение было бы описано как <царь, саркома, аппарат>. В ретроспективной модели метафоризации денотативный дескриптор "аппарат" был бы переинтерпретирован как метафора: <царь, саркома, аппарат< аппарат, административно-командная система>>. Отсюда следует, что онтологическая сочетаемость имеет как синхронный, так и диахронический аспект.

Третье заключительное соображение относится к стилистическим кунштюткам довольно странных сочетаний М-моделей, в изобилии порождавшихся в политическом дискурсе эпохи перестройки. Как кажется, дело здесь не в потере стилистического вкуса или неряшливости формы выражения мысли. Как уже было показано, политические метафоры с когнитивной точки зрения представляют собой средство осмысления кризисной ситуации и инструмент, позволяющий строить множество альтернатив для решения проблемы. Отсюда возрастание относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе в период общественно-политических кризисов [Баранов 2000; Christ'l de Landsheer 1991]. Широкое использование комбинаций М-моделей в дискурсе сопровождается увеличением частоты политической метафорики. Это дополнительная возможность расшатывания стандартных рамок осмысления действительности, фиксированных в структурах знаний, которые уже могут не отвечать новым реалиям. Комбинаторика М-моделей в речи – это способ самонастраивания когнитивной системы и попытка борьбы с ритуализацией ее собственного мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2000 – А.Н.Баранов. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации // Sprachwandel in der Slavia. Tl 1. Frankfurt-am-Main, 2000.

²¹ Приписывание интеллектуальных характеристик животному может рассматриваться как одна из ступеней метафорической проекции ПЕРСОНИФИКАЦИИ.

- Баранов 2001 – *А.Н.Баранов*. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафоры) // Международный семинар "Диалог-2001". М., 2001.
- Баранов 1991 – *А.Н.Баранов*. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов, Добровольский 1991 – *А.Н.Баранов, Д.О. Добровольский*. Типология формальных операций при порождении актуального значения идиомы // *Linguistische Arbeitsberichte* 75. Leipzig: Institut für Linguistik der Universität Leipzig, 2000.
- Баранов, Караулов 1991 – *А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов*. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
- Баранов, Караулов 1994 – *А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов*. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Павлович 1999 – *Н.В. Павлович*. Словарь поэтических образов. Т. 1, 2. М., 1999.
- Baranov, Dobrovolskij 1996 – *A.N.Baranov, D.O.Dobrovolskij*. Cognitive modeling of actual meaning in the field of phraseology // *Journal of pragmatics*. 25. 1996.
- Chilton, Ilyin 1993 – *P.Chilton, M.Ilyin*. Metaphor in political discourse: the case of the 'common European house' // *Discourse and society*. V. 4(1). 1993.
- Christ'l de Landtsheer 1991 – *Christ'l de Landtsheer*. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // *Communication and cognition*. 1991. V. 24. № 3 / 4.
- Lakoff 1987 – *G.Lakoff*. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
- Lakoff 1990 – *G.Lakoff*. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive linguistics*. 1990. № 1.
- Lakoff 1993 – *G.Lakoff*. The contemporary theory of metaphor // *Metaphor and thought* / Ed. by A. Ortony. Cambridge, 1993.
- Mumford 1966 – *L.Mumford*. The myth of the machine. Technics and human development. New York, 1966.

© 2003 г. В.Ф. ВЫДРИН

ТОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВ МАНДЕ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Сегодня вряд ли нужно кого-то убеждать в том, что просодия – интегральная часть языковой системы, заслуживающая не меньшего внимания, чем сегментная фонетика и фонология. Однако на практике у специалистов по языкам различных регионов тут наблюдаются разные подходы. Если в изучении тональных языков Юго-Восточной Азии (ЮВА) исследование языкового материала, игнорирующее тоны, просто немыслимо, то в африканистике (по крайней мере, российской) в отношении тонов нередко наблюдается некий полумистический страх. В общих исследованиях и частных статьях по морфологии или синтаксису супraseгментный уровень часто игнорируется или же авторы ограничиваются замечаниями о том, что в данном языке имеется два или три тона, значение которых в языковой системе велико (или, напротив, – незнание которых не препятствует взаимопониманию). Однако практика изучения африканских языков показывает, что исследование синтаксиса или морфологии без учета тонов нередко оказывается ущербным: тоны образуют словоизменительные парадигмы, служат для различения типов синтагм, для противопоставлений в области прагматики... При этом заранее нельзя сказать, важны ли тоны для понимания того или иного раздела синтаксиса или морфологии: это становится ясным только в процессе изучения функционирования тональной системы.

В устройстве тональных систем африканских языков наблюдается огромное разнообразие. И все же, если представить себе некую "идеальную африканскую тональную систему", объединяющую в себе самые частотные особенности разных языков, и сравнить ее с "идеальной системой" другого "большого тонального региона", ЮВА, то между ними обнаружатся некоторые важные различия. Во-первых, как уже не раз отмечалось в литературе, в языках ЮВА преобладают контурные тоны, а в африканских языках – уровневые¹. Во-вторых, в Африке сложнее обстоит дело с сегментным субстратом тонемы. Если в ЮВА это всегда – слог (см. [Касевич 1983]), то в африканских языках тонема может растягиваться на двусложную стопу, на многосложное слово или даже на целую синтагму – или, наоборот, "сжиматься", так что сегментный субстрат исчезает и тон становится "плавающим"². Эти явления, несомненно, связаны с менее четкой, по сравнению с языками ЮВА, структурой слога; по-видимому, в некоторых африканских языках функциональным эквивалентом слога слоговых языков следует считать более крупную единицу – стопу [Выдрин 2001а]. В-третьих, здесь несколько необычно ведет себя явление *downdrift* – понижения тона к концу фразы: при том, что в специальной литературе его часто считают универсальным и чисто ав-

¹ Контурные тоны здесь тоже хорошо представлены, но они чаще всего сосуществуют с уровневыми. Интересно отметить, что некоторые тонологи-африканисты склонны рассматривать все контурные тоны как комбинации уровневых тонем. Иначе говоря, основные для языков ЮВА типы тонов африканистам представляются чем-то маргинальным и вторичным.

² Очень показательным неприятие специалистами по языкам ЮВА самого понятия "плавающий тон" (см. [Касевич и др. 1990: 18–22]).

томатическим, в некоторых африканских языках³ оно отсутствует, в других же *down-drift* может проявлять тенденцию к фонологизации.

В понимании тонов языков манде (нигеро-конголезская макросемья) за последние два десятилетия достигнут впечатляющий прогресс. Еще сравнительно недавно были возможны публикации, ставящие под сомнение само наличие тонов, например, в бама-на (ср., в частности, [Петрянкина 1983]), теперь же стало общепризнанным, что практически все языки манде – тональные, а исключения (о которых будет сказано ниже) крайне редки и носят маргинальный характер. Для подавляющего большинства языков семьи имеются описания тональных систем, которые являют собой большое разнообразие – по числу тонам, их функциям, правилам реализации, по сегментной базе тонымы... Время выдвигать полноценные реконструкции тональной системы праманде еще не пришло⁴, но успехи в сравнительно-историческом изучении некоторых подгрупп семьи (особенно юго-западной и манден) позволяют выдвигать гипотезы о некоторых ее основных характеристиках, а также о тех процессах, которые привели к нынешнему разнообразию.

Данный обзор носит скорей типологический характер, однако будут сделаны и некоторые экскурсы в сферу сравнительно-исторического языкознания. Поэтому сначала – несколько слов о семье манде.

Эта семья включает в себя примерно 60 языков⁵, распространенных в странах Западной Африки от Сенегала до Нигерии. Порядок расхождения между ними сопоставим с таковым в пределах индоевропейской семьи. На схеме 1 (см. в конце статьи) представлено генеалогическое древо семьи манде в соответствии с представлениями, которые можно считать общепризнанными на настоящий момент⁶.

Следует отметить, что в описаниях конкретных языков используются самые разные системы обозначения тонов, и сохранение орфографии источников в сравнительном обзоре вызвало бы трудности для понимания. В дальнейшем изложении тоны будут обозначаться в соответствии с Международным фонетическим алфавитом (см., в частности, [Кодзасов, Кривнова 2001: 318]⁷) следующим образом (на примере гласной *e*):

а) Уровневые тоны

| Название тона | Буквенное обозначение | 2-уровневые системы | 3-уровневые системы | 4-уровневые системы | 5-уровневые системы |
|---------------|-----------------------|---------------------|---------------------|---------------------|---------------------|
| Сверхвысокий | | | | ẽ | ẽ̃ |
| Высокий | В | é | é | é | é |
| Средний | С | | ē | | ē |
| Низкий | Н | è | è | è | è |
| Сверхнизкий | | | | è̃ | è̃ |

³ Особенно в таких, которые имеют три и более уровневые тоны. Попытка теоретического осмысления факта отсутствия *down-drift*'а представлена в работе [Bearth 1971].

⁴ Следует отметить, что реконструкцию и сегментного уровня праманде еще предстоит сделать.

⁵ Более точную цифру дать трудно, поскольку во многих случаях грань между близкородственными языками и диалектами одного языка очень нечеткая.

⁶ В этой схеме объединение в большие группы (северо-западную и центральную-юго-западную) в рамках западной ветви принадлежит Р. Кастенхольцу (особо стоит отметить объединение им бобо, самого и сонинке-бобо в одну подгруппу). Внутренняя классификация восточной ветви дается в основном по [Grégoire C., de Halleux 1994], с некоторыми уточнениями. Следует отметить, что представленная здесь генетическая классификация построена без учета строгих методологических основ лингвистической компаративистики, и можно ожидать в дальнейшем пересмотра ее в некоторых важных звеньях (упомяну, в частности, большое число общих изоглосс, объединяющих южные и юго-западные манде).

⁷ Исключение: средний тон в той версии МФА, которая приводится в упоминаемой книге, обозначается при помощи трема. Я обозначаю его в соответствии с другой версией МФА (используемой, в частности, Летним лингвистическим институтом), а трема резервирую для средневосходящего тона.

б) Контурные тоны

\acute{e} – восходящий тон, \grave{e} – нисходящий (падающий) тон. В тех языках, где имеется больше одного восходящего тона, добавляется: $\grave{\acute{e}}$ – средневосходящий тон; в языках, имеющих более одного падающего тона, добавляется $\acute{\grave{e}}$ – среднепадающий тон. Плавающий низкий тон обозначается e^{\flat} (Пн), плавающий высокий тон – e^{\flat} (Пв).

При необходимости будут использоваться и буквенные обозначения тонов.

Теперь рассмотрим тональные системы языков манде по группам.

1. Манден⁸. На поверхностном уровне в различных идиомах манден наблюдается очень большое разнообразие тоновых реализаций, причина которому – многочисленные правила продвижения тонов. За этим разнообразием скрывается достаточно однородная глубинная структура, которую, очевидно, следует отнести и к уровню праманден: два тональных уровня, *downstep* и *downdrift*⁹, две тонемы, В и Н-В. Сегментной базой тонемы является слово: тон первого компонента сложного слова ассимилирует тоны последующих; то же происходит и в пределах синтагм некоторых типов, называемых "компактными"¹⁰. Суффиксы своих собственных тонов не имеют и всегда ассимилируются тонемой основы. Подавляющее большинство слов, вне зависимости от числа слогов, принадлежит к двум тоновым классам: высокотоновый (В, В-В...) или с восходящим тоном (Н-В, Н-Н-В, Н-В-В, и т.д.).

Менее 10% основ имеют иные, "второстепенные" тональные контуры, для которых характерна значительная неустойчивость; почти все такие основы – именные¹¹. Практически единственным грамматическим тоном является референтный артикль, который проявляется как плавающий низкий тон, присоединяющийся к слову (или к компактной синтагме) справа. Этот тоновый артикль отмечен в центре зоны манден (манинка, бамана, большинство идиомов дьюла), в то время как на периферии (мандинка, хасонка, кагоро, северо-западные варианты манинка, вородугу, мау, маркадафин) ему соответствует сегментная морфема *-o*. Очевидно, для праманден также следует реконструировать сегментный артикль *-o* с низким тоном.

В некоторых идиомах (конья, манья, дьюла Одьенне, говоры маркадафин) тоны инвертированы, там основные тонемы, соответственно, низкотоновая (Н, Н-Н...) и с падающим тоном (В-Н, В-В-Н...). Как правило, корни принадлежат к одному и тому же классу по всем языкам и диалектам манден, исключений сравнительно немного.

В некоторых северо-западных манден проявляется тенденция к формированию, на фоне тоновых противопоставлений, динамического ударения. Начало такого процесса можно проследить в **кагоро** [Vydrine 2001]; более продвинутая стадия становления ударения описана Дени Кресельсом для **мандинка** [Creissels 1982a]. В ман-

⁸ Библиография по тональным системам группы манден очень обширна. Здесь я упомяну только работу [Creissels, Grégoire 1993], в которой дается интересная интерпретация этих систем. Краткое изложение основных черт тональных систем манинка и бамана на русском языке дано во Введении к Манден-русскому словарю [Выдрин, Томчина 1999: 18–23].

⁹ *Downstep* – явление постепенного понижения реализации при чередовании тонов в речевой цепи: амплитуда повышения тона при переходе Н-В всегда примерно в два раза меньше, чем амплитуда понижения при переходе В-Н. В результате фраза имеет понижающийся интонационный контур (*downdrift*). В языках манден *downstep* не является чисто автоматическим явлением, здесь произошла его частичная фонологизация и грамматикализация.

¹⁰ Иначе говоря, можно утверждать, что сегментной базой тона здесь является даже не слово, а синтагма. В качестве альтернативы можно считать все "компактные" синтагмы, с фонологической точки зрения, составными словами – такую трактовку, по-видимому, следует считать предпочтительной.

¹¹ Я полагаю, что по крайней мере некоторые "второстепенные" тоновые контуры могут быть результатом слияния основ с архаичным показателем именного класса, имевшим свой тон [Выдрин 1997: 248].

динка этот процесс вызвал кардинальную перестройку всей просодической системы, отличия которой от тональных систем типа бамана весьма значительны.

Особое место занимает язык *мау*, в котором, по описанию Кресельса [Creissels 1982b], выделяются четыре тональных класса слов (иначе говоря, четыре тонемы): В (*búú* "лист"), В-Пв (*búú'* "туман"), НВ (*kàwá* "плечо"), Н-Пв (*kàwǎ* "облако"). При этом плавающий высокий тон реализуется в некоторых контекстах как сверхвысокий тон последнего слога основы или последующего слога. Из описания Кресельса следует, что *мау* – возможно, единственный из языков манден, в котором отсутствует *downstep* и *downdrift*.

Как отмечает Кресельс, различие четырех тоновых классов не находит никакого соответствия в других идиомах манден: типам В и В-Пв соответствует высокая тонема, типам Н-В и Н-Пв – восходящая тонема. Можно предположить, что такое усложнение системы (включая и появление третьего тонового уровня) – следствие влияния мощного субстрата *кла-дан*, которое проявляется в *мау* на всех уровнях языковой системы, но особенно сильно – на фонетическом. Вообще, можно без большого преувеличения сказать, что *мау* – это язык манден с фонетикой южных манде.

В подгруппе *моколе* сравнительно хорошо описан только один язык, *коранко* [Kastenholz 1987]. Его тональная система достаточно близка к прототипу манден. Судя по моим полевым материалам по трем другим языкам подгруппы, то же можно сказать и о них.

2.1. Сосо (сусу). Тональная система обнаруживает многие признаки, роднящие ее с системами языков манден: два тоновых уровня и *downdrift*; второй компонент составного слова или определительной синтагмы утрачивает свой лексический тон – правда, здесь он не копирует тон предшествующего слова, а становится низкотоновым (или получает тон В-Н, если предшествующий компонент заканчивается высоким тоном, что можно рассматривать как тривиальный перенос высокого тона на один слог вперед) [Grégoire 1978]. Имеются, впрочем, и важные отличия:

а) *сосо* – моротональный язык, "тяжелые" слоги (CVN, CV:) несут здесь два тона. Таким образом, сегментный субстрат тонемы здесь не может быть словом, и нейтрализацию тонемы не-начального компонента именной синтагмы следует интерпретировать как проявление тоновой морфемы (маркера синтаксической связи), а не как простую тоновую ассимиляцию¹²;

б) имеется важное различие между именными и глагольными основами в количестве тоновых классов. Глаголы распределяются по тем же двум тоновым классам, что и в манден, В и Н-В. Что до именных основ, то те из них, которые имеют в своем составе только "легкие" слоги, образуют три основных тоновых класса (В, Н-В, В-Н). Для слов, имеющих "тяжелые" слоги, число классов намного выше¹³ [Touré 1994: 49–57];

в) глаголы изменяют свои тоны в некоторых контекстах, что, по-видимому, может рассматриваться как проявление грамматического тона [Creissels 1992].

2.2. Джалонке/ялунка. Единственное доступное описание этого языка сделано Дени Кресельсом (в рукоп.), оно относится к диалекту, на котором говорят в деревне Фалея в Мали. Система оказывается достаточно близкой к *сосо* на глубинном уровне, а различия касаются в основном правил поверхностной реализации тонем и сопоставимы с аналогичными различиями между различными идиомами манден.

¹² Точнее, с учетом продвижения высокого тона на первый слог второго компонента синтагмы – как комбинацию обоих процессов.

¹³ Большинство тоновых классов, которые не могут рассматриваться как варианты "обычных" классов (В, Н-В, В-Н), представлены небольшим количеством слов, при этом в них отмечен высокий процент заимствований. По-видимому, их можно сравнить с "второстепенными" тональными классами языков манден.

По устному сообщению Фредерике Люпке, в диалекте джалонке на Фута-Джаллоне (Гвинея) фонематические тоны исчезли, что, в случае подтверждения, будет единственным случаем отсутствия тонов в языке семьи манде. Это исчезновение, вне всякого сомнения, следует считать результатом мощного влияния доминирующего в этом районе языка пулар (атлантическая семья), который тонов не имеет (ср. "бестоновый бамана", на котором говорят в Мали мавры и фульбе как на языке межэтнического общения).

3. Сонинке [Diagana 1984; Riialand 1990; 1991; Creissels 1991; 1992]. По-видимому, сегментным субстратом тонемы здесь является морфема. Выделяются два тональных уровня и *downdrift*¹⁴. Односложные слова распределяются по двум тональным классам (В, Н-В), двусложные – по трем (В-В, Н-В, В-Н, последний тип отмечен только для глаголов), трехсложные – по пяти (В-В-В, Н-Н-В, В-В-Н, В-Н-В, Н-В-Н). Поведение "легких" и "тяжелых" слогов относительно тонов не различается. В именных синтагмах правила тоновой ассимиляции более сложны, чем в языках манде и сосо: не-начальный компонент утрачивает свой лексический тон только в тех случаях, когда первый компонент синтагмы начинается высоким тоном; если же начальный тон в синтагме низкий, то второй ее компонент свой тон сохраняет [Riialand 1990: 68–72].

Тон в сонинке выполняет некоторые грамматические функции. Во-первых, глагол при отрицании и после видовременного показателя зависимого предложения *gà ná* утрачивает свой лексический тон, заменяя его на низкий [Creissels 1992]. Во-вторых, низким тоном маркируется обладаемое после посессивного местоимения [Riialand 1990: 73].

Хотя Анни Риалан и выделяет в сонинке "высокотоновый акцент", то, что под этим понимается, не является ударением, а лишь теоретическим конструктом, постулируемым для удобства интерпретации "автоматического" тона на конце слова¹⁵. "Обычного" же ударения, судя по описаниям, в сонинке нет.

К сожалению, описаний тональных систем языков бозо (тнеяхо, ханьяхо, тиема чеве, дженаама), самого (банка, джовулу, дуун, дзуун, сееку), джого и джери нет.

4. Ваи¹⁶ имеет два тональных уровня, при этом контурные тоны интерпретируются исследователем как комбинации высокого и низкого тонов. Разительным отличием от других западных манде является отсутствие в этом языке *downstep* и *downdrift*. По трактовке Вельмерса, сегментным субстратом тонемы здесь является слог, однако такая интерпретация плохо согласуется с тем фактом, что на односложных и двусложных словах обнаруживаются одни и те же последовательности тонов. Поэтому возможна и альтернативная интерпретация: сегментным субстратом тонемы является слово (или, возможно, стопа). Выделяются четыре тональных класса¹⁷, В(-В), В-Н, Н-В, Н(-Н). Последний тоновый тип не отмечен на глаголах, да и число существительных, входящих в него, невелико¹⁸.

¹⁴ Усман Диагана [Diagana 1984] говорит о трех тонемах, но такая трактовка проистекает из того, что он не принимает во внимание действие *downdrift*.

¹⁵ Я не буду излагать здесь подробности научной дискуссии между Риалан и Кресельсом относительно этого конструкта, а также релевантности автосегментного метода в отношении к сонинке в целом. Эта дискуссия, хотя и очень показательная, уже потеряла свою актуальность.

¹⁶ Единственное описание тональной системы ваи дано Вильямом Вельмерсом [Welmers 1976: 29–35]; оно основано, судя по всему, на слуховом анализе.

¹⁷ Если сегментным субстратом считать слово, то в ваи оказывается четыре тонемы.

¹⁸ "Среди имен тоновый тип Н(-Н), возможно, встречается лишь на недавно появившихся словах и на немногочисленных односложных относительных именах, а также на частицах" [Welmers 1976: 32]. Вопреки этому утверждению, я обнаружил среди примеров, приводимых Вельмерсом, несколько основ, хорошо представленных в различных языках манде, например *jèndà* 'веретено' и *làà* (очевидно, *là'à* < **là'à*) 'весло'.

Как в бамана и во многих других идиомах манден, последовательность Н-В меняется в ваи на Н-Н в позиции перед высоким тоном [Welmers 1976: 40–41].

В составных словах, образованных по модели детерминативной синтагмы, лексические тонемы неначальных компонентов нейтрализуются: эти компоненты получают контур В-Н если им предшествует основа класса Н-В (при этом тон последней преобразуется в Н-Н), и Н-Н во всех остальных случаях:

bàŋ-kpé 'вино (*kpé*) из пальмы рафия (*bàŋ*)',
kòŋ-kàí 'резчик по дереву' (*kòŋ* 'дерево', *kàí* 'мужчина').

Иначе говоря, низкий тон является маркером второго члена такой синтагмы, при этом происходит перенос высокого тона с предшествующего слога (аналогично тому, что мы уже наблюдали в *сосо*).

В целом же именные и адективные основы обычно сохраняют свои лексические тоны в значительно большем числе контекстов, чем в языках манден.

Еще одна грамматическая функция низкого тона реализуется в глаголах: в повелительном наклонении и в назывной форме он замещает лексический тон глагола.

Кобо, близкородственный ваи язык, отличается от последнего тем, что в нем имеется *downdrift* [Welmers 1976: 148], как и в почти всех языках манден. К сожалению, какого-то более или менее подробного описания фонологии этого языка у меня нет.

5. Юго-западные манде (ЮЗМ). Эта подгруппа – единственная в семье манде, тональную систему праязыка которой целенаправленно пытались реконструировать [Dwyer 1973]. Данные одного из языков ЮЗМ, менде, послужили стартовой площадкой для формирования аутоsegmentной фонологии, и в ходе сопровождавший этот процесс дискуссии были высвечены многие аспекты тонологии этого языка¹⁹.

По-видимому, пра-ЮЗМ имел *downdrift*. Сегментным субстратом тонемы было, очевидно, слово или морфема²⁰. Дэвид Двайр [Dwyer 1978a; 1978b] реконструирует следующие тональные классы (тонемы) для имен (односложных и двусложных)²¹:

- 1) *c̣ṿ, c̣vc̣ṿ*
- 2) *c̣ṿ, c̣vc̣ṿ*
- 3) *c̣ṿ, c̣vc̣ṿ*
- 4) *c̣vc̣ṿ* от *c̣vc̣ṿ*.
- 5) *c̣vc̣ṿ*.

Учитывая огромное статистическое преобладание классов 1 и 2 (примерно 90% всех основ пра-ЮЗМ, реконструированных Двайром), этот автор делает вывод, что только эти два класса были унаследованы от предшествующей стадии. По его мнению, классы 4 и 5 образовались в пра-ЮЗМ в результате проникновения заимствований, а класс 3 включает в себя составные слова [Dwyer 1978a: 185–191]²².

Имеются серьезные основания сомневаться в справедливости этих последних выводов. Некоторые аргументы против заимствованного характера всего класса 5 уже излагались в работе [Выдрин 1997]. Утверждение, что слова классов 3 и 4 не имеют соответствий в "северных манде", также легко опровергается, ср.:

ЮЗМ **káli* или **káli* [Dwyer 1978b] (класс 4) "мотыга";
сосо *kéri*, **джалонке** *kéri*, **ваи** *ká'i*;

¹⁹ Мне не известны публикации по инструментальному анализу тонов какого-либо из юго-западных языков манде. По-видимому, все имеющиеся описания основаны на слуховом анализе.

²⁰ В аутоsegmentалистской терминологии Лебена, менде является "супрасегментным тональным языком" [Leben 1973]. Дэвид Двайр [Dwyer 1978a] оспаривает такую характеристику языка менде, но допускает, что она была применима к пра-ЮЗМ манде [Dwyer 1978b].

²¹ Что касается глаголов, то их тональное поведение нуждается в дополнительном тщательном исследовании – особенно в лоома и банди, возможно, также в локо.

²² В работе [Dwyer 1978b: 338–339] высказывается предположение, что и класс 4 в пра-ЮЗМ также возник в результате основосложения.

ЮЗМ **fànkāŋ* или **fànká* (класс 3) "сила", **менде** [Innes 1969] *fàkâ/vaka* сущ. "энергия, бодрость"; **лоома** (диалект **вое-бирасу**) *fangalβanga*, **гвинейский кпелле** [Leger 1975] *hvangan/vangan* сущ. "здоровье; энергия, бодрость; запал, рвение";

сосо [Lacan 1942; Friedländer n.d.] *fangε* сущ. "сила; власть; удача, преимущество"; **джалонке** [Creissels 1988] *fàngá* сущ. "сила, мощь";

праманден **fànká*, **мандинка** [Creissels et al. 1982; W.E.C. 1995] *fànka* неперех.гл. "быть богатым; быть могущественным; процветать"; **джаханка** *fankafo*, **хасонка** *fànga*, *fànka*, **кагоро** *fàngá* сущ. "сила, власть", **манинка** *fànká*, *fǎǎ* сущ. "сила, мощь; власть, могущество"; **бамана** *fàngá*, *fǎǎ*, **бамана** (диал. **сикасо**) *fǎǎ*, *fǎǎ* сущ. "сила, мощь; власть, могущество; администрация, власти"; **марка-дафин** *pǎǎ*;

сонинке [Galtier et al. 1979; Smeltzer B., Smeltzer S. 1997] *fanka/φ*, мн.ч. (вост. диал.) - *ни*, (зап. диал.) - *о* сущ. "власть", **бобо** [Le Bris, Prost 1981] *fàngā* (заимствование из манден?);

дзуун [Traoré 1998] *fàan*;

сан [Platiel 1974: 137] *pǎǎ*;

дан (диал. **гуета**) *fǎǎ*, **уан** *pǎǎ* неперех. гл. "быть способным", перех. гл. "доминировать, командовать".

ЮЗМ **kòmā(ŋ)* (класс 3) "жадина", **менде** [Innes 1969] *kòmā/goma* неперех.гл. "быть жадным, есть не делаясь с другими; отказывать" (в чем – *hú*), **банди** [Heydorn 1940–1941] *kówǎi/?*, **банди** [Grossmann et al. 1991] *kùwǎ/?* прил. "жадный, не щедрый"; сущ. "жадность"; **лоома** (диал. **гизима** и **вубома**) *koma/woma* сущ. "жадность, нежелание делиться едой", **гвинейский кпелле** [Leger 1975] *kuwaŋ/guwaŋ*, *kuwoŋ/guwoŋ* прил. "быть жадным", неперех.гл. "отказываться дарить подарок";

сосо [Lacan 1942; Friedländer n.d.] *kuma* прил. "жадина", неперех. гл. "быть жадным", перех.гл. "отказываться делиться с кем-л.", сущ. "жадность", **джалонке** [Creissels 1988] *kúmá* неперех.гл. "быть жадным";

бамана *kùmāni'yá* (?) редк. перех.гл. "незаконно лишать кого-л. (чего – *lá*)";

сонинке [Smeltzer B., Smeltzer S. 1997] *kuma/-na* (?) перех.гл. "лишать кого-л. (чего – *ŋa*)", **бобо** [Le Bris, Prost 1981] *kùmā*, *kòmā* перех.гл. "отказывать кому-л. (в – *nā*)".

Эти данные ставят под вопрос не реконструкцию Двайром тональной системы пра-ЮЗМ, а лишь его предположения касательно более глубокой реконструкции.

К сожалению, Двайр не рассматривает возможности реконструкции на уровне пра-ЮЗМ ударения (при том что данные банди и кпелле дают основания для подобных предположений), а также не анализирует различий поведения тонов на "легких" и "тяжелых" слогах (по крайней мере, данные лоома говорят о том, что эти различия могут быть довольно существенны, см. [Vydrine 1989]). Вполне возможно, именно эти факторы окажутся решающими при решении некоторых проблем, которые он затрагивает в своих публикациях.

Во всех ЮЗМ лексический тон второго компонента компактной синтагмы (иногда рассматриваемой как сложное слово) нейтрализуется и замещается низким тоном, который может подвергаться вслед за этим влиянию конечного тона первого компонента. Такую картину следует реконструировать и для уровня пра-ЮЗМ.

5.1. В **менде**, по данным Двайра [Dwyer 1978a: 185], выделяется четыре новых тональных класса: 6. *s̄v̄s̄v̄*, 7. *s̄v̄s̄v̄*, 8. *s̄v̄'s̄v̄*, 9. *s̄v̄s̄v̄*. Хотя они представляют менее 10% всего словаря менде, они ставят под вопрос правомерность тезиса о том, что сегментный субстратом тона в этом языке является слово. По мнению Двайра, они "не обнаруживают устойчивых соответствий с другими ЮЗМ, даже с самыми близкими диалектами банди и локо". Однако даже из 4 слов, которые Двайр приводит в качестве образцов в своей статье, два имеют такие соответствия, которые можно считать достаточным основанием для реконструкции соответствующих основ для пра-ЮЗМ или даже на более глубоком уровне:

Менде *ḡɔ̄n̄ɛ* "кот" (класс 9), **банди** [Grossmann et al. 1991] *ḡɔ̄n̄ɛ* "кот" (тон следует уточнить);

ЮЗМ **nàfóló* или **nàfólóŋ* "богатство", менде [Innes 1969] *nàvò* (класс 6) "деньги", банди [Grossmann et al. 1991] *nàhòlò* "деньги", лоома (гизима, векема) *naβolo* "богатство", лоома (гизима, векема) *naβolo(g)* "богатство", лоома (колюма) [Post 1967] *navolo* "богатство, деньги";

Сосо [Lacan 1942; Friedländer n.d.] *nafuli* "богатство, деньги", джалонке [Creissels 1988] *nàfùlú* "богатство";

Праманден **nàafóló*, мадинка *nàafulu* "богатство", хасонка *nàfulu* "богатство; скот; наличные деньги", кагоро *nàfùlú* "богатство", манинка *nànfóló* "богатство", банана *nàfóló* "богатство";

Сонинке [Galtier et al. 1979; Smeltzer B., Smeltzer S. 1997] *naaburife*, мн.ч. -и "богатство; скот", тнеяхо [GTLB 1982] *nafolo* "богатство";

Бобо [Le Bris, Prost 1981] *nàfòrò* "богатство";

Дзуун [Traoré 1998] *nàfóró* "богатство".

В менде имеет место downstep и downdrift. Тонема второго члена именной синтагмы (в иной интерпретации, составного слова) нейтрализуется и заменяется низким тоном (при низком конечном тоне первого компонента) или контуром В-Н (если первый компонент синтагмы заканчивается на высокий тон). Слова классов 2 и 5 различаются по тону только в позиции первого компонента именной синтагмы.

5.2. Локо (по [Dwyer 1973]). Главное отличие от менде заключается в наличии слогов с конечным элементом -ŋ, который присутствует в локо в скрытом виде; в менде же он был утрачен. В результате тональные классы с 1 по 4 разделяются на два подкласса каждый.

5.3. Банди. Если не принимать в расчет заимствования из английского и крио, в этом языке выделяются те же пять тоновых классов, что и в пра-ЮЗМ, при этом каждый из них разбит на два подкласса, которые Двайр помечает индексами -w и -s (соответственно, с или без конечного -(ŋ), аналогичного такому же элементу в локо). Важная особенность этого языка, по сравнению с менде и локо, состоит в наличии Правила Распространения Низкого Тона: низкий тон распространяется на один слог вперед, если последний, на глубинном уровне, имеет высокий тон. Другой особенностью банди является существование ударения, которое, на нынешнем этапе развития языковой системы, уже более не является автоматическим (обусловленным тоном) на поверхностном уровне.

Тональная система банди, довольно запутанная на поверхностном уровне, стала предметом рассмотрения в более поздних публикациях [Rodewald 1989; Mugele, Rodewald 1991]. Поскольку эти авторы в своем анализе не соглашались с Двайром, рассмотрим главные точки расхождения.

Инвентарь тоновых классов в банди. Возражения Родевальда и Мугеле против интерпретации Двайра ("низкий тон в начале слова является результатом влияния именной морфемы *ŋ-") можно понять: их подход – синхронный, и данные близкородственных языков не принимаются ими в расчет. К сожалению, эти авторы проходят мимо очень убедительной аргументации, основывающейся на корреляции ударения и тона. По Двайру, существительные банди в своей назывной форме, т.е. с именной морфемой (ŋ-), систематически имеют ударный низкотоновый слог, предшествующий высокотоновому. Это позволяет Двайру предположить, что на глубинном уровне низкотоновому ударному слогу должен соответствовать высокотоновый, а поверхностный низкий тон появляется в результате действия Правила Продвижения Низкого Тона.

Интересно, что Родевальд [Rodewald 1989: 21] замечает, что поверхностная реализация двайровских глубинных типов Н-В (например, *pèl'è/* "дом") и Н-Н-В (*ŋnàhàá/* "женщина"), хотя и имеющих одну и ту же поверхностную тоновую структуру [*pèl'è, ðàhà*], "различается высотой фонетического тона", и что это различие носители языка банди хорошо слышат: "высокий тон основы со значением 'женщина' фонетически слегка выше, чем высокий тон основы со значением 'дом'". Объяснения Родевальда по этому поводу выглядят неубедительно; он так и не дает ответа, как

должна интерпретироваться с точки зрения фонологии эта "чуть более высокая" тоновая реализация. Ответ на этот вопрос фактически дает Двайр: в слове со значением 'дом' первый (низкотоновый) слог ударный, тогда как в слове со значением 'женщина' ударный слог – второй. Комбинация высокого тона с ударением дает фонетический эффект "чуть более высокого тона".

Если принять во внимание эти факты, то становится ясно, что глубинные тоны Двайра более точно отражают реальность, чем модель, предложенная Родевальдом и Мугеле. Впрочем, их нотация также может быть принята – но тогда место ударения должно систематически указываться. Впрочем, и в таком случае нотация Двайра оказывается более экономной.

Другой источник информации по тонам банди – неопубликованный словарь, составленный лютеранскими миссионерами, экземпляр которого был любезно предоставлен в мое распоряжение одним из авторов, Ребеккой Гроссман [Grossmann et al. 1991]. К сожалению, в этом словаре отсутствует предисловие, но анализ его данных показывает, что обозначение тонов следует принципам, изложенным Родевальдом, с некоторыми модификациями, не носящими систематического характера. Иными словами, в словаре обозначаются не глубинные, а поверхностные тоны (что делает невозможным различие между двайровскими классами 1w и 3w). Существительные систематически приводятся с определенным артиклем -í.

В нижеследующей таблице даны соответствия между тоновыми классами Двайра и Родевальда, а также приводятся соответствующие формы из "Словаря банди".

| Dwyer [1973] | Rodewald [1989] | Словарь банди [Grossmann et al. 1991] |
|------------------|---|---|
| 1w cvcú | LH (<i>pèlè</i> 'дом', <i>tèè</i> 'курица') | LHi, Lí (<i>pèlèí, tèí</i>) |
| 1s cvcúŋ | | LHngi |
| 2w cvcúv | (L)L (<i>pèlèè</i> 'дорога', поверхн. реализ. <i>pèlè</i>) | LLí |
| 2s cvcúŋ | LLH (<i>màsà-ŋ</i>) | LLngí |
| 3w cvcú | LLH (<i>jàhàá</i> , поверхн. <i>jàhá</i>) | LL (<i>jàháí</i>), LHi (<i>kòndái</i>) |
| 3s cvcúŋ (= 2s) | | LLngi (<i>ngálingi</i>) |
| *4w cvcú (= 1w) | LH | LH/HH (<i>kàlìí/jáíí</i> "мотыга") |
| *4s cvcúŋ (= 1s) | | |
| 5w cvcúv | (L)L (?) | LLí (<i>mbòlòí</i> "шляпа") |
| 5s cvcúŋ | | LHi (<i>mbèlèngi</i> "штаны") |
| 6s cvcúŋ | LLH (?) | LHí (<i>kǎfíngi</i> "кофе") |
| 7w cvcúv | HL | LH (<i>dálà</i> ²³ "доллар") |
| | (H)H (<i>kéke</i> "собака" <i>kpò</i> "навес") | HHi, Li (<i>kékei</i> "собака", <i>kpòngi</i> "навес") |
| | LHL (<i>mìyà</i> "банан", <i>glàási</i> "стекло", <i>siméndi</i> "цемент") | |

В работе [Rodewald 1989] различаются все тоновые классы Двайра, за исключением, очевидно, 5w. Двайровские классы 1 и 2, 3w и 5w не различаются в "Словаре банди". Контекст различения между словами классов 2w, 3w и 5w – именная синтагма (сложное слово), в которой интересующее нас слово занимает начальную позицию: после слова класса 2w тон следующего слова будет НВ(Н): *kàli vòlò'í* "старая змея". После слова класса 3w тон следующего слова высокий: *jàhá pòlò'í* "старая женщина". После сло-

²³ Это слово записано в форме *dàlá* в лемме, а во фразовом примере – как *dálà*. Возможно, первая из этих двух форм – результат опечатки.

ва класса 5w, НН: *bèlè pòlòí* "старые штаны" (кроме того, слова класса 5w имеют ударение на первом слоге, в то время как слова классов 2w и 3w – на втором).

Не вполне понятен родевальдский класс ВВ. По словам этого автора, в него входят всего четыре слова (помимо тех, что даны в таблице, это *gbó* "вид животного" [красная обезьяна пата? – В.В.; впрочем, в "Словаре банди" слово с таким значением дано в форме *gbòngí*] и *tóló* "птица нектарница" [в "Словаре банди" это слово записано в форме *tòlòngí*]). На самом деле, очевидно, эти слова более многочисленны. Вот некоторые примеры из "Словаря банди": *báhi* "жёлтый краситель", возможно также *búlu* "труба (музыкальный инструмент)". Тоны этих слов-исключений следует уточнить²⁴.

Очевидно, главным аргументом Родевальда против интерпретации Двайром глубинных тональных классов является поведение глагола *tukpe/lukpe* "толкать": Родевальд и Мугеле считают [Mugele, Rodewald 1991: 114–115], что этот глагол, который имеет форму *tùkpé* в различных контекстах, должен был бы интерпретироваться Двайром как принадлежащий классу 1, ВВ. Затем они опровергают эту предполагаемую интерпретацию при помощи примеров типа *sùwai lukp' é* "толкни животное", где пониженный высокий тон последнего слога свидетельствует о глубинном низком тоне первого слога слова *tukpo*.

Эта аргументация не может быть принята по двум причинам. Во-первых, анализ Двайра затрагивает только существительные, и механически переносить его выводы на глагольный материал, имея целью опровергнуть в дальнейшем такую проекцию, некорректно. Во-вторых, глубинный тон обсуждаемого глагола ни в коем случае не может быть ВВ: соответствующая основа в менде дана в словаре Иннеса [Innes 1969] как *tùkrá* (что может соответствовать, в нотации Двайра, *tùkpá* или *tùk-rá*), в кпелле тоны соответствующего слова обозначены как СС (*tūā*) в [Winkler 1997] и как два падающих (*tūāŋ*, нерегулярная тоновая модель) в [Leidenfrost, McKay 1973]. Если спроецировать выделяемые Двайром тоновые классы на глаголы, то, по всей вероятности, этот глагол должен принадлежать к классу 3s.

В целом, в этом языке наблюдается уменьшение значимости тоновых оппозиций, что компенсируется становлением фонологически значимого динамического ударения.

5.4. Лоома. Тональная система этого языка претерпела очень значительные изменения по сравнению с тем состоянием, которое Дэвид Двайр реконструирует для пра-ЮЗМ. Во-первых, тоны в лоома "инвертированы": высокий тон соответствует низкому тону в остальных ЮЗМ, и наоборот²⁵. Во-вторых, Правило Продвижения Высокого Тона здесь распространяется на целое слово (в то время как в банди соответствующее Правило Продвижения Низкого Тона затрагивает лишь один слог), в связи с чем огромное большинство существительных и переходных глаголов в своей

²⁴ Тоновое поведение этих слов может объясняться тем, что они, по каким-то причинам, не присоединили именной морфемы *ŋ-. Отметим и другие их особенности: хотя *kéké* в банди имеет вариант со "слабым" согласным, *ŋeke*, соответствующее слово в менде, судя по нижеследующему примеру, имеет неизменяющийся сильный согласный [Innes 1969: 41]: *bi kekei na* "эта твоя собака". Слово со значением "обезьяна пата" имеет в банди неизменяющийся звонкий согласный, который может интерпретироваться диахронически как результат присоединения некоей морфемы, присутствие которой воспрепятствовало прибавлению обычной именной морфемы *ŋ-. Слово *tóló(ŋ)* записано в "Словаре банди" как *tòlòngí*.

Другое возможное объяснение – эти слова являются заимствованиями, а тоны заимствований во всех ЮЗМ, и особенно в банди, часто нерегулярны.

²⁵ Как уже отмечалось, это явление не такое уж редкое в семье манде: в пределах подгруппы манден, "инвертированные" тоны отмечены в дьюла Одьенне, конья, манья, марка-дафин. Попытку объяснить тоновую инверсию в лоома на основе экстралингвистических данных предпринял Двайр [Dwyer 1981]; объяснение тоновой инверсии в манден исходя из внутриязыковых данных дается в [Creissels 1987/88].

назывной форме имеют однообразный высокий тон (в таком виде их и фиксируют некоторые словари). Их лексические тоны выявляются лишь в некоторых строго определенных контекстах. Такое развитие привело к снижению релевантности тоновых оппозиций и на глубинном уровне: так, в диалекте гбунде, по данным Дэвида Двайра [Dwyer 1973], три из четырех тоновых классов пра-ЮЗМ уже не различаются, все они имеют низкий глубинный тон.

Мой анализ [Vydrine 1989] данных Весли Садлера [Sadler 1951] по диалекту гизи-ма, при всей его недостаточности для выявления полной картины тонов²⁶, обнаружил некоторые особенности, не отмеченные Двайром²⁷.

Наиболее интересным фактом лоома оказывается различие в тоновом поведении легких и тяжелых слогов. Тяжелыми в этом языке являются те слоги, которые а) имеют долгий гласный, б) предшествуют "сильному" (смычному и/или глухому) согласному, в) предшествуют "мгновенному" согласному (б, β)²⁸. Тяжелые слоги препятствуют распространению высокого тона далее вправо. Если же слово состоит только из легких слогов, Правило Продвижения Высокого Тона повышает все слоги до самого конца слова или компактной синтагмы.

Другое наблюдение состоит в том, что тональные классы глаголов отличаются от таковых у существительных. К сожалению, здесь картина еще менее полная по причине недостаточности данных. Ясно лишь, что глагольные основы по-разному влияют на тоны присоединяемых к ним суффиксов, что, очевидно, следует интерпретировать как наличие у основ плавающих тонов.

5.5. Кпелле. В этом языке пра-ЮЗМ система тонов (в том виде, в каком ее реконструировал Двайр) сохранилась почти без изменений²⁹. Единственной инновацией, достойной упоминания, является расщепление низкого тона пра-ЮЗМ: он отражается здесь как низкий тон в словах класса 5 и в конечном сегменте падающей тонемы (классы 3, 4), в остальных случаях он соответствует среднему тону КПелле.

Следует отметить, что единственными классами, различающимися этой новой тоновой оппозицией (средний : низкий), оказываются второй и пятый. Но именно эти классы различаются и другим признаком, а именно, ударением: слова класса 2 ударения не имеют, а у слов класса 5 первый слог оказывается ударным [Dwyer 1973; Welmers 1962]³⁰. Это обстоятельство позволяет дать и иную интерпретацию: именно ударение, а не высота тона, является главным признаком, по которому два класса

²⁶ Отчасти по причине моего незнания в то время литературы по тонологии ЮЗМ, отчасти из-за существенных пробелов в материалах Садлера. Дальнейший прогресс в понимании тоновой системы лоома невозможен без дополнительной работы с информантами, носителями языка лоома.

²⁷ В частности, Двайр проводит различие между легкими слогами (CV) и тяжелыми слогами (исторически *CV_h); другие типы тяжелых слогов он не обнаружил) в позиции конца слова, но не в начальной позиции.

²⁸ Исторически слоги, предшествующие "сильным" согласным, заканчивались на *-ŋ, т.е. были структуры CVŋ. Труднее объяснить, почему аналогичным образом ведут себя "мгновенные" согласные, которые являются фонологически "слабыми" (если исходить из их места в системе чередования начальных согласных, см. [Выдрин 2001б: 21–22]). Что представляют собой "мгновенные" согласные с фонетической точки зрения, не вполне ясно; возможно, это аппроксиманты.

²⁹ И Вельмерс [Welmers 1962], и Двайр [Dwyer 1973] приписывают классу 2 в КПелле тоновый рисунок CC, но в реальности он реализуется как СВ перед средним или низким. Иначе говоря, поведение этого типа слов очень похоже на поведение слов класса НВ в бамана и манинка и слов класса 2 в менде. Ничто не препятствует нам обозначать этот класс в КПелле как СВ.

³⁰ Я полагаю, что ударение первого слога у слов класса 5 может быть следом архаичного именного префикса (см. [Выдрин 2001: 24–26]).

противопоставляются³¹. Дополнительным признаком высокого тона является фонация "фальцетный голос" [Welmers 1973].

По словам Вельмерса [Welmers 1962: 87], *downdrift* в кпелле проявляется только в конце высказывания – по-видимому, речь идет скорее о явлении "конечного понижения тона", чем о настоящем *downdrift*. Устранение *downdrift* может рассматриваться как побочное явление, сопровождающее процесс расщепления тона и фонологизацию ударения в этом языке.

Сегментный субстрат тонемы в кпелле, вне всякого сомнения, слово, на что особое внимание обращал Вильям Вельмерс [Welmers 1962: 85–89].

6. **Бобо** [Le Bris, Prost 1981] имеет три уровневых тонемы. По всей вероятности, третий тон можно считать инновацией, возникшей в результате перестройки двухурвневой системы с *downdrift* в систему без *downdrift*. Имеется четыре контурных тона: ВН, СН, НВ, НС, каждый из них отмечен и на одноморных слогах, что позволяет предполагать их фонематичность. Есть основания полагать, что в этом языке существует и ударение. Грамматические тоны играют важную роль в видовременной системе глагола.

7. Тональную систему **боко** Рос Джоунз [Jones 1998] интерпретирует как насчитывающую четыре поверхностных и три глубинных тона: сверхнизкий не отмечен в существительных и прилагательных, низкий – в глаголах и наречиях, да и в существительных они появляются только в конечных слогах. Однако все четыре тонемы противопоставляются в местоимениях, что можно считать достаточным основанием для признания их релевантности в языке. Сегментным субстратом тона является слог; *downdrift* или *downstep* отсутствуют.

Грамматические функции тона очень важны. Глаголы в перфекте получают сверхнизкий тон, причем двусложные глаголы могут иметь сверхнизкий тон конечного слога только в перфекте. У существительных и прилагательных в позиции первого компонента именной синтагмы конечный низкий тон меняется на сверхнизкий (что резко контрастирует с ситуацией в западных и южных манде, где грамматический тон всегда маркирует второй член синтагмы). В целом, комбинаторные изменения тонов в этом языке носят в основном регрессивный характер. Девять серий личных местоимений **боко** различаются главным образом тонами, хотя происхождение этих тонов от сегментных предикативных показателей часто может быть прослежено.

В **боко** отмечена интересная корреляция между тоном и признаком глухости/звонкости: 84% односложных глаголов со сверхвысоким лексическим тоном имеют глухой начальный согласный. Возможно, это следует рассматривать как свидетельство в пользу того, что в языке-предке число уровневых тоном было меньшим, но звонкие согласные давали тонопонижающий эффект (ср. ниже раздел о языке гуро), нынешняя же 4-урвневая система образовалась в результате расщепления тонов и устранения различия между "обычными" и тонопонижающими согласными.

В **буса** и **бокобару** [Jones 1998] противопоставляются три тонемы. Низкий тон **боко** соответствует низкому тону **буса**, а высокий – высокому тону в конечной позиции в **бокобару**.

8. Языки **сан-сане** [Platiel 1974] имеют 3 уровневых тона, сегментный субстрат тона – слог. На поверхностном уровне имеются и контурные тоны, которые могут быть проинтерпретированы как комбинации уровневых. *Downdrift* отсутствует. В **сан** имеется плавающий высокий тон, представляющий бытийный глагол-связку. Сюзи Платиель предполагает (на основании данных диалекта мака), что средний тон явля-

³¹ Такая интерпретация соответствовала бы моим впечатлениям от предварительного анализа записей северного диалекта кпелле, гбали (информант: Андре Камара): слова, обозначаемые в других источниках как принадлежащие к классу 5, произносятся в этом диалекте с падающим тоном, причем тон первого слога у них выше, чем у слов класса 2.

ется инновацией, а изначально в системе было всего две тонемы. Судя по имеющимся описаниям, ударение отсутствует, хотя ослабление первого гласного в последовательностях типа CVV может интерпретироваться как свидетельство в пользу ударности второго слога в стопе.

9. Южные маде (ЮМ) дают большое разнообразие тональных систем. Можно, с большой осторожностью, предположить, что система языка гуру стоит ближе других к праязыковой и проявляет некоторые тенденции, позволяющие объяснить направления развития и в других языках.

9.1. Тональная система гуру весьма необычна, что и объясняет весьма существенные различия в ее интерпретации разными авторами. В самом раннем описании [Benoit 1969] выделяется три уровневых тона – низкий, высокий и средний. В следующей по времени публикации [Grégoire 1976] к этому списку добавлены три контурных тона: НС, СВ, СН, а также отмечена частичное дополнительное распределение между уровневыми тонами. Новую интерпретацию системы предложил Лё Саут³² [Le Saout 1979], который подробно проанализировал дополнительное распределение уровневых тонов: при начальных звонких согласных в стопе возможны только средний и низкий тоны, при остальных начальных (глухих, сонантах, имплозивных) – только средний и высокий. Контурных тонов (которых этот автор выделяет два, восходящий и падающий) это распределение не касается. Все это позволило Лё Сауту говорить о двух уровневых тонемах, высокой и низкой, реализации которых зависят от начальных согласных, при этом звонкие согласные являются тонопонижающими. Кроме того, он выделяет две контурные тонемы – восходящую и нисходящую.

В ходе дальнейших исследований выяснилось, что и эта картина не является полной. Оказалось, что на подсистеме личных местоимений оказываются противопоставлены три уровневых тона независимо от типа начального согласного (или его отсутствия). Это позволяет сделать вывод, что и в языковой системе в целом следует говорить о противопоставлении высокой, средней и низкой тонем, а дополнительное распределение тонов касается лишь подмножества не-местоимений [Vydrine ms.]³³. Очевидно, мы наблюдаем в гуру процесс расщепления и фонологизации тонов, которые изначально являлись аллотонами.

Дополнительным фактором, влияющим на поверхностную реализацию тонем, является тембр гласного: при закрытых гласных тон имеет тенденцию реализовываться существенно выше, чем при открытых.

Кроме того, в гуру отмечено явление конечного понижения тона во фразе.

Сегментным субстратом тонемы в гуру является стопа – одно- или двусложная единица, обладающая повышенной степенью внутренней интеграции: помимо тона, она скреплена вокалической и консонантной гармонией, а также ударением.

Ударение нельзя считать производным тональной схемы – ударный слог может нести и высокий, и низкий, и средний тон. В двусложной стопе оно может падать на первый или второй слог, что в значительной мере обусловлено вокалическим ти-

³² А.-К. Грегуар и Ж. Лё Саут работали над материалами гуру совместно. Несмотря на более раннюю публикацию Грегуара, есть основания считать, что приоритет в обнаружении обсуждаемого дополнительного распределения тонов принадлежит все же Лё Сауту.

Исследование Бенуаста базируется на слуховом анализе; Грегуара и Лё Саута, а также мое – на инструментальном.

³³ Может показаться, что постулировать наличие трех уровневых тонем только потому, что они противопоставлены в системе личных местоимений, неоправданно, учитывая количественную несопоставимость класса местоимений и всей остальной лексики языка. Однако, во-первых, такого количественного перепада не будет, если мы примем во внимание частоту местоимений не в словаре, а в тексте; во-вторых, местоимения занимают центральное место в грамматической системе языка гуру в целом, и формирование дополнительного тонового противопоставления именно на них вряд ли случайно.

пом: если второй гласный более закрытый, чем первый, ударным оказывается первый слог; в остальных случаях ударение падает обычно на второй слог. При этом безударный слог оказывается сильно редуцированным и количественно, и качественно. Существуют, однако, стопы, в которых ни один слог не выделен; по-видимому, их следует считать безударными. В целом феномен ударения в гуру (его обусловленность другими факторами, его функциональная нагруженность, изменение ударения во фразе) еще ждет углубленного изучения.

Грамматические тоны в гуру играют очень важную роль в аспекто-темпоральной системе. Интересно отметить, что грамматические функции выполняют в основном контурные тонемы – по-видимому, использованию уровневых тонов в качестве грамматических препятствовала их уже осознаваемая неустойчивость реализации, связанная с типом начального согласного.

Вопрос об интерпретации контурных тонов также остается открытым. Я склоняюсь, вслед за Лё Саутом, к признанию их особыми тонемами – вопреки мнению многих сторонников автосегментной фонологии (и не только ее), что все модулированные тоны в африканских языках следует считать сочетаниями уровневых фонем. В то же время относительная редкость восходящего и падающего тонов на односложных стопах с не-носовым гласным свидетельствует, по-видимому, о их недавней фонологизации – по всей вероятности, для пра-языка должны быть реконструированы именно сочетания уровневых фонем. Однако для принятия окончательного решения необходимы дополнительные исследования.

В гуру (как и в яурэ) имеется фонологическое противопоставление по признаку продвинутости корня языка ($\pm ATR$), однако какой-либо корреляции этого признака с тонами в обоих языках не отмечено.

9.2. Яурэ [Hopkins 1982] – ближайший родственник гуру, между этими языками даже отмечается взаимопонимание. Тем интереснее, что здесь выделяется четыре уровневых тонемы, которые довольно регулярно соответствуют уровневым же тонемам гуру. Вот эти соответствия (на примере условных слогов с переднеязычными согласными и гласным *a*):

Гуру *tá, lá* – яурэ *tá, lá*, реже *tǎ, lǎ*³⁴.

Гуру *tā, lā* – яурэ *tà, là*, реже *tǎ, lǎ* и *tā, lā*.

Гуру *dā* – яурэ *tā*, иногда *tā ~ tá*.

Гуру *dà* – яурэ *tā* или *tǎ*.

Итак, звонкие согласные гуру регулярно соответствуют глухим в яурэ – очевидно, оглушение звонких и привело к окончательной фонологизации дополнительных уровневых тонов в этом языке.

Хопкинс достаточно убедительно аргументирует битонемный характер модулированных тонов в яурэ. Сегментным субстратом тона здесь можно считать слог. Грамматические тоны играют важную роль в глагольной парадигме. Отмечено большое количество комбинаторных изменений тонов во фразе.

Таким образом, при тесной генетической близости двух языков, тональные системы гуру и яурэ оказываются типологически весьма различными.

9.3. В тура³⁵ имеется четыре уровневых тонемы (в диалекте *Вээ* – только три) [Bearth 1971]. Сегментным субстратом тонемы является слог (в терминологии Беарта, мора), но и более крупная единица, которой является стопа, играет важную роль в тональной организации слова и фразы. Стопы бывают следующих типов: CV,

³⁴ Соответствия гуру *tV* – яурэ *tV*, гуру *dV* – яурэ *tV* обычно имеют место при наличии закрытой гласной в слоге. Если вспомнить, что в гуру при закрытой гласной тон реализуется осязательно выше, соответствия становятся понятными.

³⁵ Я хочу поблагодарить Томаса Беарта за его ценные комментарии и критику, которые позволили мне исправить важные неточности в характеристике тональной системы тура. Сделанное им описание тональной системы тура базируется на инструментальном анализе.

CVV, CVη, CVLV, CVLVη, CVVV, CVVη (последний тип представлен лишь одним примером). Для тонального поведения двусложной стопы характерны следующие особенности, отличающие ее от простого сочетания слогов:

а) хотя каждый из слогов стопы способен нести свою собственную тонему, тон начального слога не может быть выше тона начального слога;

б) в позиции второго члена именной синтагмы тон всей стопы меняется на сверхнизкий (*tʃŋ* "закон" – *pēé tʃŋ* "закон деревни"). В той же позиции существительные, не являющие собой единую стопу, меняют только тон первого слога (*udŋ* "lemon" – *pēé ud-ŋ* "village lemon").

Грамматические тоны хорошо представлены в аспекто-темпорально-модальной системе, а также в парадигмах личных местоимений. Ударение отсутствует [Bearth 1971]. Таким образом, в языках манде стопа может выступать как рабочая единица фонологии даже в отсутствие ударения.

9.4. Дан демонстрирует большое диалектное разнообразие в отношении инвентаря тоном. В западных диалектах выделяют три уровневых тонемы и две контурных (среднепадающая и "ассимилирующаяся падающая"), в восточных – 4 или 5 уровневых и контурные [Flik 1977]. Так, в диалекте гуэта имеется 5 уровневых тоном и две контурных – падающая и восходящая (последний удалось обнаружить лишь в одном односложном слове, *pi* "калебаса для пальмового вина"). Впрочем, количество контурных тоном зависит и от того, как определять слог в дан. Так, в соответствии с анализом Беарта и Земпа [Bearth, Zemp 1967], практически все морфемы в диалекте гуэта односложны. Однако возможна и другая интерпретация: последовательности, у этих авторов интерпретирующиеся как *CwV* и *CyV*, могут рассматриваться как *CuV* и *CiV* соответственно, и тогда их правомерно считать двусложными стопами.

Тоны в дан несут грамматические функции. В диалекте гуэта сверхнизкий тон заменяет лексический тон глагольной основы в презенсе и прогрессиве. Тот же самый тон появляется на втором члене некоторых типов именной синтагмы. В западных диалектах ту же роль играет "ассимилированный падающий" тон.

9.5. Гбан имеет четыре уровневых и две контурных тонемы – восходящую (от сверхнизкого к сверхвысокому) и средневосходящую (от сверхнизкого к высокому) [Le Saout 1973]. Сегментный субстрат тонемы – слог; стопа, очевидно, также релевантна, однако это предположение нуждается в дополнительной проверке.

Огромную роль в этом языке играют грамматические тоны. Они входят как интегральная часть, вместе с сегментными и субморфными признаками, в очень сложную, но при этом стройную парадигму, включающую в себя всю местоименную и глагольную морфологию [Желтов 2002].

9.6. Тональные системы остальных языков южной группы (мван, уан, ману, бен) изучены поверхностно. Ясно лишь, что все они трехуровневые, остальные их особенности еще только предстоит исследовать.

Встает вопрос: каким мог быть тональный тип праманде? Очевидно, до тех пор, пока не будет сделана реконструкция на всех языковых уровнях, любое предположение тут будет весьма гипотетично. Поэтому нижеследующие мысли и следует рассматривать лишь как предварительные гипотезы.

Система праманде была, по-видимому, двухуровневой, сегментным субстратом тонемы была морфема (или стопа). Имелось, по-видимому, не менее трех тоном: В, Н-В, В-Н. Весьма вероятен *downdrift*. О наличии или отсутствии ударения в праманде говорить слишком рано – пока что ни ту, ни другую возможность исключать не стоит. Грамматические тоны в современных языках являются в большинстве случаев инновациями, однако по крайней мере две тональные морфемы могут претендовать на отнесение их к уровню праманде: низкий тон как маркер второго члена детерминативной именной синтагмы (ср. *van*, *soso*, большинство ЮЗМ, тура, дан, отчасти сонинке). и низкий тон глагольной основы как видовременной показатель.

Расширение сегментного субстрата тонемы до слова или синтагмы в языках манден можно считать инновацией. Дальнейшее движение по этому пути может привести к преобразованию системы в акцентную, примером чему может служить мандинка.

В "моноэтнических" языках обнаруживается сильная тенденция к преобразованию двухуровневых систем в многоуровневые. Очевидно, в этом процессе большую роль играют ареальные факторы. Можно предположить, что механизмы этого процесса могут быть следующими:

а) расщепление уровневой тонемы в языках с тонопонижающими согласными, возникающее в результате слияния глухих и звонких или имплозивных и звонких фонем (ср. пример гуру и яурэ, возможно также боко);

б) возникновение новых уровневых или контурных тоном под воздействием плавающих грамматических тонов (ср. клелле, боко);

в) тональная дифференциация в ходе стяжения двусложных морфем в однослоги по схеме $CVCV \rightarrow CVV \rightarrow C\bar{V} \rightarrow C\bar{V}$ или $C\bar{V}$ или подобным.

Рассмотрим теперь, как соотносится материал языков манде и предлагаемая здесь интерпретация этого материала с общепринятыми в тонологии взглядами. Поскольку литература по типологии тональных систем в мире очень обильна, ограничимся здесь обобщающими работами авторитетных российских авторов [Виноградов 1990; Касевич 1983; Касевич и др. 1990].

Одна поправка имеет непринципиальный характер: в статье В.А. Виноградова утверждается, что максимально возможное число значимых уровней тонов – четыре. Это опровергается данными дан-гуэта, наличие в котором 5 уровневых тоном не вызывает никаких сомнений³⁶.

Другой пункт, который вызывает вопросы – это сегментный базис тонемы: "...функциональный носитель (тона) – слог... Слово ... служит для тона минимальной и достаточной областью его синтагматической идентификации" [Виноградов 1990]. Как мы убедились, оба эти положения в языках манде нарушаются: а) во многих языках сегментным базисом тонемы оказывается морфема (юго-западные манде), стопа (гуру) или слово (языки манден); б) если под синтагматической идентификацией тона подразумевается реализация всех дистинктивных характеристик тонемы в контексте, то в таких языках, как мау и лоома, слово не является достаточным контекстом – плавающие тоны, присущие слову (и являющиеся частью тонемы), проявляются на смежных с ним словах.

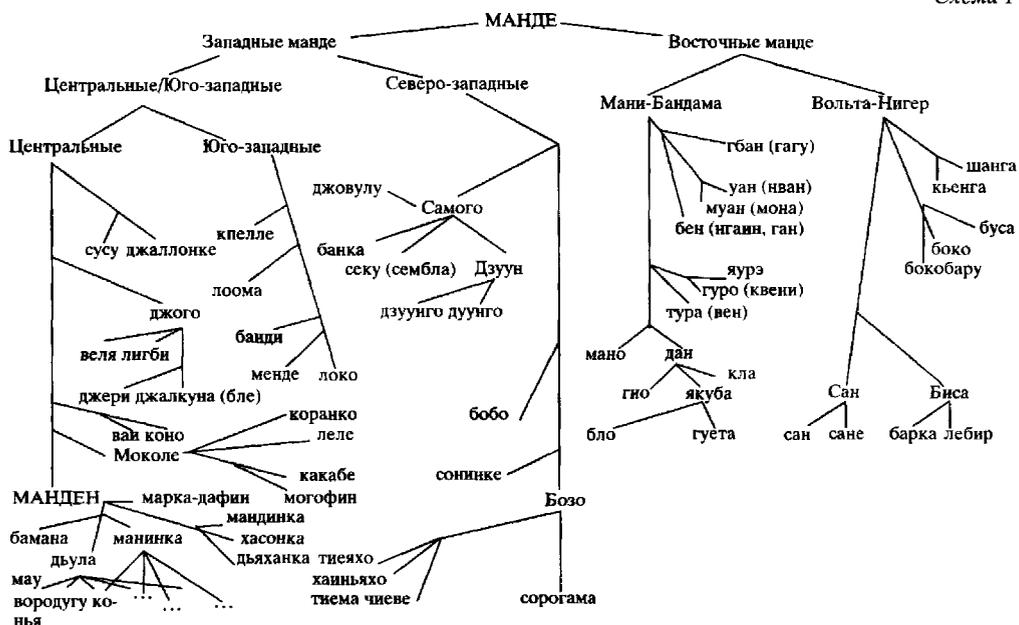
Особенно категорично сводит тон к слогу В.Б. Касевич в книге "Фонологические проблемы общего и восточного языкознания" [Касевич 1983]. Однако в публикации [Касевич и др. 1990] он смягчает свою позицию – именно с учетом данных языков манде. Теперь он признает, что сегментным и функциональным базисом тона может являться морфема или слово [Там же: 23] – хотя последнее и представляется ему маловероятным.

Любопытны данные языков манде и для решения вопроса о сосуществовании тона и ударения. В.Б. Касевич [1983: 175–181] признает, с большими оговорками, возможность такого сосуществования лишь для языков, переживающих перестройку "от слогоморфемного и слогового типа к словесному и неслоговому". Аналогичное мнение высказывает и В.А. Виноградов. Как представляется, данные манде дают повод усомниться в абсолютности этого положения: в гуру и клелле, а возможно также в бобо и сан, ударение сосуществует с политоническими системами. Такое же сосуществование может быть, по-видимому, реконструировано и для прото-дан. Есть основания полагать, что устранение такого сосуществования в дан произошло за счет редукции безударного слога, моносиллабизации морфем и, соответственно, исчезновения ударения.

³⁶ Впрочем, само включение в МФА значков для 5 уровневых тонов свидетельствует о том, что по этому вопросу в лингвистическом сообществе достигнут консенсус.

Наконец, весьма интересен в типологическом плане вопрос о возможности сосуществования в языке ударных и безударных слов – что, как представляется, имеет место в языке гуру. Саму теоретическую возможность такой ситуации В.Б. Касевич достаточно категорично отрицает; с другой стороны, подобная ситуация описана в багвалинском языке [Кодзасов 2001], где имеются слова с сильным ударением, слабым ударением и без ударения, причем эти противопоставления подтверждаются наличием минимальных пар.

Схема 1



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов 1990 – В.А. Виноградов. Тон // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Выдрин 1997 – В.Ф. Выдрин. Следы именной классификации в языках манде // Основы африканского языкознания / Под ред. В.А. Виноградова. М., 1997.
- Выдрин 2001a – В.Ф. Выдрин. Языки манде и теория языков слогового строя // VI международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (25–28 сентября 2001 г.); Материалы и тезисы докладов. СПб., 2001.
- Выдрин 2001б – В.Ф. Выдрин. Фонологический тип и именная морфология пра-манде. Автореф. докт. дис. ... филол. СПб., 2001.
- Выдрин, Томчина 1999 – В.Ф. Выдрин, С.И. Томчина. Манден-русский словарь (манинка, бамана). Т. 1. СПб., 1999.
- Желтов 2002 – А.Ю. Желтов. Синтаксис, дейксис и прагматика: грамматика без границ или суперфлексивность в аналитическом языке (краткий очерк глагольной системы языка гбан) // Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию К. Позднякова) / Под ред. В.Ф. Выдриной, А.Ю. Желтова. СПб., 2002.
- Касевич 1983 – В.Б. Касевич. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Касевич и др. 1990 – В.Б. Касевич, Е.М. Шабельникова, В.В. Рыбин. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.
- Кодзасов 2001 – С.В. Кодзасов. Просодия слова // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001.

- Кодзасов Кривнова 2001 – *С В Кодзасов О Ф Кривнова* Общая фонетика М., 2001
- Петрянкина 1983 – *В И Петрянкина* Типы предложения и интонация в языке бамана // Вопросы африканского языкознания Вып II М., 1983
- Bearth 1971 – *T Bearth* L enonce toura Norman (Oklahoma), 1971
- Bearth, Zemp 1967 – *T Bearth H Zemp* The phonology of Dan (Santa) // Journal of African languages 1967 V 6 Pt 1
- Benoist 1969 – *J P Benoist* Grammaire gouro (groupe mandé – Côte d'Ivoire) Lyon, 1969
- Creissels 1982a – *D Creissels* Ton et accent en mandinka // Paper presented to the Leiden Colloquium Ms 1982
- Creissels 1982b – *D Creissels* Notes d'enquête sur le systeme tonal du maukakan (Parler Manding du Maou) // Cahiers ivoiriens de recherche linguistique (Abidjan) 1982 № 11
- Creissels 1987/88 – *D Creissels* Esquisse du systeme tonal du korokan // Mandenkan (Paris) 1987/1988 № 14–15
- Creissels 1988 (manuscrit) – *D Creissels* Liste lexicale provisoire du dialonke de Faleya mise a jour en oct -nov 1988
- Creissels 1991 – *D Creissels* Remarques sur le systeme tonal du soninke // Linguistique africaine Paris, 1991 № 6
- Creissels 1992 – *D Creissels* Quelques precisions sur la tonalite du verbe soninke // Linguistique africaine Paris, 1992 № 8
- Creissels (manuscrit) – *D Creissels* Regles de realisation tonale et structure des syllabes en dialonke de Faleya
- Creissels, Gregoire 1993 – *D Greissels C Gregoire* La notion de ton marque dans l'analyse d'une opposition tonale binaire Le cas du mandingue // Journal of African languages and linguistics Leiden 1993 № 14
- Creissels et al 1982 – *D Creissels S Jatta K Jobarteh* Lexique Mandinka-Français // Mandenkan (Paris) 1982 № 3
- Diagana 1984 – *Ou M Diagana* Le parler soninke de Kaedi (Mauritanie) Syntaxe et sens Thèse de Doctorat Univ de R Descartes Paris, 1984
- Dwyer 1973 – *D J Dwyer* The comparative tonology of Southwestern Mandé nominals Ph D Thesis Michigan State University, 1973
- Dwyer 1978a – *D J Dwyer* What sort of tone language is Mende? // Studies in African linguistics Los Angeles, 1978 V 9 № 2
- Dwyer 1978b – *D J Dwyer* Idiosyncratic, suprasegmental processes in Mende // Studies in African Linguistics Los Angeles, 1978 V 9 № 3
- Dwyer 1981 – *D J Dwyer* Loma, a language with inverted tones // Anthropological linguistics Bloomington 1981 V 23 № 9
- Flik 1977 – *E Flik* Tone glides and registers in five Dan dialects // Linguistics (La Haye) 1977 № 201
- Friedlander n d – (*M Friedlander*) Lexique Susu-Français Rep de Guinee, n d
- Galtier et al 1979 – *G Galtier M Dantioko Z Drame* Lexique Soninke-Français Bamako, 1979
- Gregoire H 1976 – *H C Gregoire* Etude de la langue gouro (Côte-d'Ivoire) Phonétique – Phonologie – Enquête lexicale Université Paris III Thèse de III-e cycle 1976
- Gregoire C 1978 – *C Gregoire* La tonalite des mots composés et celle du present progressif en soso // Journées d'etudes, Langues et linguistique manding Orcemont, 5–7 Juillet 1978 V 1
- Gregoire C, de Halleux 1994 – *C Gregoire, B de Halleux* Étude lexicostatistique de quarante-trois langues et dialectes mande // Africana linguistica XI V 142 1994
- Grossmann et al 1991 (manuscrit) – *R Grossmann et al* Bandi Dictionary 1991
- GTLB 1982 – Guide de Transcription et Lexique Bozo (Teyaxo sawananbaana yee a xarabuye) Bamako 1982
- Heydorn 1940–1941 – *R W Heydorn* Die Sprache der Bandi in nordwestlichen Liberia // Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen Bd XXXI Hf 2 1940 Hf 3 1941
- Hopkins 1982 – *B Hopkins* Etude tonologique du yaoure // Cahiers ivoiriens de recherches linguistiques (Abidjan) 1982 № 11
- Innes 1969 – *G Innes* A Mende-English Dictionary Cambridge, 1969
- Jones 1998 – *R M Jones* The Boko/Busa language cluster LINCOM studies in African linguistics 30 Munchen, Newcastle, 1998
- Kastenholz 1987 – *R Kastenholz* Das Koranko Ein Beitrag zur Erforschung der Nord-Mandé Sprachen Dissertation Universität zu Köln, 1987
- Kastenholz 1997 – *R Kastenholz* Sprachgeschichte im West-Mandé Methoden und Rekonstruktionen Köln 1997

- Lacan 1942 – *P Lacan Grammaire et dictionnaire français-soussou et soussou-français* Bordeaux–Conakri♥ Kindia, 1942
- Leben 1973 – *W Leben* Suprasegmental phonology Doctoral dissertation 1973
- Le Bris, Prost 1981 – *P Le Bris A Prost* Dictionnaire bobo-français, precede d'une introduction grammaticale et suivi d'un Lexique français–bobo Paris, 1981
- Leger 1975 – *J Leger* Dictionnaire guerze (kpele wo) Nzerekore, 1975
- Leidenfrost, McKay 1973 – *Th E Leidenfrost J S McKay* Kpelle-English Dictionary Pt 1 Totota, 1973
- Le Saout 1973 – *J Le Saout* Etude descriptive du Gban phonetique et phonologie Paris, 1976
- Le Saout 1979 – *J Le Saout* Notes sur la phonologie du Gouro (zone de Zuenoula) Nice, 1979
- Mugele, Rodewald 1991 – *R Mugele M Rodewald* Aspects of Bandi Tonology // *Studies in African linguistics* (Los Angelos) 1991 V 22 № 1
- Platiel 1974 – *S Platiel* Description du parler Samo de Toma, phonologie-syntaxe Thèse de Doctorat d'Etat Paris, 1974
- Prost 1967 – *A Prost* La langue Lõghõma Esquisse grammaticale suivie de textes et d'un glossaire Université de Dakar 1967 Documents linguistiques № 13
- Rialland 1990 – *A Rialland* La structure du systeme tonal soninke // *Linguistique africaine* Paris 1990 № 5
- Rialland 1991 – *A Rialland* A propos de la prosodie du soninké réponse a Denis Creissels et réflexions sur la valeur explicative des analyses // *Linguistique africaine* Paris, 1991 № 7
- Rodewald 1989 – *M K Rodewald* A grammar of Bandi and Mende Tone M A Thesis, Arlington University of Texas 1989
- Sadler 1951 – *W L Sadler* Untangled Loma Baltimore, 1951
- Smeltzer B, Smeltzer S 1997 – *B Smeltzer, S Smeltzer* Lexiques Soninke-Français Index Français-Soninke Bamako, 1997
- Touré 1994 – *A Toure* Elements de description de la langue soso Thèse de Doctorat Université Stendhal-Grenoble III, 1994
- Traoré 1998 – *P Solomiac (ed) A Traore F Traore* Dzuungoo dzuon tsunfyèè nan ko a sebeun n kur'la Lexique orthographique dzuungoo-français Ouagadougou, 1998
- Vydrine 1989 – *V Vydrine* Tonal system of Looma language // *Mandenkan* (Paris), 1989 № 18
- Vydrine 2001 – *V Vydrine* Esquisse contrastive du Kagoro (Manding) Mainz, 2001
- Vydrine (manuscrit) – *V Vydrine* La phonologie gouro deux décennies après Le Saout
- W E C 1995 – *Mandinka-English dictionary Revised Edition* Banjul 1995
- Welmers 1962 – *W E Welmers* The Phonology of Kpelle // *Journal of African Languages* (London) 1962 V 1 № 1
- Welmers 1973 – *W E Welmers* African language structures Berkeley, Los Angeles, London, 1973
- Welmers 1976 – *W E Welmers* A grammar of Vai Berkeley, Los Angeles, London, 1976
- Winkler 1997 – *E G Winkler* Kpelle-English Dictionary with English-Kpelle Glossary Bloomington, 1997

© 2003 г. В.М. АЛПАТОВ

СТО ЛЕТ СПУСТЯ, ИЛИ СБЫВАЮТСЯ ЛИ ПРОГНОЗЫ?

Среди обширного и богатого идеями наследия И.А. Бодуэна де Куртенэ особый интерес именно сейчас вызывает статья "Языкознание, или лингвистика XIX века", впервые изданная по-польски в 1901 г. и в расширенном виде в 1904 г. Ее русский перевод вошел в известный двухтомник 1963 г. "Избранных трудов по общему языкознанию" И.А. Бодуэна де Куртенэ, т. 2, с. 3–18; на это издание (а точнее, на с. 16–18) мы будем в дальнейшем ссылаться (сейчас готовится новое издание трудов И.А. Бодуэна де Куртенэ, куда вновь войдет эта статья).

В статье, большая часть которой посвящена подведению итогов науки о языке XIX в., в наши дни особо актуальна ее заключительная часть, где выдающийся ученый делает развернутый прогноз из 17 пунктов, касающийся того, какой, по его мнению, будет наука о языке в наступающем XX веке. И.А. Бодуэн де Куртенэ, как известно, одним из немногих среди классиков языкознания активно ставил вопрос о языковом прогнозировании, о необходимости изучать не только прошлое и настоящее, но и будущее языков. Этот принцип он распространил в данной статье и на лингвистическую историографию.

Сейчас, когда XX век только что кончился, можно рассмотреть предложенные около ста лет назад прогнозы и попытаться ответить на естественно встающий вопрос: что оправдалось, а что нет. Мы будем последовательно разбирать пункты из статьи И.А. Бодуэна де Куртенэ, а также идущие после них три нумерованных абзаца.

"В XX в. языкознанию придется решить следующие задачи:

1. До конца освободиться от схоластических взглядов, идущих от первоначальных грамматических опытов греков и римлян, а также от более позднего налета идей, рабски перенятых либо от индийских грамматиков, либо от грамматиков арабских и еврейских. В связи с этим существовавшая до сих пор лингвистическая терминология должна измениться коренным образом, измениться не только по форме, но и по существу, в том, что касается понятий".

Прогноз сформулирован не очень конкретно, но скорее всего можно утверждать, что сбылся он лишь частично. Понятия предложения, слова, части речи, имени, глагола и др., идущие от греков и римлян, оказались неустраиваемыми из лингвистического описания. XX век, однако (и здесь И.А. Бодуэн де Куртенэ в некотором смысле прав), прошел под знаком многочисленных и разнообразных попыток уточнения этих понятий. Эти попытки не были свойственны лингвистике предшествующих веков и начались лишь в конце XIX в., в том числе в работах самого И.А. Бодуэна де Куртенэ. Ученый здесь, вероятно, экстраполировал в будущее этот процесс и в целом оказался прав. Что касается арабских и еврейских грамматиков, то на европейскую науку в целом (не говорим сейчас о семитологии) они прежде всего повлияли в одном отношении: от них идет идея о возможности членения слова на значимые части, понятия корня и аффикса. Но сам И.А. Бодуэн де Куртенэ значительно развил и уточнил эту идею, введя общее понятие морфемы. Объективно речь у него не шла об "освобождении до конца" от данного "налета идей" (хотя он, может быть, субъективно того хотел). А из идей, пришедших от индийцев, уточнение понятия сандхи привело в XX в. к созданию морфологии; индийское происхождение имеет и идея синтетического под-

хода к языку, преобразования смысла в текст, абсолютно не свойственная европейской лингвистике от античности до эпохи И.А. Бодуэна де Куртенэ включительно (риторика развивалась отдельно); в лингвистике XX в. эта идея, появившаяся уже у учеников И.А. Бодуэна де Куртенэ ("активная грамматика" Л.В. Щербы), сыграла очень значительную роль.

И.А. Бодуэну де Куртенэ (как и многим его современникам и ближайшим потомкам) была свойственна недооценка "донаучного" языкознания до XIX в., см. например, крайне низкую оценку у него грамматики Пор-Рояля. Одним из редких исключений для него был Г.В. Лейбниц, о котором речь идет в следующем пункте. Но лингвистика XX в. во многом восстановила репутацию науки о языке XVIII в. и предшествующих веков; показательна, например, "вторая жизнь" грамматики Пор-Рояля с 60-х гг. XX в. Этого И.А. Бодуэн де Куртенэ не предугадал. Традиционные понятия в целом устояли, а некоторые из них вернулись в обиход лингвистики после временного забвения. Речь, разумеется, не шла о простом возвращении к старому.

"2. Осуществить мысль Лейбница и, в подражание естествоиспытателям, исходить всюду и всегда из исследования живых языков, доступных для наблюдения, и только потом переходить к рассмотрению языков, отраженных лишь в письменных памятниках древности".

Этот прогноз в целом оправдался. И структурная, и генеративная лингвистика XX в. развивались почти исключительно на материале современных языков. Даже компаративистика XX в. достигла большинства успехов на материале языковых семей, не имеющих или имеющих в малых количествах письменные памятники древних эпох. Лишь сравнительно немногие достижения лингвистики XX в. (хеттология, тохаристика, дешифровка ряда письменностей) связаны с такими памятниками.

"3. Где только можно, применять метод эксперимента. Это лучше всего осуществимо в антропофонике, которая должна расширить объем своих наблюдений, включив, с одной стороны, звуки, издаваемые животными, а с другой стороны, языки с особенностями произношения, которые до сих пор оставались непонятными для нас. Таким образом, антропофоника, расширив область исследования, на деле станет наукой общей, строящейся на реальном базисе".

В целом этот прогноз также оправдался: в XX в. применение эксперимента в лингвистике значительно расширилось, и не только в упоминаемой И.А. Бодуэном де Куртенэ фонетике, но и в психолингвистике, полевой лингвистике и др. Здесь же речь идет более конкретно об антропофонике. Под этим термином И.А. Бодуэн де Куртенэ, как известно, понимал изучение физических свойств и артикуляторных характеристик звуков речи; в XX в. в этом смысле установился термин "фонетика". Говоря об этой дисциплине, ученый оказался прав в целом и не всегда прав в деталях. Несомненно, фонетика, став экспериментальной дисциплиной в XIX в., сохранила этот характер и в XX в. Изучение звуков животных в XX в. также велось, однако, вне связи с "человеческой" фонетикой: стало ясно, что эти области слишком далеки друг от друга. Что же касается "возможностей произношения", то сто лет назад в науке еще не была преодолена идея, согласно которой люди разных рас обладают разными произносительными возможностями. Наука XX в. окончательно (по крайней мере, так представляется сейчас) пришла к выводу о том, что строение голосового аппарата и акустика звуков универсальны для всех людей, а наличие щелкающих или фарингальных в одних языках при отсутствии в других – проблема фонологии, а не фонетики.

"4. В связи с этим становится необходимой замена знаков алфавита знаками транскрипции на основе анализа или разбора звуков различных языков".

Прогноз оправдался до такой степени, что современному лингвистически образованному читателю может даже показаться странным, зачем такие вещи вообще надо обсуждать. Однако сто лет назад даже многие фонетисты, записывая речь того или иного языка или диалекта, "слышали" буквы, а не звуки. Борьба со смешением звуков с буквами постоянно ведется в разных публикациях И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Теперь, конечно, в отдельных малопрофессиональных работах такое смешение встречается, но использование транскрипции уже давно общепринято.

"5. Нужно чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление и таким образом приблизить его все более и более к наукам точным".

Прогноз бесспорно оправдался. Примеры математизации лингвистики общеизвестны. Отметим лишь, что в отличие от четырех предыдущих прогнозов, так или иначе опиравшихся на уже существовавшие к концу XIX в. тенденции, здесь И.А. Бодуэн де Куртенэ мог исходить лишь из способностей к предвидению или из опыта других, очень далеких от лингвистики наук. Всерьез проблема математизации лингвистики встала лишь в 40–50-е гг. XX века.

"6. Языкознание будет становиться все более точной наукой также в зависимости от того, насколько в его базисной науке, в психологии, будет совершенствоваться метод качественного анализа".

Впервые мы имеем прогноз, который скорее всего следует считать не оправдавшимся. "Метод качественного анализа" в психологии безусловно развивался в XX в., однако вряд ли это как-то сказалось на превращении лингвистики в более точную науку; последний процесс шел, но прежде всего по причинам, о которых говорится в предыдущем пункте.

В этом пункте мы в первый раз сталкиваемся с проблемой, которая отразится еще в нескольких пунктах; проблемой психологии как "базисной науки" лингвистики. И.А. Бодуэн де Куртенэ придавал этому очень большое значение, вспомним его определения фонемы и морфемы как единиц, реально существующих в человеческой психике. Психологизм не был каким-то индивидуальным свойством его концепции, он был свойствен и главным его научным оппонентам – младограмматикам, и многим другим его современникам. Однако в первой половине XX в. развитие лингвистики пошло противоположно предсказаниям Ивана Александровича, считавшего усиление психологизма в лингвистике неизбежным. Антипсихологизм господствовал почти во всех направлениях структурной лингвистики, лишь немногие из видных ученых 20–30-х гг. XX в. отстаивали необходимость учета взаимоотношений языка и психики: К. Бюлер, А. Гардинер, Э. Сепир. Но во второй половине века ситуация изменилась. Это отразилось не только в формировании и развитии психолингвистики, но еще в большей степени в концепции Н. Хомского, предложившего считать лингвистику ветвью психологии познания. Однако, разумеется, возврат к признанию психологических основ лингвистики происходит в форме, которую не мог предугадать И.А. Бодуэн де Куртенэ.

"7. Исследование языковых фактов должно стать строго объективным, оно должно быть констатацией существенных фактов данной эпохи и данной языковой области без навязывания им чужих категорий".

Этот прогноз в целом оправдался, хотя, конечно, надо различать стремление к объективности и к отказу от навязывания чуждых категорий как стремление к идеалу и реальную исследовательскую практику. Первое сейчас общепринято (тогда как наука XIX и более ранних веков чаще всего просто не задумывалась над этим), а на практике вряд ли идеал до конца достигнут. Но в XX в. на пути к этому сделано много. Сто лет назад, например, в описании современных языков за пределами Европы господствовал жанр миссионерской грамматики, в котором в любом языке выделялись одни и те же части речи, грамматические категории и др. Наука XX в., начиная с "классического" структурализма, сделала много для выяснения того, что в языках универсально, а что является типологической особенностью тех или иных языков, например, языков Европы. Важным здесь также была разработка метода описания языков, особенно детальная у дескриптивистов.

"8. Первым, кардинальным требованием объективного исследования должно быть убеждение в безусловной психичности (психологичности) и социальности (социологичности) человеческой речи".

Этот прогноз оказался абсолютно неверным в ближайшей, но во многом справедливый в более отдаленной перспективе. В структурной лингвистике психичность и социальность, не отвергаясь сами по себе, вывелись за пределы объекта "внутренней лингвистики", а то и лингвистики вообще (особенно последовательно – в глоссематике и дескриптивизме). О психических основах мы говорили выше. О социальных основах речи писали в те годы либо продолжатели бодуэновской традиции (Е.Д. Поливанов), либо авторы, резко противостоявшие по идеям всем тенденциям развития науки того времени (В.Н. Волошинов – М.М. Бахтин). Однако лингвистика второй половины XX века в том или ином виде снимает ограничения, установленные Ф. де Соссюром и его последователями. Впрочем, психичность и социальность может не признаваться одновременно: Н. Хомский связывает лингвистику с психологией, но весьма прохладно относится к внесению в лингвистику социологического компонента. С другой стороны, последний компонент значим не только в собственно социолингвистике, но и в лингвистике дискурса, прагматике и др.

"9. Понятие "звуковых законов" должно быть окончательно отброшено языкознанием и заменено его психологическим эквивалентом".

Этот прогноз не оправдался. Во всем научном творчестве И.А. Бодуэна де Куртенэ заметно очень личное отношение к термину "закон" в лингвистике, восходящее, по-видимому, ко времени его научного и личного расхождения с Н.В. Крушевским, в концепции которого понятие закона занимало очень большое место. Постоянно И.А. Бодуэн де Куртенэ выступал против данного понятия. Однако в лингвистике XX в. разработанное в XIX в. понятие звукового закона (и шире, закона изменения в языке) сохранилось, хотя и не играет столь большой роли, как в предыдущем веке. Практическая работа компаративиста невозможна без некоторого представления о звуковом законе. Вопрос о психологическом эквиваленте звукового закона составляет часть вопроса о причинах изменений в языке и вместе с ним отошел в XX в. на периферию лингвистики, о чем будет сказано ниже.

"10. Исследуемые языки должны подвергаться всестороннему поэлементному анализу во всех возможных направлениях".

Прогноз оправдался. Структурная фонология и морфология разработала методику поэлементного анализа в соответствующих областях лингвистики, а генеративная лингвистика ведет эту разработку дальше, распространив ее и на синтаксис. Что касается направлений, то, например, в грамматике сто лет назад абсолютно господствовал один путь анализа: от слова вниз, к его частям, и вверх, к его сочетаниям. В науке XX в. был разработан и путь "снизу вверх", от морфем через слова (или без использования такого понятия) к предложениям, и путь "сверху вниз", от предложений к морфемам (последний путь одним из первых разрабатывал как раз И.А. Бодуэн де Куртенэ).

«11. Понятие развития и эволюции должно стать основой лингвистического мышления. Это должно привести *eo ipso* (само собой. – В.А.) к искоренению предрассудка, называемого антропоцентризмом, предрассудка, вырывающего человека из среды других живых существ, а также к освобождению от мании величия, заключающейся в том, что строение "наших" языков считается вершиной морфологического развития в языковом мире».

Прогноз в целом не оправдался. Точнее, его можно разбить на три предсказания, из которых оправдалось лишь последнее, самое частное, о "вершине морфологического развития".

Лингвистическое мышление XX в., по крайней мере, большей его части, шло как раз в сторону отхода от идей развития и эволюции. Пожалуй, именно здесь, а даже не в психологизме, И.А. Бодуэн де Куртенэ более всего отличался от ученых последующих поколений. Задолго до Ф. де Соссюра он предложил разграничение статичности и динамики в языке. Но если его статика сопоставима с соссюровской синхронией, то динамика значительно богаче содержанием, чем соссюровская диахрония: это не набор разрозненных фактов, а наука о закономерностях языкового развития. Но именно динамика в целом оказалась чужда лингвистике первой половине XX в. (хотя

некоторые идеи, особенно принцип экономии, получили там некоторое развитие). Идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ больше всего повлияли на нее в области статистики, которую ученый считал лишь частным, предельным случаем динамики (прежде всего идеи о фонеме и морфеме). А Ф. де Соссюр столь повлиял на развитие науки именно тем, что открыл возможность развивать науку о языке, отвлекаясь от существования самой разработанной в те годы ее области – сравнительно-исторического языкознания, целиком сосредоточившись на считавшейся тогда "не вполне научной", "описательной" синхронии. Позднее появилась и структурная диахронная лингвистика, однако и она не пошла по пути, указанному И.А. Бодуэном де Куртенэ. В частности, она отказалась от понятий эволюции и развития, сосредоточившись на дискретных изменениях в языке и перестройке системы на их основе. Лингвистика конца XX в. уже не исходит из столь жесткого, как когда-то, разграничения синхронии и диахронии, однако трудно считать, чтобы понятия развития и эволюции лежали в ее основе. Вообще проблема причин языкового развития, едва ли не главная для самого Ивана Александровича, а затем для его ученика Е.Д. Поливанова, ушла в XX в. на периферию лингвистики, хотя здесь иногда и появлялись значительные работы, например, "Принцип экономии в фонетических изменениях" А. Мартине. Эта проблема оказалась перенесенной на XXI век.

Не оправдался и прогноз об "искоренении" антропоцентризма. Пожалуй, этот тезис противоречит ряду других у И.А. Бодуэна де Куртенэ, в том числе и содержащихся в разбираемом нами тексте. Признание лингвистики психосоциологической наукой естественно сочетается с антропоцентризмом, а его "искоренение" в истории лингвистики как раз связано с подходом к лингвистике как естественной науке, которого И.А. Бодуэн де Куртенэ не принимал. После некоторых попыток такого "искоренения" в крайних направлениях структурализма мы видим полное господство антропоцентрического, "менталистского" подхода в последней трети XX века. Н. Хомский, как известно, выдвинул концепцию о качественном различии человека и животных в связи с языком.

Подтвердился лишь частный прогноз о том, что окончательно уйдет в прошлое идея о том, что языки Европы с точки зрения морфологического развития – самые совершенные. Такая идея, очень распространенная в начале и середине XIX в., уже к концу этого века стала отвергаться, а в XX в. от нее отказались (хотя были и рецидивы вроде марризма).

"12. Понятие эволюции должно привести к допущению постоянных осцилляций, колебаний в строении языка (в области сложных языковых форм: слов, выражений и предложений – переход централизации в децентрализацию и децентрализации в централизацию)".

Опять пример прогноза, неверного в ближайшей перспективе, но во многом верного в более отдаленной. По-видимому, И.А. Бодуэн де Куртенэ имел в виду, что идея "осцилляций" должна заменить идею однонаправленного, стадиального развития, сильно скомпрометированную в XIX в. Однако лингвистика в течение большей части XX в. вообще почти не занималась исторической типологией, а отдельные ее идеи на этот счет скорее имели характер однонаправленного развития в смягченном виде: понятие дрейфа у Э. Сепира и др. Но так называемая функционалистская типология последней четверти XX в., особенно в США и России, начала разрабатывать как раз проблему, поднятую И.А. Бодуэном де Куртенэ: грамматикализация и деграмматикализация, движение от подлежащего к топику и в обратном направлении и т.д. Так что с сильной задержкой и этот прогноз начал сбываться.

"13. Лексиология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в."

Редкий термин "лексиология" (не лексикология!) встречается у И.А. Бодуэна де Куртенэ несколько раз, немного по-разному определяясь. Однако в энциклопедии Брокгауза и Ефрона он определял лексиологию как "науку о словах и выражениях самого разнообразного содержания и самого разнообразного объема" [Бодуэн 1904:

519], при этом "построение отдельных слов и словоподобных единиц языка" здесь же отнесено к "морфологии в тесном смысле". В другой работе примерно тех же лет лексикологией названо "учение о словах как частях речи и о разных категориях слов: грамматический род, виды глаголов и т.п." [Бодуэн 1963: 32], а "представления, касающиеся строя слов и выражений", опять-таки отделены. Можно предполагать, что под "лексикологией" ученый имел в виду лексическую и грамматическую семантику слов. Если это так, то прогноз можно считать оправданным, хотя опять-таки не в ближайшей перспективе. Лексическая семантика сто лет назад существовала (если отвлечься от исторического аспекта) лишь в виде приблизительных, основанных на интуиции толкований в словарях. Первая половина XX в. выдвинула здесь некоторые идеи вроде компонентного анализа, но значительного продвижения вперед не было. Но в последние три десятилетия действительно начала складываться разработанная лексическая семантика, в том числе в нашей стране. Теперь уже можно считать, что "наука о словах и выражениях самого разнообразного содержания и самого разнообразного объема" существует.

"14. Возможно, что будут обнаружены новые родственные связи между языками и группами языков и даже принципиально изменится взгляд на сущность межязыкового родства. Откроются совершенно новые горизонты. Имевшиеся до сих пор, в XIX в., попытки сопоставления в генетическом плане языков семитских и ариоевропейских или угро-финских и ариоевропейских не могли увенчаться успехом из-за отсутствия достаточных научных доказательств. Может быть, XX веку больше повезет в этом отношении. Одним из ближайших и первостепенных открытий в этой области является доказательство генетического родства группы семитских языков с кавказскими (грузино-мингрельскими) языками (открытие проф. Марра в Петербурге)".

Как и в случае предсказания 3, этот прогноз оправдался в целом при несовпадении с реальностью в частностях: Н.Я. Марр не сумел ничего доказать из того, что обещал. Кстати, к 1901 г. гипотеза о семитско-картвельском родстве существовала лишь в виде декларативных заявлений. Появившиеся позже более подробные публикации с конкретными примерами сразу разочаровали специалистов. Однако по сути И.А. Бодуэн де Куртенэ оказался прав. Если в XIX в. из областей компаративистики по-настоящему разработана была лишь индоевропеистика, то в XX в. произошли как многочисленные открытия в области установления родственных связей между неиндоевропейскими языками, так и существенное развитие исследований дальнего родства (ностратика). Горизонты действительно открылись (и гипотеза Н.Я. Марра в ее первоначальном виде была, как становится ясно сейчас, научно не обеспеченной догадкой, шедшей в правильном направлении). Не подтвердился лишь прогноз (на котором И.А. Бодуэн де Куртенэ явно категорически не настаивал) об изменении "взгляда на сущность межязыкового родства": этот взгляд оказался принципиально тем же, что в XIX веке.

"15. Языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией".

Опять мы имеем дело с прогнозом, который сейчас выглядит в большей степени оправдывающимся, чем в середине XX века. Вся первая его половина шла под знаком отделения лингвистики от других наук, выработки собственно лингвистических идей и методов. Кто-то с этим не был согласен: сам И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, Э. Сепир, но общая линия развития была такой. Однако последние десятилетия мы видим все большее развертывание обратного процесса, и соединение языкознания с другими науками идет.

"16. Этимологические и семасиологические исследования окажут огромное влияние на психологию и дадут ей совершенно новый материал для выводов и обобщений".

Этот прогноз, пожалуй, не оправдался, хотя и здесь проблема сейчас актуальнее, чем несколько десятилетий назад. Вопрос о влиянии лингвистики на психологию, поднятый еще в 60-е гг. Н. Хомским, в основном переходит на XXI век.

"17. Наряду с двумя до сих пор известными видами знания, т.е. рядом с интуитивно-артистическим и аналитически-научным знанием станет третий вид знания – знание языковое".

Этот прогноз наиболее сложен для понимания. Что такое "языковое знание", И.А. Бодуэн де Куртенэ в данной статье не объясняет, но в энциклопедической статье 1904 г. он пишет об этом подробнее: "...Мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, з н а н и е я з ы к о в о е, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим. В каждом языке мы можем выделять и определять наслоения и пережитки различных мировоззрений, или следовавших друг за другом в порядке хронологическом, или же отражающих собою различные стороны явлений природы и общественной жизни... В тесной связи с мышлением язык может воздействовать на него или ускоряюще, или замедляюще, или усиливающим, или подавляющим образом" [Бодуэн 1963: 79]. Далее в качестве примера разбираются членение мира в падежных системах различных языков и "применение закона эгоцентризма" в языках. То есть языковое знание – это примерно то, что в современных исследованиях называется картиной мира, закрепленной в языке.

Изучение картин мира в науке XIX в. систематически не проводилось, хотя проблема была поставлена еще В. фон Гумбольдтом. На протяжении большей части XX в. оно также находилось на периферии лингвистики, хотя можно вспомнить и Э. Сепира, и Б. Уорфа, и работы В.И. Абаева 30-х гг. Однако сейчас эта проблема стала в лингвистике одной из центральных. Если считать, что И.А. Бодуэн де Куртенэ имел в виду лишь изучение "языкового знания" в науке о языке, то прогноз можно считать подтвердившимся. Однако создается впечатление о том, что он имел в виду нечто большее: языковое знание войдет в некоторую общую теорию знания, где будет сопоставляться с другими видами знания; заниматься этим должна будет не лингвистика, а какая-то комплексная наука. Если понимать ученого так, то прогноз пока что не сбывся, а проблема переходит на XXI век. Примем компромиссное решение: прогноз сбывся частично.

Таким образом, можно подвести следующие итоги. У И.А. Бодуэна де Куртенэ 17 прогнозов, однако прогноз 11 состоит из трех прямо не связанных между собой частей и может быть разделен на три: по порядку их следования в тексте назовем их 11-1, 11-2, 11-3. Тогда у нас прогнозов будет 19. Из них полностью сбылись прогнозы 2, 4, 5, 7, 10, 11-3, то есть 6 из 19. Сбылись в конечном итоге (при том, что в первой половине века они не подтверждались) прогнозы 8, 12, 13, 15, то есть еще четыре. Частично сбылись прогнозы 1, 3, 14, 17. Не оправдавшимися можно считать лишь пять прогнозов: 6, 9, 11-1, 11-2, 16, то есть чуть более четверти. Если считать прогноз 11 за один, то он может быть отнесен к частично сбывшимся, тогда у нас из 17 прогнозов полностью сбылись пять, сбылись в дальней перспективе четыре, частично сбылись пять и не сбылись совсем лишь три. Процент "попадания" велик.

Безусловно, за сто лет приоритеты лингвистов не могли не измениться и не всегда мы можем считать, что И.А. Бодуэн де Куртенэ предугадал действительно самое важное из того, что потом произошло в лингвистике. Однако многое он предсказал правильно, и особенно примечательно, что он предугадал кое-что из того, к чему наука о языке пришла лишь во второй половине века.

Далее в статье идет фрагмент, где И.А. Бодуэн де Куртенэ уже не дает прогнозы о развитии науки, а высказывает свое представление о желательных изменениях в школьном и вузовском обучении языковым дисциплинам. Приведем его (им заканчивается статья):

«Но языкознание может принести пользу в ближайшем будущем, лишь освободившись от обязательного союза с филологией и историей литературы. Прежде всего университетские кафедры языкознания должны стать самостоятельными и объединиться скорее с кафедрами социологическими и естественно-научными, чем с филологическими.

К этому должны подготовить низшая и средняя школы, в которых применение языковедческих знаний займет не последнюю роль. Но для достижения этого нужно покончить с представлением, будто наука о языке начинается с "мертвых" языков, а обучение иностранным языкам должно происходить при помощи перевода, без применения наглядного метода. В школах грамматическая терминология должна стать единообразной, а основой усвоения грамматических понятий должен служить "родной" язык или же другой, соответствующим образом усвоенный. Искусство использования языкового материала для педагогических целей будет заключаться в осмыслении учениками бессознательных языковых процессов.

Чтобы это могло осуществиться, в школах должно прежде всего прекратиться господство мракобесия, препятствующего проникновению в головы молодежи света настоящей науки – науки в ее современном понимании».

Не будем сейчас говорить о том, насколько соответствует идеям И.А. Бодуэна де Куртенэ языковое обучение начала XXI века во всем мире. Скажем лишь о нашей стране, которую явно в первую очередь имел в виду ученый. Можно сказать, что его надежды оправдались лишь частично, причем в вузах и школах по-разному.

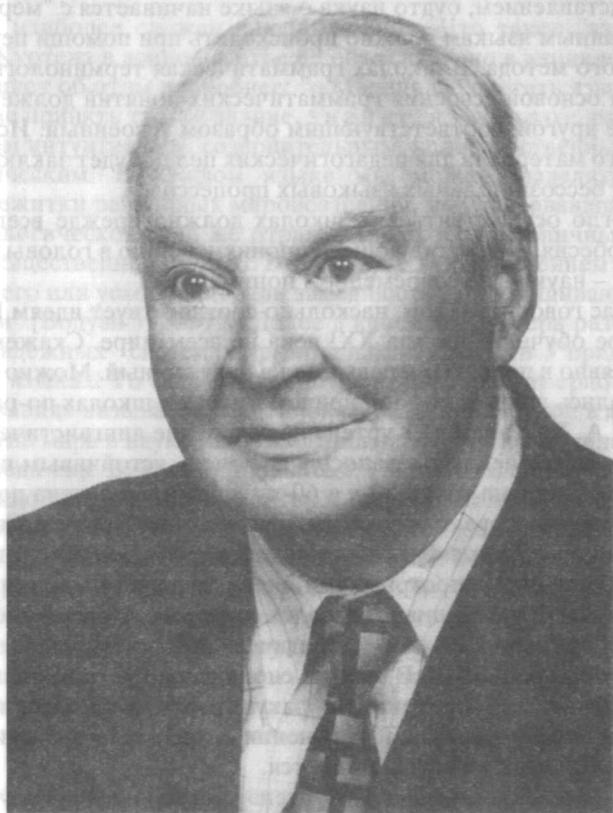
Осужденное И.А. Бодуэном де Куртенэ объединение лингвистического образования с филологическим в целом оказалось у нас очень устойчивым при всех общественных переменах. Лишь на грани 50-х и 60-х гг. была проведена попытка создания собственно лингвистического образования: в ряде вузов были созданы особые отделения лингвистики, иногда при факультетах кибернетики, но чаще при филологических, однако с собственными программами, не включавшими, как правило, филологические дисциплины. Затем, однако, начался откат, и от того времени сохранилось лишь отделение структурной (ныне – теоретической) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В 90-е гг. снова начали предприниматься попытки создания лингвистических отделений и факультетов, как правило, автономных. Идея И.А. Бодуэна де Куртенэ об объединении с социологическими и естественно-научными кафедрами пока не осуществляется.

В школе программа И.А. Бодуэна де Куртенэ частично начала осуществляться после 1917 г.: было ликвидировано классическое образование, против которого он всегда выступал, значительно изменилось преподавание иностранных языков, в 20-е гг. А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон и другие наши выдающиеся ученые много делали для того, чтобы школьное преподавание русского языка стало более научным. Однако их деятельность имела лишь частичный успех, а в последующие десятилетия во многом произошел и откат назад. Сейчас вновь стоит вопрос о переменах в обучении, причем иногда эталоном начинают считать ситуацию предреволюционных лет, можно слышать даже призывы к восстановлению классического образования. Кому-то может даже показаться странным, что столь крупный ученый как раз боролся против традиций времен "серебряного века", однако у него были для этого основания. Во всяком случае и здесь идеи Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ оказываются актуальными.

По данной публикации И.А. Бодуэна де Куртенэ см. также статью А.Е. Кибрика [Кибрик 1995], выводы которого близки к нашим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн 1904 – *Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 81. СПб., 1904.*
- Бодуэн 1963 – *Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.*
- Кибрик А.Е. 1995 – *Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 5.*



ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ЧЕШСКОГО УЧЕНОГО МИЛОША ДОКУЛИЛА*

Пятого июля 2002 года исполнилось девяносто лет со дня рождения выдающегося чешского лингвиста, патриарха современной дериватологии Милоша Докулила. По инициативе Лингвистического объединения Чешской республики, Пражского лингвистического кружка, а также Института чешского языка Академии наук Чешской республики в Праге состоялось чествование, в котором, помимо самого юбиляра, приняли участие его многочисленные коллеги, друзья, родные, ученики, почитатели в самом широком смысле этого слова. В церемонии участвовали и представители словацких лингвистов, в частности, директор Института языкознания имени Л. Штура в Братиславе С. Ондрейович, а также К. Бузашиова.

* Статья была написана по поводу девяностолетнего юбилея выдающегося чешского ученого Милоша Докулила. Для широкой лингвистической общественности это радостное и знаменательное событие стало поводом выразить этому замечательному человеку глубокое уважение и восхищение. К сожалению, судьбе было так угодно, что 2 ноября 2002 года Милош Докулил ушел из жизни. У всех людей, знавших, искренне любивших и почитавших ученого, это вызывает чувства глубокой скорби и печали. И тем не менее нам бы не хотелось, чтобы данная статья стала некрологом. Думается, что более правильным было бы, воздавая дань светлой памяти ученого, оценить значимость его вклада в развитие современной лингвистической науки.

По счастливому стечению обстоятельств находилась в это время в Праге и я. Для меня это событие является особенно значимым, поскольку в моей профессиональной деятельности, да и в жизни вообще, М. Докулил занимает совершенно особое место. Среди российских лингвистов я, очевидно, лучше и ближе других знала этого замечательного человека, с которым меня связывали многолетние научные и дружеские узы. Наше знакомство с ним состоялось летом 1958 г. на Международном съезде славистов в Москве, когда я, тогда еще новоиспеченная аспирантка, осмелилась обратиться с просьбой о консультации к светилу современной богемистики. С тех пор и по сей день М. Докулил является для меня учителем, наставником, человеком не только гигантского интеллекта, энциклопедических познаний, но и высочайшей интеллигентности, человеком непоколебимых нравственных принципов.

Писать о личности такого масштаба, как профессор М. Докулил, непросто. С одной стороны, хочется избежать типичных для данного жанра публикаций панегирических стереотипов; с другой, чрезвычайно трудно полностью удержаться в рамках бесстрастной повествовательности, поскольку вклад ученого в современную лингвистику велик и многообразен, а обаяние его личности, его скромность, внутренняя утонченность и поэтичность не могут никого оставить равнодушным.

Современной науке М. Докулил известен прежде всего фундаментальными и новаторскими работами по словообразованию и теории номинации, вместе с тем круг его интересов, а, соответственно, и проблематика имеющихся публикаций, гораздо шире. Пожалуй, трудно назвать область языкознания, которая бы не привлекала его внимания, и где бы он не высказал множество свежих, оригинальных и глубоких идей.

Плодотворно развивая концептуальные положения Пражского лингвистического кружка, М. Докулил уделял большое внимание совершенствованию методики системно-функционального подхода, изучению как внутриуровневой, так и межуровневой языковой динамики и взаимоотношений, интересовала его и проблематика грамматических категорий (например, вид, модальность и т.п.). В поле его зрения находились и проблемы общего языкознания. Наряду с этим, его интересовала и широкая проблематика, связанная с изучением литературного языка, языковой культуры. По всем рассматриваемым вопросам ученый имел свою, глубоко продуманную и выверенную на конкретных языковых фактах позицию.

Созданная М. Докулилом системно-функциональная теория словообразования стала достоянием современной мировой дериватологии. Она детально апробирована не только на материале чешского языка. Целесообразность и продуктивность ее использования полностью подтверждена данными как славянских, так и неславянских языков.

О востребованности работ М. Докулила красноречиво говорит тот факт, что высказанные им идеи получили дальнейшее развитие в работах исследователей самых различных национальных научных школ и направлений. Этому немало способствовали многочисленные переводы его публикаций на славянские, а также западные языки. Можно лишь сожалеть о том, что в свое время не удалось (по не зависящим от нас причинам) осуществить перевод на русский язык его капитального труда "Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov" [Dokulil 1962a] (имеется, впрочем, перевод данной книги на польский язык: M. Dokulil. Teoria derywacji. Wrocław-Warszawa etc., 1979). В настоящее время данная работа по сути является библиографической редкостью, поэтому российские читатели могут с ней ознакомиться исключительно опосредованно, через интерпретацию других исследователей.

Имя М. Докулила как классика современной дериватологии постоянно упоминается на всех словообразовательных конференциях, на заседаниях комиссии по изучению славянского словообразования при Международном комитете славистов, многократно звучало оно и на международном рабочем совещании в Инсбруке, организованном в апреле 2002 года директором Института славистики при Инсбрукском университете проф. И. Онхайзер, в связи с осуществлением международного

проекта "Сопоставление систем и функционирования современных славянских литературных языков. Номинация / Словообразование". Реализация этого проекта приурочена его координатором проф. Ст. Гайдой к Международному съезду славистов в Любляне. В 1994 г. в Праге по случаю 85-летнего юбилея ученого была проведена международная конференция на тему "Wortbildung: Theorie und Anwendung".

Уроженец Моравии М. Докулил через всю свою жизнь пронес трепетную любовь к родине, к дорогой его сердцу Моравии, ее поэтическому творчеству, народным песням, которые он не только прекрасно знал, но и великолепно исполнял. Впрочем, и Моравия, где длительное время учительствовали его родители, а затем и он сам, отвечала своему славному земляку любовью и признательностью. Так, в 1997 г. по случаю 85-летия М. Докулила жители его родных Цтидружиц присвоили ему звание почетного гражданина "за то многое, что он сделал для нашего прекрасного чешского языка, а также в других сферах человеческой жизни".

Он получил прекрасное лингвистическое образование (с двойной специализацией – богемистика и германистика) в университете Брно. Здесь он прошел школу у таких великолепных учителей, как философ, этик и социолог А. Блага, богемист Фр. Травничек, блистательный славист широкого профиля, а также богемист Б. Гавранек, германист А. Беер, этимолог и специалист по сравнительному языкознанию В. Махек, большое влияние на него оказал и Р. Якобсон, также преподававший в университете.

Особую роль в судьбе ученого сыграл академик Б. Гавранек – один из ярчайших представителей чешской лингвистики, Пражского лингвистического кружка. Рано распознав уникальность научного дарования М. Докулила, его научный потенциал, Б. Гавранек способствовал поездке своего любимого ученика в Данию, где он в течение 1936–1937 учебного года занимался в знаменитом центре глоссематики в Копенгагене. Здесь он познакомился с Л. Ельмслевым, В. Брэндалем, Г. Педерсеном, К. Барром и др. В семинаре В. Брэндаля на протяжении двух семестров М. Докулил тщательно изучал книгу О. Есперсена "Analytic Syntax" (кстати, именно синтаксис, а не словообразование, был первой "грамматической" любовью юбиляра), принял он участие и в работе проходившего в Дании IV Международного лингвистического конгресса. Находясь в Дании, М. Докулил овладел датским и норвежским языками, впоследствии, в 1971 г., он перевел на чешский язык книгу Л. Ельмслева "Язык".

Будучи заботливым наставником молодого ученого Б. Гавранек привлек его в 1948 г. на работу в Институт чешского языка Чешской академии наук, прервав, правда, вопреки его желанию, успешную педагогическую деятельность в Моравии. В институте М. Докулил в основном занимался проблемами богемистики, не упуская, впрочем, из виду взаимосвязь чешского языка с другими славянскими, а также западноевропейскими языками. В 1952 г. он защитил диссертацию "Vyjadřování modálnosti v češtině" на звание доктора философии. Начиная с 1953 г., по поручению Б. Гавранека он стал разрабатывать концепцию чешского словообразования (кстати, именно Б. Гавранек был научным редактором ряда его фундаментальных публикаций, в частности, знаменитого цикла о словообразовании в чешском языке), ставшей впоследствии основой его знаменитой книги "Tvoření slov v češtině I. Teorie odvozování slov", за которую он в 1962 г. получил сразу ученую степень доктора наук, минуя степень кандидата наук. Практически одновременно он был награжден премиями ЧСАН, а также Литературного фонда.

В стенах Института чешского языка М. Докулил прошел весь путь своей научной карьеры – от научного сотрудника и заведующего сектором современного чешского языка до директора Института. В 2001 г. научная общественность Чехии отметила девяностолетний юбилей Канцелярии Словаря чешского языка (1911 г.), старейшего академического учреждения Чехии, на основе которого в 1946 г. и был образован Институт чешского языка. В честь этого события в сентябре 2001 г. была проведена научная конференция зарубежных и чешских богемистов под названием "Setkání s češtinou".

На протяжении ряда лет М. Докулил возглавлял научную коллегия по языкознанию Чехословацкой академии наук. В 1972 г. за заслуги в развитии науки Президиумом Чехословацкой академии наук он был удостоен почетной медали им. Й. Добровского. В 1991 г. М. Докулил избирается первым председателем возрожденного Пражского лингвистического кружка. Активное участие принимал он в целом ряде международных научных форумов, в том числе съездов славистов.

Несмотря на перипетии судьбы, длительные и тяжелые болезни его самого и его близких, творческие усилия М. Докулила вознаграждены сторицей. Однако его меньше всего заботило продвижение по карьерной лестнице, главным всегда было — достижение объективных научных истин, сохранение человеческого достоинства, верность высоким принципам морали и нравственности.

В поле зрения М. Докулила находятся разные аспекты богемистики: синтаксис, морфологические категории, глагол, имя существительное и пр. Анализируя список его публикаций, не трудно заметить, что центр тяжести интересов ученого хронологически смещается, он все время находится в поиске. Впрочем, несомненное тяготение к разработке проблематики словообразования, в самых различных ее аспектах, дало о себе знать довольно рано.

Рубежным в научном творчестве М. Докулила, на наш взгляд, является 1958 г., год проведения конференции "O vědeckém poznání soudobých jazyků". Обращает на себя внимание не только блистательный состав ее участников, но прежде всего широта и значимость рассматриваемой проблематики, специфика методологического подхода (чтобы не быть голословными, назовем лишь тематические направления конференции: Принципы научной грамматики и проблемы языковой системы; Проблемы языкового развития и роль изучения истории языка для научного познания современных языков; О соотношении между словом и предложением и проблематикой морфологии; Словообразование и словарный состав; Проблемы синтаксиса). Кстати, именно М. Докулил подводил итог дискуссии по вопросам словообразования.

Произнесенные на этой конференции доклады, не утратили своей актуальности и в настоящее время. Как подчеркнул в своем заключительном слове академик Б. Гавранек, задачей конференции было развернуть дискуссию по таким ключевым лингвистическим вопросам, как проблема системности в языке, вопросы исторического изучения, выявление системной организации современных языков. Предметом рассмотрения были и отдельные уровни языковой системы (морфологический, синтаксический, словообразовательный, лексический и т.п.). Как отметил Б. Гавранек, на конференции удалось акцентировать два принципа научного изучения языков: принцип эволюции, т.е. принцип исторический ("когда мы задаемся вопросом, что из чего возникло и почему это произошло?") и принцип взаимосвязи отдельных частей, компонентов языка и их подчиненности целому. Конференция показала важность научного исследования современных языков, поскольку именно современный язык (в отличие от языка предшествующих эпох) доступен изучению во всей своей сложности и гомогенности. Особое значение придавалось выявлению принципов системной организации языка, его внутренней динамики, в частности, тому, что "язык находится в постоянном движении, в нем нет равновесия, в языке всегда имеются явления устаревающие, отмирающие и явления новые, наступающие. Взаимоотношение этих двух пластов составляет суть современного состояния языка. При интерпретации современного языка необходимо учитывать результаты его развития" [Навѓánek 1958: 283]. Не трудно заметить несомненную преемственность концепции конференции по отношению к Пражскому лингвистическому кружку.

На конференции М. Докулил выступил с тремя проблемными докладами: "О характере взаимоотношения между словом и понятием, предложением и мыслью"; "К основным проблемам словообразования"; "По поводу так называемой семантической и грамматической структуры предложения" (последний совместно с Фр. Да-

нешом). Напомним, что к этому времени ученый вплотную занимался разработкой словообразовательного проекта.

Говоря о специфике научного подхода, характерного для М. Докулила, очевидно, важно назвать следующее:

– сочетание развитого абстрактного, теоретического мышления, дедуктивного подхода¹ и подхода индуктивного, основывающегося на великолепном владении языковым материалом, вкусе и умении с ним работать². Именно поэтому для М. Докулила более предпочтительным всегда было пражское, системно-функциональное направление структурализма в отличие от структурализма глоссемантического, характеризующегося большей формализацией подхода к языковым явлениям.

– последовательный системно-функциональный подход к языковым явлениям, учет их многосторонних внутриязыковых взаимосвязей

– внимание к проявлениям языковой динамики

– осмысление закономерностей строения и функционирования чешского языка в контексте не только внутриязыковых, но и межъязыковых взаимосвязей, т.е. в сопоставлении как с близкородственными, так и неродственными языками. Этому способствовало прекрасное знание немецкого и скандинавских языков (ср., в частности, его раннюю статью [Dokulil 1941]), а также языков славянских, в том числе и русского³. Именно привлечение данных близкородственных языков, по мнению ученого, было наиболее перспективным для развертывания сопоставительных исследований (ср. его программную статью [Dokulil 1963]).

В связи с последним вспоминается, с какими большими надеждами (к сожалению, им не довелось сбыться) участники международного симпозиума по сопоставительному изучению славянского словообразования, проводимого в Москве в декабре 1984 г. в рамках международного проекта, ожидали приезда М. Докулила (опубликованы были тезисы его доклада, соответственно статья была включена в коллективную монографию [Dokulil 1984; 1987]). На этом симпозиуме дериватологи разных стран единодушно отмечали, что в работах М. Докулила филигранный анализ структуры слова органично сочетается с глубоким теоретическим, системно-функциональным осмыслением языковых фактов, с восхищением и уважением они говорили о значимости его работ, их влиянии на развитие научной мысли. Участники симпозиума, положившего начало реализации многолетнего международного проекта по сопоставительному изучению славянских языков, направили М. Докулилу благодарственное письмо.

Нельзя не отметить, что М. Докулила связывали тесные контакты с учеными нашей страны, где у него есть ученики и прямые продолжатели его идей. Он внимательно следил за развитием российской науки. Развернутая рецензия была, например, им написана (совместно с Н. Свозиловой) на коллективную монографию о теории номинации [Dokulil 1980], а также на другие работы. Заметим, что ряд статей М. Докулила был переведен на русский язык. Назовем лишь новаторскую статью "К вопросу о

¹ Не случайно, к числу пристрастий М. Докулила во время гимназического обучения относились, помимо латыни и чешского языка, математика, начертательная геометрия, химия и естествознание.

² М. Кнапшова [Knapšová 1997] вспоминает, что после поступления на работу в Институт чешского языка ей пришлось по поручению М. Докулила в течение первого года тщательно выверять по пятитомному чешско-немецкому словарю Й. Юнгмана (1835–1839 гг.) каждое существительное, приводимое во втором томе капитального труда по чешскому словообразованию. Это было необходимо для выявления словообразовательной динамики.

³ Примечательно, что М. Докулил входил в число авторов Настольной грамматики русского языка для чехов [Příruční mluvnické ruštiny 1961]. Выступил он и в роли переводчика книги А.С. Чикобава "Введение в языковедение" [Dokulil 1956a].

морфологических противопоставлениях", опубликованную в сборнике "Языкознание в Чехословакии" в 1978 г.

Важной особенностью М. Докулила как ученого был критический анализ тех или иных, в том числе и весьма распространенных и авторитетных научных концепций. Чуждый гипертрофированного авторского тщеславия, он мог направлять критическое "жалю" и на собственные утверждения⁴, в особенности, если они, по его мнению, вступали в противоречие с реальными языковыми фактами. Блестящим образцом критического разбора является новаторская статья "K otázce morfologických protikladů" [Dokulil 1958], посвященная трактовке Р. Якобсоном морфологических оппозиций. Впоследствии она вышла на русском и английском языках [Докулил 1978; Dokulil 1994]. Для иллюстрации процитируем фрагмент из названной статьи М. Докулила (перевод В.Ф. Васильевой): "Идея о системном характере языка настолько овладела языковедческим мышлением, что сегодня вряд ли найдется исследователь, который бы отрицал ее. Однако, несмотря на общее согласие, нет полного единства по вопросу о том, в чем заключается системный характер языка" [Dokulil 1958: 88] и далее "Мы не хотели умалить заслуги Р. Якобсона в создании общей теории морфологических систем. Однако эта концепция возникла на базе хотя и близкого, но другого языка – русского. Несмотря на обширные познания автора в области различных языков мира, его выводы неизбежно неполны. В том, что эту изящную и внушительную концепцию нельзя безоговорочно, не прибегая к искажению фактов, переносить на чешский язык, нас убеждает материал чешской морфологии, частично нами продемонстрированный. Хотя наша попытка проверить теорию, которой мы сами на протяжении десятилетий с успехом пользовались как в научной, так и в педагогической практике, и особенно в плане ее популяризации, превратилась в критику ее абсолютной значимости, она ни в какой мере не поколебала нашу убежденность в системном характере языка и в том, что асимметрические противопоставления являются одним из главных принципов построения языковых систем" [Там же: 118].

Критически относился М. Докулил к отождествлению синтаксических и словообразовательных структур – поводом для этого послужили многочисленные работы польских лингвистов, развивающих концепцию В. Дорошевского [Dokulil 1962b].

Твердую позицию занимал ученый в полемике по вопросам о нулевом суффиксе, конверсии и пр. Важно подчеркнуть, что при рассмотрении всех спорных вопросов он последовательно учитывал системные языковые закономерности.

Важнейшим трудом М. Докулила, не имеющим аналога в мировой дериватологической литературе, является упоминавшаяся нами выше книга "Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov" [Dokulil 1962a]⁵. К написанию этого труда он подходил со всей присущей ему обстоятельностью и ответственностью, тем более, что в это время словообразование было одной из наиболее "отстающих" областей языкознания, отсутствовало четкое представление о правилах структурной сегментации слова, синтезе словообразовательного материала и т.п.

Выходу книги предшествовало постепенное определение контуров исследуемого феномена, наиболее приемлемого методологического подхода. Велась и длительная предварительная разработка отдельных фрагментов словообразовательной системы (см. в этой связи принципиально важную статью "Některé typy názvů osob podle činnosti v českém jazyce" [Dokulil 1956b]). Не можем не отметить, что работа над дан-

⁴ Приведу в качестве примера маленький эпизод, касавшийся меня лично. Во время одного из сугубо частных посещений мною М. Докулила он заметил, что я, говоря по-чешски, слишком часто и не всегда адекватно употребляю разговорную частицу "no". По прошествии года в той же ситуации он сказал: «В прошлый раз я сделал тебе замечание об употреблении тобой "no". Ты знаешь, я наблюдал и понял, что был неправ».

⁵ См. рецензию [Нещименко 1962].

ным проектом – а как мы уже говорили выше, речь шла именно о многолетнем проекте – проходила для ее автора в чрезвычайно тяжелых условиях ухудшения его состояния здоровья, продолжительного пребывания в санаториях и т.п.

По своему замыслу фундаментальный труд М. Докулила должен был представлять собой теоретическое введение к четырехтомному описанию системы словообразования современного чешского языка. К сожалению, этот замысел, как мы скажем ниже, был осуществлен лишь отчасти. Тем не менее без всякого преувеличения можно сказать, что М. Докулил явился создателем чешской словообразовательной школы, к трудам которой обращаются дериватологи разных стран. Данный новаторский труд не утрачивает своей значимости и поныне. О его масштабности красноречиво говорит уже набор рассматриваемых в нем ключевых аспектов: Словообразование в генетическом и функционально-структурном понимании и место науки о словообразовании в системе языкознания; Образование новых номинаций, его причины, социальные и языковые предпосылки; Проблема словообразовательной системы и ее описания.

М. Докулилу удалось создать целостное представление о словообразовательной системе, принципах ее организации и функционирования. При этом акцент в основном ставится на принципах синхронной (с учетом генетического фона) системно-функциональной интерпретации деривационных фактов. Внимание автора привлекают основные проблемы теории словообразования, в их числе такие вопросы, как методы изучения явлений словообразования, место словообразования в системе языка, сущность словообразовательного анализа и т.п. Вряд ли нужно специально доказывать, что речь идет о вопросах, имеющих принципиально важное значение для любого дериватолога.

Огромным вкладом книги М. Докулила является разработка понятия ономаσιологической категории и ее внутренней структуры (базис, признак, мотив), представляющего собой фундамент для словообразовательных категорий и являющегося вместе с тем в своем роде *Tertium comparationis* при сопоставительном изучении словообразования. Чрезвычайно важным является детальное рассмотрение проблемы словообразовательной продуктивности, имеющей большое значение для выявления динамики языка. Что касается последнего, то здесь представляется особенно важным разграничение системной и эмпирической продуктивности. Много нового внес автор в исследование вопроса о словообразовательных мотивировках, их направленности, соотносительной значимости, о морфонологических альтернативах. Принципиально важным является разграничение "образования" слова и его "оформленности", что весьма существенно для четкого уяснения сути генетического и синхронного подходов, этимологии и словообразования.

Работа М. Докулила способствовала выработке понятийно-терминологического аппарата современного словообразования (назовем лишь такие понятия, как "словообразовательный тип"; "словообразовательная категория", "способ словообразования" и т.д.), без чего невозможен корректный анализ языкового материала.

Прекрасно владея литературой вопроса, М. Докулил большое внимание уделял вкладу российских авторов в разработку словообразования.

Реализуя замысел создания фундаментального описания словообразовательной системы современного чешского языка, сотрудники Института чешского языка под руководством и при авторском участии М. Докулила опубликовали второй том Словообразования в чешском языке (под редакцией Фр. Данеша, М. Докулила, Я. Кухаржа; научный редактор – Б. Гавранек), посвященный описанию деривационной системы имени существительного ["*Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování jmen podstatných*"]⁶. Работа выполнена на основе единой теоретической концепции, с учетом новейших достижений лингвистической науки. Подобная задача ранее никем не стави-

⁶ См рецензию [Нещименко, Широкова. ВЯ. 1969. № 6].

лась и не осуществлялась. Для данного тома М. Докулилом были написаны разделы: *nomina agentis*; *nomina actoris*; *nomina attributiva*, совместно с К. Гаузенблазом был написан раздел имен носителей отношения к субстанции. Данный труд убедительно показал, что предложенная М. Докулилом концепция отнюдь не является умозрительной, а прекрасно "работает" в материале.

Можно лишь сожалеть о том, что в силу внешних причин реализация проекта не была завершена. Это ничем не искупаемый грех по отношению к богемистике и мировой науке в целом, тем более, что практически был готов к печати третий том, написанный М. Докулилом и посвященный глагольному словообразованию. Материал по глагольному словообразованию в какой-то мере представлен в академической Грамматике чешского языка [Mluvnické češtiny. 1. 1986]. В этом труде М. Докулил участвовал и как научный редактор и как автор четырех разделов: Основные понятия морфологии и морфемики; Общее понимание словообразования; Переход слов в другие части речи; Оформленность остальных частей речи; Словообразовательная структура числительных, местоимений, предлогов, союзов, частиц и междометий.

Материалы четвертого тома капитального труда по словообразованию современного чешского языка ждут своего завершения и публикации.

В 1978 г. М. Докулил по семейным обстоятельствам прекращает работу в Институте чешского языка. Это, однако, не означает, что он прерывает свою интенсивную научную деятельность, она принимает лишь новые формы. Так, он участвует в создании фундаментальных трудов, таких, как упомянутая выше академическая Грамматика чешского языка. Им была написана статья для коллективного международного труда по сопоставительному изучению славянского словообразования, курируемом Институтом славяноведения РАН ["Структура постосновного словообразовательного форманта (к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках)"]. В 1996 г. вышел в свет учебник чешского языка для средних школ и вузов "Čeština. Reč a jazyk", для которого он написал раздел по словообразованию [Čechová M. a kolektiv autorů. 1996]⁷.

Несмотря на выраженный интерес М. Докулила к теоретическим проблемам языкознания, он уделяет большое внимание и практической деятельности по повышению языковой культуры, улучшению методики преподавания родного языка. Так, им было написано более 200 текстов радиопередач из цикла "Jazykovědný koutek", активно участвовал он и в работе Орфографической комиссии, входил в состав авторского коллектива Правил чешского правописания.

М. Докулил является автором большого количества учебников для средних школ, гимназий, а также для учителей. Некоторые из них неоднократно переиздавались. Важное значение он придавал своей деятельности в редколлегиях ряда чешских лингвистических журналов (прежде всего "Slovo a slovesnost"), многократно выступал с лекциями за рубежом (например, в Германии, Дании и т.д.).

Отдавая дань своей любви к педагогической деятельности (к сожалению, по состоянию здоровья ему пришлось отказаться от приглашения преподавать в Карловом университете в Праге), он по сути занимался этим всю свою жизнь, воспитывая своих учеников. Достаточно вспомнить проводимые им в Институте чешского языка семинары, во время которых наглядно проявлялись его педагогический дар, такт, умение выявить индивидуальность участников, специфику их подхода к обсуждаемой проблеме.

М. Докулил был строгим, внимательным и чрезвычайно доброжелательным учителем. Для своих учеников он всегда являлся образцом не только беззаветного служения науке, но и исключительной порядочности, скромности, великодушия. Это был наставник в полном смысле этого слова.

⁷ См. по этому поводу [Нещипенко 2000].

Наверное, для ученого нет большего счастья, чем видеть, как его идеи продолжают свою самостоятельную жизнь в работах последователей, число которых, в частности, в России, очень велико. Его труды помогают воспитанию молодого поколения ученых, они широко используются при обучении студентов, подготовке аспирантов, при чтении лекций и спецкурсов.

Что касается меня, то я бережно храню в своем личном архиве его многочисленные письма, являющиеся подлинным образцом эпистолярного искусства, есть здесь и рукописи моих работ с его пометками, которые я не только тщательно штудировала, но и по возможности старалась реализовывать. Большой школой для меня всегда было выступление с докладами на заседаниях руководимого М. Докулилом сектора, на семинаре. Можно лишь сожалеть о том, что наши встречи в силу разных обстоятельств бывали эпизодическими и непродолжительными. Я безмерно благодарна М. Докулилу за поддержку моих работ по чешскому словообразованию [Dokulil 1962b], за анализ, хотя порой и с критическим комментарием, предложенных мною критериев продуктивности [Dokulil 1962a: 85–92]. Большой честью для меня был выход в Праге монографии "Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка" [Нещименко 1980], которую М. Докулил не только рекомендовал к печати, но и выступил в качестве научного редактора, а также рецензента докторской диссертации на эту же тему. Пригласил он меня войти и в состав авторского коллектива труда по словообразованию. К сожалению, по внешним причинам этот замысел не был реализован.

И еще несколько слов, казалось бы, напрямую не связанных с научными достижениями М. Докулила. В атмосфере нарастания девальвации морально-этических ценностей сам факт существования таких уникальных людей, как профессор М. Докулил, с его жизненными принципами, ценностными критериями чрезвычайно важен и поучителен. Жизнь и творческий путь М. Докулила для нас, его современников, является дополнительным подтверждением того, что отнюдь не хлебом единым жив человек. Невзирая на все испытания и перипетии судьбы, ученый сумел не только достичь научных высот, но и сохранить себя как личность, устояв перед эфемерными карьерными и меркантильными соблазнами. Гуманист по своему характеру, он никогда не стремился к власти, не искал ее. В тех же случаях, когда этого не удавалось избежать, как это было, например, в политически сложный период с 1970 по 1972 гг., когда ему пришлось взять на себя обязанности по руководству Институтом чешского языка ЧСАН, он вел себя достойно, стараясь сохранить научные кадры, структуру лингвистических подразделений, никому не причинить зла. Порядочность, чувство собственного достоинства, высокая ответственность и бескорыстие, скромность и доброжелательность к людям, в том числе и к своим не всегда умелым ученикам, в М. Докулиле всегда сочетались с нетерпимостью к завистникам и интриганам. Он всегда бескомпромиссно отстаивал свою жизненную позицию, свои романтические идеалы. Не случайной поэтому была атмосфера любви и уважения, столь отчетливо ощущавшаяся во время чествования ученого в июне 2002 года на вилле "Ланна" на Праге.

Светлая память о Милоше Докулиле навсегда сохранится в сердцах его близких, друзей, учеников и продолжателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Докулил 1978 – М. Докулил. К вопросу о морфологических противопоставлениях. Критика теории бинарных корреляций в морфологии чешского языка // Языкознание в Чехословакии. Сборник статей 1956–1974 / Под ред. А.Г. Широковой. М., 1978.
- Нещименко 1962 – Г.П. Нещименко. ВЯ. 1962. № 5 – Рец.: М. Докулил. Теория словопроизводства.
- Нещименко, Широкова 1969 – Г.П. Нещименко, А.Г. Широкова. ВЯ. 1969. № 6 – Рец.: Словообразование чешского языка. Имя существительное. Т. 2.

- Нещименко 1980 – Галина П. Нещименко. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII–XX вв.) / Научн. ред. М. Докулил. Прага, 1980.
- Нещименко 2000 – Г.П. Нещименко. Несколько мыслей по поводу новых грамматик чешского языка // ВЯ. 2000. № 1.
- Čechová M. a kolektiv autorů 1996 – Čechová M. a kolektiv autorů. Čeština. Řeč a jazyk. Praha, 1996.
- Dokulil 1941 – M. Dokulil. Morfologické kategorie pasiva ve spisovných jazycích severských ve srovnání se spisovnou češtinou // Hrst studií a vzpomínek. Prof. dr. Ant. Beerovi jeho žáci. Brno, 1941.
- Dokulil 1956a – M. Dokulil. Čikobava A.S. Úvod do jazykovědy I. Praha, 1956.
- Dokulil 1956b – M. Dokulil. Některé typy názvů osob podle činnosti v českém jazyce (Činitelská jména tvořená příponami se základním -c-, -č-) // Naše řeč. 1956. № 3–4, 5–6.
- Dokulil 1958 – M. Dokulil. K otázce morfologických protikladů (Kritika předpokladu binárních korelací v morfologii češtiny) // Slovo a slovesnost. 1958. № 2.
- Dokulil 1962a – M. Dokulil. Tvoření slov v češtině 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Dokulil 1962b – M. Dokulil. Nová sovětská práce o tvoření slov v češtině // Slovo a slovesnost. 1962. № 2.
- Dokulil 1962c – M. Dokulil. K vzájemnému poměru slovo tvorby a skladby // Slavica pragensia. T. 4 (Havránkův sborník). 1962.
- Dokulil 1963 – M. Dokulil. Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti "tvoření slov" // Slovo a slovesnost. 1963. № 2.
- Dokulil 1980 – M. Dokulil. Významné sovětské dílo o teorii pojmenování (I) // Slovo a slovesnost. 1980. № 3; (II) – № 4.
- Dokulil 1984 – M. Dokulil. Структура постосновного словообразовательного форманта (к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках) // Тезисы международного симпозиума (декабрь 1984). М., 1984.
- Dokulil 1987 – M. Dokulil. Структура постосновного словообразовательного форманта (к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Dokulil 1994 – M. Dokulil. On morphological oppositions // Praguiana 1945–1990 / Ed. by P.A. Luelsdorff, J. Panevová and P. Sgall. Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Havránek 1958 – B. Havránek. Závěrečný projev // O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958.
- Knappová 1997 – M. Knappová. Vzpomínka na časy slovo tvorby // Obsah – Výraz – Význam. Miloši Dokulilovi k 85. narozeninám. II. Praha, 1997.
- Mluvnice češtiny. 1. 1986 – Mluvnice češtiny. Fonetika. Fonologie. Morfonologie a morfematika. Tvoření slov. Praha, 1986.
- Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. 1961 – Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví. Praha, 1961.
- Tvoření slov v češtině. 2. 1967 – Tvoření slov v češtině. 2. Odvozování podstatných jmen. Kolektiv autorů Ústavu pro jazyk český ČSAV. Praha, 1967.

Г.П. Нещименко

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. Изд-во Московского ун-та. М., 2000. 256 с.

Хотя проблемам вида посвящено огромное число работ, монография Е.В. Петрухиной занимает среди них особое место: это уникальная попытка синхронного сопоставления аспектуальных систем пяти славянских языков. Действительно, данные отдельных славянских языков пока не проанализированы в полном объеме, и не существует ни обобщающего описания категории вида в славянских языках, ни общеславянской аспектологической теории. Совершенно ясно, что эту лакуну нельзя восполнить за один прием, тем более, что такому проекту препятствует не только отсутствие единой терминологии, но и теоретические расхождения авторов существующих описаний. Тем не менее Е.В. Петрухиной удастся выявить главные черты аспектуальных систем изучаемых языков, прежде всего благодаря тщательному анализу языковых фактов и теоретическому осмыслению ряда проблем, связанных как с видом, так и с его словообразовательным выражением. Следует подчеркнуть, что рецензируемая книга опирается на очень богатую библиографию (около пятисот публикаций на нескольких языках) и использует весьма впечатляющий фактический материал.

Не претендуя дать хотя бы самый сокращенный обзор всех тем, затрагиваемых автором, сосредоточимся на вопросах, которые нам показались либо спорными, либо, наоборот, важными и новыми для славянской аспектологии.

Глава первая (с. 11–32) "Аспектуальная категоризация действий в лексике" посвящена определению категориального значения глагола и принципам построения грамматически релевантной классификации глагольных лексем. Предлагаемая классификация, используя разработанные в аспектологии концепты статичности/динамичности, гомо-

генности/гетерогенности, терминативности/нетерминативности, мгновенности/немгновенности явно нацелена на раскрытие словообразовательного потенциала глаголов. Автор отмечает, что аспектуальные классы глаголов не обладают четкими границами, имея скорее "полевую" структуру, то есть центр и периферию, а входящие в них глаголы выражают категориальные черты в разной степени. Проблемы глагольной семантики и их связь со словообразованием интересуют автора больше, чем теоретическая дискуссия вокруг определения вида, которая, на наш взгляд, зачастую сводится к замещению давно разработанных концептов новыми формулировками. И мы считаем, что сопоставительный анализ функционирования видовых форм и исследование словообразовательных процессов в разных славянских языках составляют самую интересную и новаторскую часть монографии.

Глава вторая (с. 33–106) "Категория глагольного вида в русском, западнославянских и болгарском языках" дает довольно полный обзор различных теорий, имеющих целью определить грамматический статус категории вида в славянских языках. Как известно, статус славянского вида является спорным вопросом: вид считается лингвистами либо грамматической, либо смешанной лексикограмматической, либо словообразовательной категорией. Автор считает, что каждая из этих точек зрения находит подтверждение в языковых фактах, с чем легко согласиться. Однако, отмечая явную связь вида с лексическим значением глагола, автор утверждает, что вид не имеет стандартных средств выражения (с. 46). На наш взгляд, трудно сомневаться в том, что вид в славянских языках представляет собой категорию грамматики, хотя бы потому, что она обязательна для

всех глаголов (автор это, конечно, отмечает), чего нельзя сказать про так называемые способы действия (ср. [Comrie 2001]). Более того, мы считаем, что вид безусловно обладает специфическим формальным выражением. Формальными показателями вида являются аспектуальные морфемы: префиксы и суффиксы (или их значимое отсутствие в определенных условиях). В отличие от аспектуальных имперфективирующих суффиксов, которые обладают только грамматическим значением несовершенности, аспектуальные префиксы привносят разные лексические значения. Но какими бы ни были эти значения и их оттенки, присоединение аспектуального префикса к основе простого глагола НСВ меняет его вид на совершенный¹. Этого достаточно, чтобы считать префикс как таковой стандартным выражением совершенного вида, то есть грамматической морфемой². Способы действия не имеют стандартных формальных показателей, поэтому не являются грамматической категорией. И даже если большая часть конкретных видовых противопоставлений реализуется путем префиксации и суффиксации, изучать способы действия можно только на других уровнях: словообразования или лексики.

Следует признать, что и Е.В. Петрухина в конечном счете относит вид к категориям грамматики, полагая однако, что его нельзя считать прототипической грамматической категорией, поскольку видовое противопоставление далеко не всегда реализуется в языке с той регулярностью, которую следовало бы ожидать от категории "чисто" грамматической. Понятие прототипических категорий позволяет автору хотя бы отчасти преодолеть существующие разногласия в данной области и дает ему возможность определить "степень грамматичности" вида в отдельных славянских языках.

Переходя к рассмотрению функционирования вида и учитывая существующие работы как по описанию вида в отдельных славянских языках, так и по их сопоставлению, автор перечисляет общие черты аспектуальных систем изучаемых языков, в частности:

– однотипное употребление глаголов НСВ при обозначении актуального длящегося процесса;

¹ В [Кронгауз 1998] аспектуальные префиксы носят наименование "перфективирующих приставок".

² Следует уточнить, что существуют и неаспектуальные префиксы, о чем часто забывают авторы аспектологических трудов.

– сходный для всех языков запрет на сочетаемость инфинитива СВ с фазовыми глаголами;

– сходство в инвентаре средств видообразования при различиях в их продуктивности и семантике.

Особое внимание уделяет автор различиям в употреблении видов, выявляя ряд черт, противопоставляющих аспектуальную систему русского языка системе западнославянских языков, которые гораздо шире, чем русский, используют формы СВ. Это касается, прежде всего, употребления форм СВ для выражения длительных и повторяемых действий: как известно, в современном русском языке такое употребление строго ограничено. Имеется в виду также обозначение формами СВ единичного действия в прошлом (явление, которое в русистике принято называть "общефактическим значением"). Здесь небезынтересно отметить, что некоторые устаревшие сочетания форм СВ с показателями длительности, наблюдаемые у русских писателей XIX века, и ошибки в речи русских эмигрантов, отмеченные в [Гловинская 2001: 383–391], дают основание предполагать, что русский язык сравнительно недавно допускал более свободное употребление СВ в этой области и, следовательно, что литературная норма и здесь изменилась³. Причину этих изменений можно усматривать в усиливающейся грамматикализации видовых противопоставлений в русском языке. Грамматикализация вида – по мнению Е.В. Петрухиной – проявляется именно в большей независимости вида от лексического значения глагола, в большей нормированности его употребления и в более сильном давлении контекста. Сравнивая славянские данные, автор констатирует, что в русском языке степень грамматикализации вида выше, чем в западнославянских языках, в которых удельный вес лексического значения глагола больше, чем в русском, и которые значительно шире допускают свободный выбор вида говорящим. Эта степень, естественно, ниже, чем в болгарском. Выводы Е.В. Петрухиной находят частичное подтверждение в работе [Eckert 1985], в которой также подчеркивается наличие более сильной связи семантики глагола с видом в контексте повторяющихся действий в чешском языке в сравнении с русским. Эта связь нам кажется очевиднее и в польском языке. Отметим, что данная замечательная черта западнославянских языков ускользнула от вни-

³ Этот вопрос, конечно, требует особого изучения.

мания автора последнего сопоставительного исследования польского и русского глагола [Włodarczyk 1997]

Любопытные закономерности обнаруживает Е.В. Петрухина при рассмотрении так называемых видовых троек в русском языке. Оказывается, продуктивность и семантика вторичных имперфективов в русском языке во многом зависит от семантики приставки: чем эксплицитнее выражено в приставке пространственное значение, тем регулярнее образуется вторичный имперфектив. В целом ряде предыдущих работ, посвященных видовым тройкам, этот фактор не был принят во внимание. Интересно, что пространственный/непространственный характер значения приставки играет важную роль и в области двойной префиксации, что было отмечено в работах [Belakov, Guraud-Weber 1997, Кронгауз 1998: 67–68]. Что касается вторичной имперфективации в сопоставительном плане, в русском языке имеется больше ограничений, чем в остальных изучаемых языках. Так, например, из работы [Cockiewicz 1992] следует, в подтверждение выводов Е.В. Петрухиной, что в польском границы вторичной имперфективации значительно шире, чем в русском. В этой связи хочется добавить, что и некоторые другие словообразовательные процессы также оказываются гораздо более регулярными в западнославянских языках, чем в русском (мы имеем в виду, в частности, образование видовых пар путем префиксации от двувидовых глаголов, продуктивность и частотность многократных глаголов, и т. п.). Этот вопрос, впрочем, требует специального рассмотрения.

В главе третьей "Категория деривационной омасиологии и акциональное словообразование" (с 107–140) автор предлагает обзор существующих классификаций деривационных приемов в славянских языках и рассматривает критерии, на которых они основаны. Сопоставление данных позволяет автору и здесь сформулировать ряд сходств и различий между родственными языками

В самой длинной последней (четвертой) главе "Фазисно-временные модификации базовых глаголов в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким и польским" (с. 141–233) автор систематически исследует семантику и функционирование ограничительных, начинательных и финитивных способов действия в русском и в западнославянских языках, причем вносит в эту область большое количество тонких наблюдений. Особенно интересным нам показался анализ делимитативов, которым, как известно, посвящена огромная литература. Думается, что

Е.В. Петрухиной удалось с точностью определить их место в аспектуальной системе каждого из языков.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Профессиональному исследователю понятно, как непросто, с одной стороны, разобраться в обилии аспектологической литературы, построенной на разных теоретических предпосылках и оперирующей разной терминологией, и как трудно определить то существенное, что можно извлечь из разных подходов, а с другой стороны – насколько проще игнорировать все, что не подтверждает наших собственных рассуждений или отбросить без дискуссии то, что для нас ново и непривычно. Е.В. Петрухина преодолевает обе эти трудности, стараясь каждый раз выискнуть в суть многочисленных гипотез и теорий и взвесить их преимущества и недостатки. Свои собственные наблюдения она формулирует четко, но осторожно, всегда опираясь на фактический материал и учитывая работы лингвистов разных направлений.

В плане славянской аспектологии монография представляет собой настоящий синтез работ по пяти славянским языкам (в том числе частных исследований самого автора). По обилию приведенного фактического материала и новизне предложенных идей и гипотез книга не имеет себе равных в современной аспектологической литературе.

В плане собственно русской аспектологии сопоставительная перспектива, как всякий взгляд с расстояния, дает автору возможность прояснить ряд спорных вопросов, уточнить анализ многих явлений и, порой, предложить более глобальные решения. И даже если интерпретация некоторых частных языковых фактов может вызывать сомнения, вклад автора в русскую и, прежде всего, сопоставительную славянскую аспектологию нам кажется чрезвычайно ценным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гловинская 2001 – *М Я Гловинская* Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // *Язык русского зарубежья* Общие процессы и речевые портреты (Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 53). Москва, Вена, 2001
- Кронгауз 1998 – *М А Кронгауз* Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика М., 1998.
- Belakov, Guraud-Weber 1997 – *V Belakov, M Guraud-Weber* О некоторых свойствах вторичных глагольных приставок // *Russian Linguistics*. 1997. № 21.

Cockiewicz 1992 – *W Cockiewicz* Aspekt na le systemu slowotwyrczego polskiego czasownika i jego funkcyjne odpowiedniki w języku niemieckim // Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 1992.

Comrie 2001 – *B. Comrie*. Some thoughts on the relation between aspect and Aktionsart // *Functional grammar. Aspect and aspectuality. Tense and Temporality* / Ed. by A. Barentsen, Y. Poupynn. Munchen, 2001.

Eckert 1985 – *E Eckert*. Aspect in repetitive context in Russian and Czech // *The scope of Slavic aspect* / Ed. by M.S. Flier, A. Timberlake. Columbus (Ohio), 1985.

Włodarczyk 1997 – *H Włodarczyk* L'aspect verbal dans le contexte en polonais et en russe. Paris, 1997.

М Гуро-Вебер

V. Potapov. Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus. Kohn, Weimar; Wien. Bohlau Verlag. 2001. 310 S.

В последние годы в фонетических и фонологических исследованиях изучение просодических явлений занимает все более заметное место. Это объясняется, по-видимому, не тем, что все вопросы сегментной фонетики решены, а, вероятно тем, что просодика относительно ближе к смысловой стороне языка, чем сегментная фонетика, а в наши дни все интенсивнее развиваются семантические исследования.

Важным показателем специфических особенностей перцептивной и просодической структурированности речевого высказывания является ритм. Речевой ритм – понятие многоаспектное, и изучение его весьма актуально уже потому, что, будучи частью "общезычного ритма", он имеет свою – далеко не раскрытую – специфику в силу взаимодействия с членением языкового целого. По определению В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1984], сама сущность языка как формы мысли заключена в членораздельности. Поскольку "всякое мышление состоит в разделении и соединении", постольку и язык "вечно разъединяет и связывает".

Как показал И.А. Бодуэн де Куртэнэ [Бодуэн де Куртэнэ 1963], язык имеет двойное иерархическое членение. Членение в содержательной сфере оперирует значащими единицами. Членение в звуковой сфере оперирует незначащими единицами. Однако само вычленение последних осуществляется в языке с опорой на значение.

Членение языкового целого типологически неоднородно, и в зависимости от степени разграничения лексического и грамматического могут различаться и степень разграничения двух сторон языка, и глубина иерархического членения, и степень автономности по отношению друг к другу функционально различных членений синтагматически сложных языковых единиц, и степень противопоставленности парадигматических классов единиц одного ранга. Организация и членение

звуковой стороны значащих единиц в разных языках может осуществляться разными средствами. По этим причинам в речевом ритме – наряду с универсальным и сугубо индивидуальным аспектами – может быть выделен типологический аспект.

Актуальность исследования ритмической организации речи определяется тем бесспорным фактом, что ритмическая организация речи сегодня является объектом лингвистики (инструментальной фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса), психолингвистики и социолингвистики. Для решения проблематики ритмической организации речи требуются усилия высококвалифицированных представителей различных научных дисциплин гуманитарного цикла, включая историков языка и литературы. Однако современное состояние научной деятельности характеризуется дивергенцией наук, узкой специализацией научной деятельности. Сфокусировать достижения различных наук на той или иной конкретной проблеме нынче чрезвычайно трудно, но тем более необходимо и актуально.

В.В. Потапов является автором содержательных исследований в области ритма на материале разных языков в диахроническом и синхроническом аспектах (см., например, [Потапов 1993; 1996; 1999]). Он уже хорошо известен своими работами, и его с полным основанием можно называть одним из ведущих специалистов в области лингвистической ритмологии. Рецензируемая книга В.В. Потапова "Динамика и статика речевого ритма", опубликованная в Германии, является обобщением и дальнейшим развитием его предшествующих работ.

В.В. Потапов исследует речевой ритм на материале пяти индоевропейских языков: русского, болгарского, чешского, с одной стороны, и немецкого, английского – с другой. Несмотря на существенные типологические расхождения в грамматическом строе, все эти языки используют в целях супraseгментной

организации слова ударение, которое, однако, также значительно различается и по своей фонетической природе, и, что особенно важно, по своей фонологической значимости. Поэтому выбор указанных языков в качестве объекта исследования представляется удачным.

Благодаря ударению индоевропейское слово предстает как определенная последовательность ударного (ударных) и безударных компонентов, в качестве которых могут выступать и незначащие единицы (слоги), и значащие (морфемы и их совокуности) [Зубкова 1991]. Книга В.В. Потапова посвящена разработке одной из актуальнейших проблем современного языкознания: проблеме многоуровневой природы лингвистического нестихового ритма, понимаемого автором как "квазирегулярная повторяемость наиболее частотных для данного хронологического состояния языка и варьирующих под влиянием грамматического строя данного языка ритмических структур, характеризующихся специфической просодической оформленностью в рамках интонационно-смысловых блоков". Подобный подход представляется перспективным. Научный аппарат отобран весьма корректно в результате трудоемкого и детального теоретико-лингвистического анализа научной литературы. Автором уточнены основные понятия речевого ритма. Особенно удачным является понятие "ритмической структуры" (РС) как минимальной единицы речевого ритма, "ритмической схемы синтагмы" (РСС) и др.

Говоря о значении рецензируемой книги, необходимо констатировать, что сопоставление ритмической организации письменных текстов в славянских и германских языках на осях синхронии и диахронии является абсолютно новым и весьма перспективным направлением. Ритмическая специфика письменных и устных текстов связана не только с особенностями речевой просодии, но и с особенностями грамматического строя языков. Ритмическая структура слова большей частью задана, если иметь в виду постоянство ударения в конкретных словоформах. Заданность ритмической структуры слова и ее связь с грамматической структурой языка — это те признаки, которые позволяют судить об исторических изменениях речевого ритма в письменных памятниках разных времен.

Эволюция речевого ритма прослеживается В.В. Потаповым для русского языка на материале старославянских текстов IX в., древнерусских текстов XII в. — "Поучения" Владимира Мономаха и "Слова о полку Игореве" (с переводами на современный русский

язык) и нескольких акцентированных русских текстов XVI–XVII вв. (также с переводами на современный русский язык); для немецкого языка — на материале двух древневерхненемецких текстов IX в. и одного средневерхненемецкого текста XVI в.

Интересным и оригинальным представляется изучение ритмической организации текста оригинала "Слова о полку Игореве" и сопоставление полученных данных с результатами анализа текстов переводов этого памятника письменности на современный русский язык (переводы В. Жуковского, А. Майкова, К. Бальмонта, С. Шервинского, Н. Заболоцкого, И. Шклярского). Вследствие того, что большинство исследователей "Слова о полку Игореве" склоняются в пользу музыкального сопровождения при речитативном или певческом характере исполнения, автор совершенно уместно привлек к сопоставительному анализу современный богослужебный текст минеи.

Особый колорит придает данному исследованию обращение в плоскость диахронии. Автору удалось обнаружить существенные сдвиги в ритмической организации прозаической речи в эпоху от старославянского и древнерусского языков (до падения редуцированных) до памятников XVI–XVII вв. и далее до современного русского языка. Весьма важным представляется, в частности, следующий результат: падение слабых редуцированных имело существенные последствия для перераспределения типов ритмических структур, тогда как "проявление" сильных редуцированных на этот процесс не повлияло. Сам характер указанного перераспределения позволяет говорить об определенной типологической доминанте русской разговорной (и письменной) ритмики.

Новым является то, что формализованная схема синтагмы древнерусского языка, с одной стороны, в достаточной степени принципиально соответствует формализованной схеме синтагмы современного русского языка, а с другой стороны, характеризуется достаточно выраженным наличием своих различительных признаков, каузально зависимых от диахронической специфики языка. Вывод о том, что как современный русский язык, так и древнерусский имеют общую тенденцию к реализации ударения на среднем слоге структуры, имеет принципиальное значение для современного языкознания в целом. Несомненный научный интерес вызывает описание переразложения ритмической организации немецких текстов, которые были взяты в диапазоне от IX в. до XVI в. Переразложение характерно в основном для трехсложных ритмических структур. Актуален вывод о том, что

вследствие функционирования синкопы, апокопы, элизии, редукции и т.п. происходит специфическое переразложение "ритмического" каркаса немецких слов и форм.

В книге проведено сравнение русского и немецкого речевого ритма в период с IX по XI вв. При этом для немецкого и русского языков выявляется ритмическая структура, доминирующая в эволюции языка. В течение названного времени прослеживается перераспределение ритмических структур, одной из причин которых является сдвиг немецкой и русской языковых систем от чисто синтетических форм к более аналитическим. Такой охват материала и полученные результаты создают целостное представление о языке. Это давно ожидаемый подход к изучению языка. Проблема соотношения внешних и внутренних факторов любой эволюции, в частности языковой, во многом определяет направление и ход конкретных исследований. Общий ход развития эволюционистских концепций характеризуется возрастающим интересом к внутренней причинности. Уже в гегелевской диалектике был выдвинут принцип самодвижения, саморазвития, источником которого является борьба внутренних противоречий, присущих каждому явлению, каждому процессу [Журавлев 1982]. В.В. Потапов подтвердил состоятельность концепции, согласно которой цементирование морфем в составе иерархически высшей структурной единицы – слова в разных языках могло идти различными путями. Для организации древнегерманского слова первостепенное значение имела позиционная закреплённость главного ударения, что естественным образом влияло на ритмическую организацию древнегерманских текстов. Динамика фонологического-морфологического и позиционных изменений в славянских языках носила иной характер. Функционирование закона Гавлика определило специфику развития акцентной системы славянских языков в диахронии.

Еще во второй половине XIX в. чешский лингвист А. Гавлик, исследуя закономерности процесса падения редуцированных в истории чешского языка, пришел к следующему выводу: падение или сохранение ("вокализация") славянских еров подчиняется правилам, аналогичным поведению французского *э-muet*. Слависты приложили большие усилия для выяснения процесса падения редуцированных, самым тщательным образом подсчитали число случаев с "правильным" и "неправильным" употреблением еров по памятникам славянской письменности, выдвинули ряд теорий и гипотез. Во второй половине XX в. были предприняты попытки вскрыть причи-

ны падения редуцированных, выявить закономерности отступлений от правила Гавлика, определить генезис явления, когда два смежных слога, предельно сближаясь, образуют как бы один слог, что в общем и отражено в правиле Гавлика.

Во всех славянских языках слабые редуцированные пали, конвергировав в нуле звука, но прежде полезное противопоставление во всех славянских языках первоначально сохранилось в консонантной оппозиции (C' : C), в противопоставлении дизный – недизный (смягченный – несмягченный), либо лабиовеляризованный – простой согласный. Иначе падение редуцированных не имело бы смысла. Об этом свидетельствует не только логика процессов, но и данные "внешней" типологии. Следовательно, явления, подводимые под правило Гавлика, есть утрата слоговости гласными в результате трансформации: две слогабемы → один слог. Это является необходимым следствием распада слогабемы праславянского языка позднего периода [Журавлев 1977].

Абсолютно верным, с нашей точки зрения, является основной вывод автора книги о функционировании законов Гавлика и Вернера применительно к славянским и германским языкам, сыгравшими решающую роль при формировании речевого ритма в анализируемых языках. Таким образом, отличительной чертой и принципиальной новизной рецензируемой книги является то, что ее автор, в отличие от своих предшественников, исследует ритм прозы в исторической перспективе, создав для этой цели оригинальную методику: он рассматривает некоторые тексты в современной транскрипции, сопоставляя их с записями на древнерусском и старославянском языках, датированными временем их создания. В те периоды, которые разделяют оригинальные тексты и современное переложение, произошли грамматические и фонетические изменения, естественно, повлиявшие на ритмическую организацию этих текстов; так, падение редуцированных ознаменовалось появлением в современном русском языке односложных структур и сокращением многосложных.

Синхронический анализ речевого ритма начинается со славянских языков: русского, болгарского, чешского. Изучаются: членение звучащих текстов разных функциональных стилей на ритмические структуры и синтагмы; распределение ритмических структур и ритмических схем синтагм в публицистических и научно-технических текстах, с одной стороны, и в художественных текстах – с другой; морфологический состав ритмических

структур; просодические и спектральные характеристики ритмических структур и ритмических схем синтагм, на основании чего дана характеристика чешской, болгарской и русской речи по таким параметрам, как мелодический диапазон, мелодическая "изрезанность", энергетическая выраженность, характер членения синтагм на ритмические структуры, темп и т.д. Таким образом, стоя на позициях И.А. Бодуэна де Куртенэ, автор настоящего исследования развил их и дополнил. И.А. Бодуэн де Куртенэ еще в семидесятых годах XIX в. впервые в славянском языкознании выдвинул и сформулировал идею типологического сравнения в связи с морфологической классификацией языков. И.А. Бодуэна де Куртенэ интересовало не только то, как и с помощью каких средств слоги объединяются в слово (способы присоединения морфем, ударение, гармония гласных, чередование гласных и т.д.), но и гораздо более общие вопросы. Однако прямого соответствия между вышеуказанными факторами и спецификой ритма он не проводил. Автор данной книги проводит последовательный анализ морфологического состава ритмических структур, их комбинаторики и выявляет каузальную зависимость грамматического и ритмического феноменов. Причем последний находится в функциональной зависимости от первого. В результате исследования автор установил, что по признаку соотношения класса и типа ритмических структур и его грамматического состава наличием общих тенденций характеризуются русский и болгарский языки. Для исследуемых языков обнаружено наличие двух ареалов, различающихся ритмически и грамматически. Полученные данные в этом аспекте представляют большой научный интерес.

В книге применительно к немецкому языку рассматривается частотное распределение ритмических структур в парадigmatике, то есть в словаре (сначала без учета, затем с учетом локализации второстепенного ударения); соотношение ритмических структур и структуры синтагм, просодические характеристики ритмических структур в синтагматике, то есть в слитной речи.

Далее проводится сопоставление акустических характеристик немецких и русских минимальных пар типа *Masse – масса, Probleme – проблемы*.

Последний раздел "Ритмическая организация английского языка", включающий как результаты собственных изысканий в данной области, так и обобщения результатов исследований, проведенных другими авторами, в значительной своей части посвящен изуче-

нию фонетической интерференции в русской речи англичан (в области вокализма, консонантизма и интонации), а также восприятия английского языка русскими при полном незнании этого языка.

Закрывающие книгу выводы автора в части, касающейся фонетических аспектов речевого ритма, представляются вполне обоснованными.

Наиболее значительными представляются следующие теоретические положения, разработанные В.В. Потаповым.

Во-первых, на разном материале прослеживается относительный характер ритма, сложность его организации, особенно в языках с подвижным ударением в слове и подвижным интонационным центром в синтагме. Автор показывает многомерность связей разных просодических компонентов речевого ритма.

Во-вторых, в анализ речевого ритма включены интонационные характеристики. Здесь уместно вспомнить, что еще в 1987 г. на XI Конгрессе фонетических наук в Таллине вопрос о включении интонации в речевой ритм обсуждался как дискуссионный.

В-третьих, при описании ритмической организации речи специально следует отметить обращение автора к данным грамматического анализа ритмических единиц. В связи с этим основная гипотеза исследования такова: специфика речевой просодии и специфика грамматического строя языков приводит к различным способам фонетического структурирования речевого ритма. Так, например, проведенный анализ позволяет сделать вывод о преобладании в болгарском языке ритмических структур составного грамматического типа, в русском – в основном простого грамматического типа и в чешском – комбинированного, примерно с равной степенью простых и сложных форм. Это дает возможность предполагать, что ритмико-структурная организация, ее специфика, обусловлены в значительной степени грамматическим строем языка.

Таким образом, следует подчеркнуть, что многое В.В. Потапов исследует впервые: речевой ритм в синхронии и диахронии на материале старославянских, древнерусских текстов в сопоставлении с их переводами на современный русский язык, а также немецких текстов различных временных пластов; совокупность лингвистических факторов, взаимосвязанных с характеристиками ритмической организации текста; фонетические средства и грамматическое содержание ритмических единиц и т.д.

Автором впервые детально разработан метод исследования речевого ритма в диахронии, предложен метод межъязыковых минимальных пар, предложены приемы выявления типологической специфики ритмического структурирования текстов, применена специальная методика на базе компьютерной технологии и математической статистики. Детально разработан и применен весьма оригинальный и перспективный подход к историко-сопоставительному и типологическому анализу исследуемых текстов. Весьма продуктивно используются современные научные методы и приемы анализа исследуемой языковой материи.

Думается, представило бы большой интерес дальнейшее распространение подобных сопоставлений в рамках языкового союза (чешский и венгерский, белорусский и литовский, русский диалектный и мордовский и т.п.). Было бы желательно сравнить "Слово о полку Игореве" с английским переводом. В связи с возросшим интересом к церковному пению, необходимо сопоставить тексты (хотя бы тексты церковнославянского кондакаря [Успенский 1973]) с греческим оригиналом.

В заключение следует подчеркнуть, что значение рецензируемой книги выходит далеко за пределы перечисленных проблем: здесь решается ряд важнейших вопросов сравнительной ритмологии славянских и германских языков, определена основа сопоставления ритма письменной и устной речи. В исследовании представлено гармоническое сочетание диахронического анализа письменной речи с синхроническим анализом звучащей речи. Разработка проблемы речевого ритма с позиций сопоставительно-типологического подхода вносят ценный вклад в теорию речевого ритма и теорию типологии, способствуя расширению и углублению знаний и представлений о механизмах языковых и речевых процессов с позиций поиска универсалий, типа и индивидуально-специфических особенностей [Николаева 1977]. Развер-

нутые, четко сформулированные выводы исследования дают полное представление о глубине и разноаспектности проведенной автором работы. Данное исследование представляет собой оригинальный научный труд, основные положения, гипотезы, выводы которого новы, доказательны, имеют несомненную теоретическую и практическую ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодуэн де Куртэнэ 1963 – *И.А. Бодуэн де Куртэнэ*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М., 1963.
- Гумбольдт 1984 – *В. Гумбольдт*. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Журавлев 1977 – *В.К. Журавлев*. Правило Гавлика и механизм падения редуцированных в славянских языках // *ВЯ*. 1977. № 6.
- Журавлев 1982 – *В.К. Журавлев*. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.
- Зубкова 1991 – *Л.Г. Зубкова*. Словесное ударение в характерологическом, конститутивном и парадигматическом аспектах // *ВЯ*. 1991. № 3.
- Николаева 1977 – *Т.М. Николаева*. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Потапов 1993 – *В.В. Потапов*. Языковая специфика структурно-компонентной актуализации ритма речи // *ВЯ*. 1993. № 5.
- Потапов 1996 – *В.В. Потапов*. Речевой ритм в диахронии и синхронии. М., 1996.
- Потапов 1999 – *В.В. Потапов*. К динамике становления вербального ритма // *ВЯ*. 1999. № 2.
- Успенский 1973 – *Б.А. Успенский*. Древнерусские кондакари как фонетический источник // *Славянское языкознание (VII Международный съезд славистов)*. М., 1973.

В.К. Журавлев

Н.А. Янко-Триницкая. Словообразование в современном русском языке / Отв. ред. Е.В. Красильникова. М., 2001. 504 с.

Только в конце 2001 года вышла из печати в издательстве "Индрик" книга Н.А. Янко-Триницкой "Словообразование в современном русском языке". Завершенная в 1972 году, она почти тридцать лет ждала публикации. Только сейчас читателям представится возможность осознать систему

взглядов этого исследователя. Книгу завершает библиография трудов, которая позволит получить полное представление о словообразовательных идеях Н.А. Янко-Триницкой по ее публикациям.

В жизни и в науке Надия Александровна была тесно связана с традициями МФШ, ра-

ботая в Московском городском институте имени Потемкина и позднее в секторе современного русского языка Института русского языка под руководством М.В. Панова, где и была написана эта книга. В книге, в частности, нашла отражение точка зрения В.Н. Сидорова на морфологические категории – числа (в ней выделяются слова единственного и слова множественного числа – с. 96–100), вида и возвратности (автор исходит из понимания видовых пар и возвратных–невозвратных глаголов как разных слов – с. 102). При таком подходе расширяется объем словообразования.

В книге сформулированы общие представления автора о единицах иерархии структуры языка и специально рассмотрены фразеологизмы на всех уровнях ("фразеология – это общее название всех отступлений от правил интеграции значимых единиц в одну, более сложную" – с. 22). Дан анализ формальной структуры слова на фонетическом, фонологическом, морфематическом уровне (фиксируется состав морфем в их основном виде: *ножка* [ног-к-а], *ножик* [нож-ик], *медвежата* [медвед'-ат-а], *брел* [брэдл], *власть* [владт']).

Начинают книгу части "Морфема и слово" (границы слова в синтагматическом, в парадигматическом плане), "Основа и флексия" ("понятия основы и флексии взаимно обусловлены" – с. 146). Рассматривается роль флексии в словообразовании. В части третьей "Общие свойства основ" – три главы: "Членимость основ слова" (система предложена автором), "Выводимость основы" (термин, соответствующий термину "производность") и "Базовая основа и дериватор" (в последней главе на выразительном материале рассматриваются наложение, усечение и консонантизация основ *релейный*, *арготический*, *эзрянский*).

В описании словообразовательных отношений Н.А. Янко-Триницкая использует понятия маркированности–немаркированности (с. 244–248). В размерно-оценочных парах *рука–ручка* в качестве маркированного выступает второй член. В мужских–женских образованиях лица *студент–студентка*, *житель–жительница* маркированными являются женские образования (см. статью Н.А. Янко-Триницкой "Наименование лиц женского пола существительными мужского и женского рода", 1966). В парах несовершенный вид – совершенный вид, невозвратный глагол – возвратный, количественное числительное – порядковое первый член отношения оценивается как немаркированный

(Ср.: *А какой номер? Двести восемнадцать и Двести восемнадцатый*).

Центральное понятие (Часть четвертая – "Структура выводимого слова") – наименьшая единица словообразовательной системы – образец. "Образец – это структурная схема выводимых слов с указанием аффиксов, а также семантики базовой основы, в той степени обобщения или конкретизации, в которой эта семантика сказывается на значении выводимого слова... Компоненты образца: базовая основа, дериватор <...> и система флексий" (с. 292). Так суффикс *-тель* участвует в двух образцах, различающихся только системой флексий:

1. Основа глагола + *тел'* + (система флексий типа *брат*) – лицо, учреждение (*обозреватель*, *учредитель*).

2. Основа глагола + *тел'* + (система флексий типа *стол*) – предмет, орудие, помещение, учреждение, "предмет, способствующий выполнению действия" (*распределитель*, *обтекатель*).

Анализируются образцы сложных слов и простых слов с включением. Завершает эту часть параграф "Системность словообразования", где названы основные модели внутреннего устройства образцов.

В части пятой – "Словообразовательные подсистемы" – речь идет о фактах, не укладывающихся в систему, представляющих отклонения от ее закономерностей: усечение основ и слов, аббревиация, окказиональное словообразование. В первой главе автор разделяет усечения на морфемном и не на морфемном шве: *дир*, *лор* и *фанат*, *флегмат*, рассматривает явления обратного словообразования: *дояр*, *снегур*, усечения фамилий, порождающие прозвища: *Пав* (*Павлова*), *Сент-Экз* (*Сент-Экзюпери*). Автор выделяет новые типы окказионализмов: *халтурне*, *елевидение*, *спиноза*, *ширпотребность* и др. Заметим только, что книга написана до того, как были установлены особенности разговорного словообразования. Поэтому среди окказионализмов названы образования по разговорным моделям (но в художественных текстах).

Завершают работу выводы о связях словообразования с лексикологией, морфологией, синтаксисом, фонологией. Объект словообразования, в терминах автора, "морфологическая структура" существующих в словарном составе языка слов. Отдельную, будущую задачу автор видит в описании системы действующих словообразовательных образцов.

Е.И. Голянова

В Брюсселе в издательстве "Дюкюло" вышла в свет коллективная монография "Французский язык в Алжире. Лексика и развитие языков".

Это единственное в мире исследование, в котором представлена широкая панорама истории распространения и современного состояния алжирского варианта французского языка. Замечательная книга А. Ланли, написанная на данную тему в 1962 г. (переиздана в 1970 г.) [Lanly 1962], посвящена ситуации лишь колониального периода и считается устаревшей. Привлекает также внимание объективность осмысления феномена французского языка в Алжире авторским коллективом, в состав которого вошли ученые из Франции, Алжира и России.

Группу авторов возглавляет А. Кеффелек – профессор университета Прованса (г. Эксан-Прованс, Франция). Он известен как автор и соавтор многих публикаций (в основном лексикографических), касающихся особенностей французского языка в Тропической и Северной Африке (французский язык в Нигере, Мали, Конго, Марокко). А. Кеффелек редактирует научный журнал "Le français en Afrique" и возглавляет сеть научных лабораторий по изучению французского языка в Африке. Я. Дерраджи – доцент Константинопольского университета (г. Константина, Алжир), специалист по социолингвистике и преподаванию французского языка как иностранного, автор диссертации, посвященной вопросам французского языка в Алжире. Д. Смаали-Декдук – преподаватель, автор ряда статей и диссертации по проблемам языковой политики и французского языка в Алжире, работает преподавателем средней школы. Я. Шерар-Беншефра – доктор наук, профессор Константинопольского университета (г. Константина, Алжир), автор работ по социолингвистике и методических пособий по преподаванию французского языка как иностранного; руководит научной лабораторией по проблемам речевого общения. В.М. Дебов – доцент, заведующий кафедрой романской филологии и латинского языка Ивановского государственного университета, известный в российской романистике исследователь в области французского языка стран Магриба. Большая часть его научных работ посвящена вопросам распространения и состояния французского языка в Алжире. Материалы его "Словаря особенностей французского языка в Алжире" [Дебов 1996] в

значительной степени вошли в лексикографическую часть рецензируемой монографии.

Книга состоит из двух основных частей. В первой детально обсуждаются проблемы языков в Алжире; вторая представляет собой словарь лексико-семантических особенностей алжирского варианта французского языка. Книга включает обширную библиографию (125 с.).

Социолингвистическое описание выполнено в традиционном ключе. Здесь описывается развитие языковой ситуации и политики в доколониальный, колониальный и постколониальный периоды истории Алжира. Основное внимание обращается на распространение французского языка в данном регионе, его взаимосвязь с другими языками страны в недалеком прошлом и на современном этапе развития алжирского общества.

Французский язык колониальной эпохи характеризуется авторами как система подязыков, куда, прежде всего, входил *просторечный вариант французского языка*, главным образом в его устной форме. Им пользовались простые французские колонисты, занимавшиеся такими видами экономической деятельности, как рыбная ловля, торговля, промышленное и сельскохозяйственное производство. Это был также язык рядовых французских чиновников и незначительной части местного населения. Просторечный французский язык колонистов пренебрежительно назывался "pataouète" и характеризовался значительным объемом локальной лексики, основу которой составляли заимствования из языков народов Алжира (из арабского и берберского) и народов соседних стран (из каталанского, кастильского, итальянского, мальтийского, провансальского). Этот вариант французского языка существовал наряду с *местным разговорно-литературным вариантом французского языка*, которым пользовалась основная масса французов, проживавших в Алжире. Кроме того, в стране была распространена *литературно-письменная разновидность французского языка*, которая была почти идентична стандарту французского языка Франции и употреблялась лишь в среде местной интеллигенции и высших чиновников.

В колониальный период, наряду с разновидностями речи колонистов, развивался особый вариант *французского языка арабберберов*. Он сформировался как результат вынужденного использования местным населением официального французского языка и

в силу приобщения алжирцев к образованию во французских школах. Важным каналом освоения французского языка местным населением явилась служба арабо-берберов в колониальной армии, особенно в связи с участием французской армии в первой и второй мировых войнах. Африканские солдаты, возвращавшиеся из Европы, часто привлекались к административному управлению на селе и в городе. Кроме того, во времена колониального прошлого местное население, безусловно, активно участвовало в экономической жизни страны, где основные позиции занимали французы, и общение с ними, естественно, осуществлялось на французском языке.

В результате освоения французского языка местным населением арабский язык Алжира активно заимствовал французскую лексику, приспособляясь таким образом к современной действительности. Одновременно и французский язык вбирал в себя значительное число арабских элементов произносительного, морфо-синтаксического и лексико-семантического характера.

Авторы книги подчеркивают, что французский язык колониального Алжира является не только социолингвистической, но и культурной реальностью. Этот язык стал средством создания замечательной алжирской прозы и поэзии, сумев вобрать в себя многие элементы арабо-берберской культуры.

Представляя анализ современной языковой ситуации в Алжире, авторы рассматривают динамику отношений, складывающихся между следующими языками и их вариантами:

– родные языки алжирцев: тамазигхт (язык берберов), местный диалект арабского языка, литературный вариант арабского языка;

– иностранные языки: французский, английский, испанский.

Что касается *тамазигхта*, то он справедливо относится авторами к числу важных субстратов в языковой ситуации сегодняшнего Алжира. Тем не менее, будущая судьба этого языка представляется не совсем ясной в связи с мощным воздействием на него арабского языка, все более укрепляющего свое лидирующее положение в алжирском обществе.

Арабский язык представлен как довольно сложная в социолингвистическом плане структура. В первую очередь, это *классический арабский язык*, связанный с текстом священного Корана и с исламской религией в целом. По своему состоянию этот язык VII в. не претерпел с тех пор существенных изменений.

Другая разновидность арабского языка в Алжире представлена его литературной формой. *Литературный арабский язык* сформирова-

ровался как всеобщая форма речи в государствах арабского Востока в результате модернизации классического арабского языка. Как особый вариант литературный арабский язык Алжира активно развивался в контакте с колониальным французским языком. Сегодня именно эта форма арабского языка представлена в Алжире на радио, телевидении, в прессе, в системе образования, в науке, политике, в дипломатической и административной сферах.

Третья разновидность арабского языка представлена его *разговорным диалектом*. Эта форма речи является родной для 85% населения страны (всего в Алжире в настоящее время проживает около 30 млн. чел.). Для тех алжирцев, которые не имеют возможности получить образование на литературном арабском или французском языке, арабский диалект является единственным средством общения. Причем различия между диалектной и литературной формами арабского языка настолько велики, что носители диалекта не в состоянии понимать речь алжирцев, пользующихся литературным языком. В свою очередь, имеется несколько поддиалектов единого диалекта арабского языка в Алжире.

После завоевания независимости в 1962 г. арабский язык был провозглашен национальным (официальным) языком страны, а французский – первым иностранным языком. Хотя французский язык оставался неродным языком для местного населения, он продолжал занимать привилегированное положение в алжирском обществе и выполнял в нем важные коммуникативные функции.

Однако в 1970-е годы в Алжире развернулось мощное движение за арабизацию страны, в результате чего сложились два противоположных лагеря: сторонники арабизации и сторонники францизации (офранцуживания) Алжира. Первые нацеливают общество на традиционализм и исламизацию, вторые призывают к модернизации в европейском стиле. В центре этой идеологической борьбы оказались проблемы культуры, религии, традиционности, современности, независимости и угнетения. Важное место в обсуждении этих проблем занимает вопрос о взаимоотношения арабского и французского языков. Сторонники арабизации выступают за распространение арабского языка абсолютно во всех сферах общественной жизни, их противники ратуют за умеренный и рациональный подход в использовании родных и иностранных языков.

Ввиду таким образом складывающейся идеологической и политической обстановки,

французский язык в Алжире стал заметно терять свои позиции привилегированного средства общения. Правительственный декрет от 1968 г. обязывал всех высших чиновников осваивать арабский язык. Это же требование повторялось в последующих постановлениях алжирских властей. В 1976 г. была опубликована "Национальная хартия", в которой был намечен всеобщий переход на использование арабского языка во всех сферах общественной и политической жизни. В новой "Национальной хартии" от 1986 г. ориентация на арабизацию страны была подтверждена, а арабский язык был признан единственным средством национального сплочения алжирского народа. При этом имелся в виду лишь литературный вариант арабского языка. В 1991 г. в правительственных постановлениях был введен запрет на употребление любого иностранного языка во всех сферах государственного управления, а также на производственных предприятиях и в общественных организациях. В 1996 г. перед страной была поставлена задача завершения процесса арабизации к 1998 г.

В книге констатируется, что начиная с 1980-х годов раскол между сторонниками арабизации и францизации значительно усугубился и существовавшая до того комплементарность арабизирующей и франкоязычной элит алжирского общества превратилась в соперничество и даже в двустороннюю оппозиционность. От результатов борьбы этих идейно-политических сил зависит будущее арабского и французского языков в Алжире. Примечательно, что находящийся у власти президент Алжира Абделазиз Бутефлика не столь категоричен в вопросе арабизации и отдает должное всем языкам, существующим в стране, включая французский.

Авторы книги поставили перед собой задачу обрисовать реальное положение в языковой жизни современного алжирского общества. Для такого описания они применили методику, разработанную в Институте креольских и франкофонных исследований (г. Экс-ан-Прованс). Авторы приводят коммуникативный рейтинг языков Алжира, с одной стороны, на основе официально предъявляемых к ним требований, а с другой – на основе наблюдений за их реальным использованием.

Согласно правительственным постановлениям и высказываниям государственных лиц, в Алжире предписываются следующие процентные квоты использования различных языков в административных делах (в официальных документах, в обеспечении общенационального и местного управления, в судо-

производстве и религиозной сфере), а также в сфере образования (в начальной, средней и высшей школе), в средствах массовой информации (в прессе, на радио, телевидении, в кино, в издательской деятельности), в частном бизнесе и в профессиональной деятельности: литературный арабский язык 52,10; диалект арабского языка 7,24; тамазигхт 2,34; французский язык 32,47; английский язык 5,84.

Тем не менее, в реальной практике использования отмечаются значительные отклонения относительно статусных цифр, а именно: литературный арабский язык 21,90; диалект арабского языка 50,40; тамазигхт 9,40; французский язык 16,10; английский язык 2,20.

Анализ расхождений между предписываемыми и реальными цифрами приводит авторов к следующим выводам. Литературный арабский язык официально имеет явно завышенный статус по сравнению с реальным использованием его в практике языкового общения. Что касается французского языка, то ему официально предписывается значительно меньшая роль, чем литературному арабскому языку. Диалект арабского языка, имеющий минимальный предписываемый статус, в действительности используется гораздо активнее, чем какой-либо иной диалект страны. Подобная ситуация, безусловно, требует проведения в отношении к нему такой политики, которая предусматривала бы серьезное языковое строительство. То же, но в значительно меньшей степени, относится и к языку тамазигхт: официальный статус последнего явно занижен по сравнению с той ролью, которую он реально играет в Алжире.

Французский язык в современном Алжире представляет собой диглоссию, состоящую из его различных социолектов. В общей массе французским языком сегодня пользуются примерно три четверти населения страны (около 23 млн. человек). Такое большое число пользователей обусловлено главным образом тем, что при проводимой политике широкого охвата населения грамотностью французский язык в качестве иностранного повсеместно преподается в алжирской школе. Кроме того, в сознании алжирцев издавна сложилось убеждение в том, что французский язык – это высоко престижный инструмент, владение которым в значительной мере способствует достижению профессионального и социального успеха.

Степень владения французским языком среди алжирцев варьирует в соответствии с уровнем образования населения – от высокого до самого низкого. Высокий уровень вла-

дения французским языком отмечается у представителей местной интеллигенции, чиновников высшего ранга, писателей, преподавателей высших учебных заведений. Эта часть алжирцев весьма немногочисленна. Напротив, многие алжирцы владеют французским языком далеко не совершенно и в редуцированном виде. Между этими полюсами находится среднее звено алжирцев, знание французского языка которых считается соответствующим среднему уровню.

Предваряя лексикографическую часть монографии, авторы детально описывают методику сбора языкового материала, критерии отбора лексико-семантических дивергентов и основы систематизации материала в словарных статьях.

К области алжиризмов относятся заимствования и новообразования, а также слова, словосочетания и выражения из числа собственно французских лексических единиц, которые алжирцы употребляют в речи на французском языке специфично, с целью наилучшего приспособления языка к особенностям местной культуры, экономики и политики, а также к национально-культурным особенностям эмоционально-оценочного реагирования на мир. В соответствующих языковых единицах отмечаются те или иные особенности на уровне формы или содержания относительно общепользуемого стандарта. Основываясь на методике, разработанной при изучении особенностей французского языка в странах Тропической Африки [Groupe IFA de l'ÆLIA 1983], авторы предлагают следующую типологию лексико-семантических особенностей французского языка Алжира: лексические алжиризмы (неологизмы и заимствования); семантические алжиризмы (смещение, сужение, расширение значений, семантические переносы); грамматические алжиризмы (изменения грамматических категорий лексических единиц, а также преобразования морфо-синтаксических структур).

Источником для сбора языкового материала к "Лексическому инвентарю" книги послужили, с одной стороны, печатные тексты (газеты, журналы, художественная литература, официальные документы), а с другой – живая речь алжирцев, главным образом носителей местного варианта французского языка (речь учащихся лицеев, студентов вузов, преподавателей, журналистов, работников радио и телевидения). Для внесения собранных лексем в "Инвентарь" использовались критерии частотности их употребления, а также степень расхождений с французским стандартом. При этом соответствующая выверка осуществлялась по французским ака-

демическим словарям типа "Le Petit Robert" и "Trésor de la langue française". Кроме того, отбор собранного материала проводился с ориентацией на общеалжирское распространение той или иной специфичной единицы речи. В связи с этим в "Инвентарь" не вошли слова, характерные лишь для отдельных алжирских регионов и не имеющих общеалжирского статуса. Следующий критерий отбора – хронологический: главным образом в "Инвентаре" представлены особенности алжирского варианта французского языка в период постколониального независимого существования, насыщенного важными историческими событиями между 1970–2001 гг. Тем не менее, в "Инвентаре" отмечены те слова, которые связаны с событиями предшествующих эпох, но так или иначе представлены в жизни современного общества. Наконец, при отборе был учтен социальный критерий, согласно которому в корпус "Инвентаря" принимались алжиризмы, относящиеся к речи любой группы населения, исключая лишь те слова, которые используются как термины науки и техники.

В корпусе "Инвентаря" представлено примерно 1,5 тыс. алжиризмов, основная часть которых приходится на лексику, заимствованную из арабского языка. Как правило, это слова, обозначающие местные реалии и как таковые не известные исконным носителям французского языка и даже жителям соседствующих с Алжиром стран – Марокко, Туниса и Мавритании. Другая часть арабизмов связана с исламской религией и хорошо известна в магрибской среде. В Алжире формируется также некоторый слой специфической лексики на базе собственно французских форм и с помощью традиционно французских способов суффиксации, префиксации и словосложения. Эта лексика, как и заимствованная, часто связана с необходимостью обозначения местных реалий.

Наконец, широко представлены в "Инвентаре" случаи создания во французском языке Алжира семантических неологизмов. Что же касается грамматических преобразований, то они не так многочисленны и касаются главным образом феминизации названий профессий, субстантивации отдельных прилагательных и причастий, особенностей употребления основных французских предлогов, перехода глаголов из категории местоименных в категорию переходных.

Представление в "Инвентаре" специфической лексики французского языка Алжира сопровождается богатым иллюстративным материалом – примерами употреблений, обнаруженных в самых разных источниках.

Авторы книги особо отмечают следующий факт: значительная часть арабской лексики во французском языке Алжира заимствована из литературного арабского языка и в меньшей степени из арабского диалекта. Это говорит о существовании особого конфликта между литературными формами арабского и французского языков в данной стране. Каждый из этих языков стремится занять более надежное положение и быть подготовленным к успешному функционированию в самых разных сферах общественной жизни. Наконец, авторы книги замечают, что "особенности французского языка являются отражением реальной жизни страны, отмеченной как политическим насилием, экономическим и социальным неравенством, так и культурными особенностями алжирцев и Алжира".

Выход в свет книги "Французский язык в Алжире. Лексика и развитие языков" явился очередным этапом в подготовке единой монографии о французском языке стран Магриба, которую готовят исследователи, работающие в сети научных лабораторий по изучению французского языка в Африке. Уже опубликованы результаты исследований по Марокко и Мавритании. В ближайшее время планируется выход в свет монографии, посвященной французскому языку Туниса. Конечно, это будет уже другая группа авторов, но очень вероятно, что в ее состав войдет В.М. Дебов. Дело в том, что, как и в случае с коллективной монографией "Французский язык Алжире", выходу которой предшествовал опубликованный в Иваново "Словарь французского языка

в Алжире", В.М. Дебов недавно опубликовал "Словарь лексико-семантической специфики французского языка в Тунисе" [Дебов 2001]. Книга была представлена в Москве на XIV международной сессии преподавателей французского языка (2002 г.) и получила там положительные отзывы.

В заключение подчеркнем важность сотрудничества российского языковеда с международной группой исследователей. Действительно, участие в подобного рода исследованиях российских лингвистов оказывается довольно продуктивным, ибо в данном случае имеет место наблюдение сложного объекта в положении извне, откуда некоторые факты видятся по-особому, а порой констатируются такие явления, которые трудно обнаружить при наблюдении изнутри.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дебов. 1996 – В.М. Дебов. Словарь особенностей французского языка в Алжире. Иваново, 1996.
- Дебов. 2001 – В.М. Дебов. Словарь лексико-семантической специфики французского языка в Тунисе. Иваново, 2001.
- Groupe IFA de l'AELIA. 1983 – Inventaire des particularités lexicales du français en Afrique noire. Québec, 1983.
- Lanly. 1962 – A. Lanly. Le français d'Afrique N. Nord. Étude linguistique. Paris, 1962.

В.Т. Клоков

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

16–17 мая 2002 года в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы (Республика Беларусь) прошли очередные IX международные научные чтения в честь выдающегося ученого-слависта академика Е.Ф. Карского.

Международные Карские чтения проводятся с 1990 г. по инициативе кафедры русского языка Гродненского государственного университета в целях изучения, пропаганды и развития идей и научной школы Е.Ф. Карского, уроженца Гродненщины. Кроме белорусских ученых, в чтениях постоянно принимают участие филологи Литвы, России, Польши, Украины. Были и совместные международные проекты проведения Карских чтений. Так, VII Карские чтения под названием "Антропоцентрический подход в исследовании языка" были проведены в 1998 г. в Нежинском, тогда педагогическом институте, ныне университете имени Н.В. Гоголя, в alma mater академика (о чем была информация А.С. Белой в "Вопросах языкознания"). Следующие за ними VIII Карские чтения под названием "Язык в свете классического наследия и современных парадигм" были проведены уже в пределах республики совместно с Гродненским и Белорусским государственными университетами в декабре 2000 года к 140-летию ученого. Дважды (в 1990 и 2000 гг.) в чтениях принимала участие внучка ученого, известный филолог из Санкт-Петербурга, Т.С. Карская.

IX Карские чтения состоялись под традиционным названием "Е.Ф. Карский и современное языкознание". География участников (а их было свыше 80 человек, заявлено же еще больше – 123) значительно расширилась: в Гродно приехали также ученые из Казахстана и Японии. Расширилась она и применительно к научным центрам и вузам России и Украины: кроме постоянных участников – филологов Московского и Нежинского госу-

дарственных университетов, с которыми у гродненских ученых существует долгое творческое сотрудничество, в чтениях участвовали ученые из Санкт-Петербурга и Салехарда, из Луцка и Каменец-Подольского, из Львова и Одессы. Пополнился состав участников из Польши: в соответствии с Договором о сотрудничестве между ГрГУ и Белостокским университетом прибыла делегация лингвистов из Белостокского университета. Белорусские ученые представили на чтениях почти все университеты республики.

IX Карские чтения открыл ректор Гродненского госуниверситета проф. С.А. Маскевич, с приветственным словом выступил также декан филологического факультета ГрГУ В.К. Церлюкевич.

Широкий диапазон вопросов (а тематика чтений это предусматривала) обсуждался на трех пленарных и шести секционных заседаниях.

На первом пленарном заседании было заслушано семь докладов. М. Кондратюк (Белосток) в докладе "Академик Е.Ф. Карский как начинатель исследований белорусских говоров западной части бывшей Гродненской губернии" охарактеризовал методику и результаты исследований Карского как диалектолога, дал информацию о состоянии исследований белорусских и переходных говоров на указанной территории (ныне северо-восточной части Польши) польскими диалектологами. В докладе Е.И. Ян о в и ч (Минск) "Е.Ф. Карский-палеограф" рассмотрены основные труды ученого в области славянской палеографии: курс лекций, работы по описанию и изданию древних славянских памятников, работы по белорусской палеографии, основоположником которой он являлся. Отмечена характерная черта Карского-палеографа: тесная связь палеографических и историко-лингвистических интересов. М.В. Всеволодова (Москва) в докладе "Словосочетание как объект функционально-коммуникативной

модели языка" предлагает иное, в соответствии с прикладной моделью языка, понимание словосочетания как полифункциональной единицы синтаксиса, обладающей денотативной, сигнификативной и формальной синтаксической структурой, проявляющей свои свойства только в конкретном предложении-высказывании. Дается типология словосочетаний в соответствии с их полевой организацией по степени связанности компонентов, перечисляются функции словосочетания, указываются факторы, обуславливающие эти функции. В докладе В.И. Ковалева (Гомель) "О фразеологических эвфемизмах в народных песнях о любви" вскрывается глубокий эротический код, заложенный в белорусских народных песнях и реализованный в эвфемистических ФЕ с лексемами *конь, ведро, венюк, гриб*. Доклад Р.В. Железновой в соавторстве с Н.А. Качаловой (Москва) "Русская историческая ономастика как важнейший лингвистический источник реконструкции апеллятивной лексики XI–XVII вв." свидетельствует, что многие слова древнерусского ономастикона суть производные от апеллятивов, уже существовавших в системе языка. Неподдельный интерес аудитории вызвал доклад А.А. Гируцкого (Минск) "Тетраграмма YHWH и ее формальная и семантическая интерпретация", в котором рассматривается история возникновения и судьба в библейских текстах известной тетраграммы. Идея доклада "К типологии единиц релятивной грамматики: компараторы идентификационного тождества и абсолютного" М.И. Коношкевич (Гродно) состоит в обосновании необходимости еще одного уровня лингвистического анализа – уровня релятивной грамматики; показывается типология средств этой грамматики с двумя разновидностями отношения – отношения идентификационного тождества и отношения абсолютного как двух полярных видов отношения на шкале "экватив – компаратив". В докладе Л.В. Зубовой (Санкт-Петербург) "Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора" дается анализ и оценка "востребованности современной постмодернистской поэзией прежних структур", когда казалось бы навсегда утраченные свойства языковой единицы вновь становятся ощутимыми в особых условиях стихотворного текста, а это "позволяет утверждать, что поэзия активно отражает предшествующие, а нередко и вероятные будущие языковые состояния".

На втором пленарном заседании С.В. Конявская (Москва) показала возможности использования дискурсив-

ных характеристик для жанровой классификации и сопоставительных исследований текстов, принадлежащих разным временным срезам ("Древнерусская словесность и понятие дискурса"). В докладе А.С. Белой (Нежин) обращается внимание на то, как исследовательское кредо Е.Ф. Карского – каждый факт белорусского языка рассматривать на фоне других славянских языков – проявляется в исследовании украинско-белорусских языковых связей на фонетическом и лексическом уровнях. Б.К. Мурзалкина (Алматы), раскрывая взаимодействие значений, выражаемых лексико-грамматическими, интонационными средствами и контекстом, делает сопоставление семантико-прагматического потенциала русского и казахского предложения, отмечает больший интонационный диапазон высказывания в русском языке и более выраженную роль лексико-графических средств в казахском языке ("Семантико-прагматический потенциал высказываний, конкретизируемый интонационными средствами"). Доклад "Вариативность и синонимика безличных стальных предложений" Н.Н. Арват (Нежин) посвящен разграничению вариантных и синонимичных безличных стальных предложений и выявлению в каждой из этих разновидностей инвариантного предложения. Насыщенный интересными иллюстрациями доклад "Межэтническое общение в свете этнолингвистики" И.И. Токаревой (Минск) пронизан идеей необходимости системной интеграции социологии, лингвистики и этнографии в новой парадигме коммуникации без эгоцентризма и негативной стереотипизации. В докладе Е.В. Ничипорчик (Гомель) "Русские, итальянские и немецкие пословицы со структурой тождества: универсальное и специфическое" рассмотрены как общие, так и специфические для трех неродственных языков семантико-синтаксические модели со структурой тождества.

На третьем, заключительном, пленарном заседании были заслушаны два доклада. И.М. Кобозева (Москва) на примере реплик диалога героев "Мертвых душ" Гоголя рассматривает в докладе "Архитектура прагматического компонента модели порождения высказывания" модули прагматического компонента модели порождения высказывания, минимально необходимые для достижения коммуникативной цели. М.В. Всеволодова во втором своем докладе "К вопросу о предлоге как части речи" предложила опереться на полевую организацию этой части речи, включающую несколько концентров в зависимости от степени "оп-

редложенности" лексем, входящих в данное поле.

В силу сжатости времени, отведенного на секционные заседания (полдня), работало шесть секций.

Заседание секции "Функциональная грамматика" открыл доклад М. Номати (Токио) «О так называемом "дательном падеже принадлежности" с коммуникативной точки зрения», в котором рассматриваются условия употребления дательного падежа принадлежности и его коммуникативная роль по сравнению с аналогичными по семантике родительным падежом существительного и притяжательным местоимением. Реализация собственно целевого значения в "малых" жанрах русского и белорусского фольклора была предметом рассмотрения в одноименном докладе В.Л. Лещенко (Гродно). Специализация абсолютных глаголов, порождающих три типа одновалентных предикатов – действия, процесса и состояния – была проанализирована в докладе Н.Б. Иванцкой (Винница) "Функциональные параметры абсолютных глаголов украинского языка в семантико-синтаксической структуре предложения". Значение собственно противоречия как одна из субкатегорий дипласивной семантики (семантики временного равновесия сходного и различного) было предметом доклада Е.П. Пустошило (Гродно). Диапазону и специфике актантных ролей слова *больной* в медицинских текстах посвятила свой доклад И.В. Песоцкая (Гродно), сопоставлению способов реализации в русском и белорусском языках типовой ситуации внешней причины осознанного действия – доклад И.А. Усаченко (Гродно). В докладе Л.И. Смольской (Гродно) на материале языка газеты дается описание экспликаторов значения неопределенности субъекта в различных типах конструкций, в докладе Е.В. Близинок (Минск) рассматривается комплекс факторов, определяющих понятие глагольного управления. О направлениях формирования модальной семантики нежелания, невозможности в восточнославянских языках – тема доклада О.Н. Мельниковой (Гомель). Преломлению логической модели сложного предложения в область риторки, использование структуры данных конструкций как средства развития "идей" посвящен доклад Г.Н. Жданени (Гродно). Функциональные особенности внутрисистемных значений применительно к созданию семантического словаря для поиска информации и реферирования письменных

научных текстов показаны в докладе А.Ю. Станкевич (Гродно).

В секции "Словообразование и номинативная деривация в славянских языках" обсуждались вопросы совмещения диахронического и синхронического подходов в исследовании словообразовательных процессов. Соотнесенность/несоотнесенность глаголов состояния и действия и их дискретных коммуникативных соответствий были темой доклада А.В. Никитича (Гродно). В аналогичном аспекте рассматривались глаголы и аналитические наименования деятельности лица как деривационные сочетания глагола в докладе А.Н. Овчинниковой (Гродно), межъязыковая асимметрия деривационных полей глаголов эмоционального состояния в русском и белорусском языках показана в сообщении О.А. Кот (Гродно). Сопоставление дериватов с суффиксом *-н-* в русском и белорусском языках проводилось в докладе О.А. Фелькиной (Брест). М.В. Золотова (Минск) на материале болгарского и белорусского языков показала возможные пути семасиологического подхода к сопоставительным исследованиям глагольной префиксации. Контекстные условия появления производных существительных с целью свергивания пропозиции на материале текстов произведений В. Токаревой анализировались в докладе О.В. Костюкевич (Минск). Деривационные процессы в русской экономической терминологии проанализированы в докладах В. Мешковской (Белосток) и А.Ю. Корнеевой (Москва), ботанической терминологии в белорусском языке – в докладе Е.Н. Лапковской (Гродно).

Широкий спектр проблем общения был предметом обсуждения в секции "Прагмалингвистика". В докладе Т.А. Пивоварчик (Гродно) очерчивается объем понятия "категория персонализации", которую она понимает как прагмалингвистическую категорию, выражающую представленные говорящим себя и других в системе ролей (коммуникативных, ситуативных, социальных), "встраивание" позиций каждого коммуниканта в общую речевую ситуацию. Эволюция концептуального в речевом этикете восточных славян понятия *Привет* исследуется в докладе Н.С. Гребеншиковой (Гродно), случаям метафоризации номинаций лица в российском арго посвящен доклад И. Хомяко (Белосток). Возможности Словаря Даля для исследования этностереотипов и их места в русском языковом сознании продемонстрированы в докладе О.В. Потаповой (Минск). Особенно пристальное внима-

ние исследователей касалось вопросов учета лингвопрагматического компонента языковой единицы при сопоставлении языков. Так, А.Г. Павловская (Гродно) обратила внимание на важность учета эмфатических средств при переводе древнегреческих текстов Евангелий на другие языки – английский, русский, белорусский. Сопоставительной типологии безэквивалентных ФЕ (дифференцируются этнолингвистические, собственно безэквивалентные и аналоги ФЕ), эксплицирующих невербальные средства коммуникации, посвящен доклад Ж. Червинской-Сладкевич (Гданьск), сопоставлению антропонимических моделей английского и белорусского языков – доклад Л.В. Викторко (Минск). В докладе Е. Конфал (Белосток) прослеживаются успехи и неудачи перевода на польский язык экспрессивных обращений в "Бедных людях" Ф.М. Достоевского.

Несколько докладов было посвящено вопросам общения. В докладе О.В. Гилевой (Гродно) рассматривается генезис понятия "интерактивный аспект общения", конкретизируется типология стратегий взаимодействия коммуникантов. Типология стереотипов разговорной речи студентов г. Могилева дана в докладе М.В. Ладутько (Могилев), отмечена тенденция к использованию студентами экспрессивных и табуированных лексем в условиях становления группообразования и естественной иерархии. Применение теории лица Э. Гоффмана в объяснении природы ритуализованного вербального поведения демонстрируется в докладе И.А. Бережного (Минск), практические рекомендации для формирования навыков ведения деловой беседы даются в докладе Л.И. Мамонтовой (Могилев).

Секция "Язык в пространстве и времени" объединила исследования историко-этимологического, социолингвистического и диалектологического характера.

Историко-этимологический анализ названий фруктов и их функционирование в современных русском и польском языках был дан в докладе И. Лукашук (Белосток), о различиях лексических вариантов и глосс в текстах памятников письменности XI–XVII вв. говорилось в докладе М.А. Бурибаевой (Алматы), родовые и видовые праславянские названия хлеба в русском и белорусском языках были предметом рассмотрения в докладе Н.И. Шабундаевой (Гомель). Анализ трансформаций лексики с семантическими изменениями (дифференциацией, конкретизацией, генерализацией значений) в переводах со старорусского на польский делала в

своем докладе Б.Е. Подешвик (Белосток), а предметом внимания ее белостокской коллеги Л. Цитко был анализ графики и орфографии "Хроники Быховца", произведения XVI в. транслитерированного с западнорусского (старобелорусского) языка на польский. В докладах могилевских лингвистов Л.И. Шаповаловой и В.Б. Сузанович, исследовавших языковую ситуацию в малых городах и сельской местности Верхнего Поднепровья, русско-белорусское двуязычие характеризуется как двуязычие с неразграничением общественных функций русского и белорусского языков и с необозначенностью приоритетов белорусского языка по сравнению с русским.

Диалектология на секции была представлена докладом исследователя из Бреста В.В. Борисюка, посвященным анализу особенностей падежных форм существительных в вядском (на Полесье) говоре, а также докладом Н.А. Даниловича (Гродно), определившим критерии выделения фразеолого-синтаксических диалектизм.

Теоретическим и практическим аспектам формирования языкового сознания и языковой личности была посвящена работа секции "Языковая личность и языковое сознание". Языковое сознание студента как языковой личности стало предметом внимания в докладах Л.П. Мухаммад в соавторстве с Х.И.А. Мухаммад (Щекино) и Е.К. Сычовой (Могилев). В первом докладе на основе уточнения понятий "личность как реальность" и "личность как модель" предлагается методология обучения РКИ, основывающаяся на параллельном формировании противоположных типологических свойств личности, на интегрирующей когнитивно-вербальной речевой деятельности студента-инофона. Во втором докладе на материале употребляемой в разговорной речи студентов лексики был обрисован вуз в языковом сознании студента. На анализе синонимии глаголов говорения в белорусском литературном языке и диалекте, рассмотренных в акустическом аспекте, представлено языковое сознание "человека говорящего" в докладе И.С. Лисовской (Гродно). О необходимости риторики как необходимой составляющей в формировании языковой личности, а также пути "риторизации" образования (среднего и высшего) в Беларуси и России говорилось в докладах С.М. Антоновой (Гродно), Е.Н. Новик (Гродно), С.Е. и Е.Б. Тихоновых (Салехард).

Лингвотекстологической и лингвокультурологической про-

блематике была посвящена работа секции "Язык. Литература. Культура".

В докладе М.Д. Путровой (Новополоцк) приводятся экспериментальные доказательства текстообразующей роли голоса, постулируется важность передаваемой голосом гендерной информации. С.А. Горская (Гродно) предлагает трактовку концепта "озеро", основанную на известной системе четырехступенчатой (исторической, тропологической, аллегорической, анагогической) классификации смыслов Св. Писания. Сопоставительный обзор наблюдений над символикой солнца и воды в свадебных обрядах славянских и других народов дается в докладе О.В. Касперович (Минск), основные сакральные функции колоратива "красный" в текстах русских и белорусских заговоров на фоне других славянских культур – в докладе И.Г. Евтуховой (Гомель). Типологии авторской афористики Я. Коласа посвящен доклад Ю.В. Назаренко (Минск), цветописы ранних произведений К.Г. Паустовского – доклад Т.В. Павлюкевич (Гродно), в котором, в частности, автор подвергает сомнению существующее утверждение, что любимым цветом писателя был серый: количественные данные свидетельствуют о том, что романтизм раннего Паустовского проявляется в тяготении к черному цвету. Анализ метонимии и синекдохи в теории тропов и фигур византийского филолога Хировоска (VI) дан в докладе О.Г. Прокопчук (Минск). Н.Г. Музыченко на материале словарных дефиниций, речевых клише и результатов ассоциативного эксперимента обрисовала концептосферу слова *гора* в русской лингвокультуре. Подчеркнув пионерский характер некоторых на-

учных положений Е.Ф. Карского, Т.Г. Бобкова (Могилев) на ряде фактов из истории науки и культуры привела примеры других белорусских приоритетов в этих областях человеческого знания.

При подведении итогов IX Карских чтений выступающими отмечались высокий представительский и научный уровень данной конференции, ее растущая популярность в научных кругах, исследовательская компетентность и активность молодых ученых. Но главное достижение чтений – это усиливающееся и расширяющееся внимание отечественных и зарубежных лингвистов к научному наследию и личности Е.Ф. Карского, это востребованность его фундаментального труда "Белорусы", прочтение этого труда с позиций современной научной парадигмы и убежденность в актуальности многих его положений, это приобщение к научной школе и личности ученого-подвижника.

Сборник материалов чтений в двух частях подготовлен к изданию и выйдет из печати в первом квартале 2003 года.

Следующие, X Карские чтения (дважды юбилейные, к 145-летию Е.Ф. Карского) планируется провести в мае 2005 года. Оргкомитет Карских чтений обращается к представителям всех университетов и научных центров, которые в той или иной мере связаны с именем, научным наследием и деятельностью Е.Ф. Карского (Санкт-Петербургский, Московский, Киевский, Варшавский университеты, Российская и Чешская академии наук и др.), с просьбой принять участие в подготовке к юбилейным Карским чтениям и ждет предложений.

М.И. Конюшкевич (Гродно)

5–7 июля 2002 г. в монастыре Кре-Берар (кантон Во, Швейцария) состоялся международный colloquium "Филологические, эпистемологические и идеологические основания дискурса о языке в СССР. 1917–1950", организованный Центром исследований в области сравнительной эпистемологии центрально- и восточноевропейской лингвистики и Отделением славистики Лозаннского университета. На colloquium был заслушан 21 доклад специалистов из России, Грузии, Эстонии, США, Великобритании, Франции, Швейцарии, Чехии, Испании, Израиля. Тематика докладов была достаточно ши-

рокой, нередко выходя за содержательные и временные рамки, установленные названием colloquiuma.

Как подчеркнул в обращении к участникам colloquiuma его организатор – профессор Лозаннского университета П. Серрио, – одна из основных целей проведения colloquiuma состоит в изучении мало исследованного аспекта советской культуры 1917–1950 гг., связанного с разными подходами к понятию "язык". При этом было бы интересно обратиться не только к работам профессиональных лингвистов, но и к трудам представителей других специальностей, затрагивающих языковые проблемы, а также к

анализу проектов искусственных языков того времени, языковых утопий, понятия "марксистской науки" и отношений между наукой и идеологией.

В докладе П. Серрио речь шла о теоретических основах концепций Р. Якобсона в 20–30-е гг. Отмечено, в частности, влияние, которое испытали Якобсон и евразийцы в целом со стороны немецкой романтической философии и антидарвинистских биологических концепций XIX в. и начала XX в. Последние концепции повлияли на некоторые постулаты Р. Якобсона: отказ от идеи случайного в языковом развитии, интерес к типологии, телеология, языковая конвергенция и др. Особую значимость, по мнению П. Серрио, приобрели для евразийцев идеи номогенеза Л.С. Берга. Тематически к этому докладу примыкал доклад К. Куллы (Тарту), где говорилось о связи между методологией биологии и лингвистики; три основных способа понимания эволюции в биологии: лестница (господствовавшая по XVIII в. включительно), дерево (в дарвинизме и др.) и сеть (у некоторых ученых XX в.) – нашли отражение и в концепциях развития языков, причем в обеих науках древесный подход (ср. дарвинизм и классическую компаративистику) получил наибольшее развитие, а более глубокие, по мнению докладчика, идеи Л.С. Берга, А.А. Любищева и лингвистов, допускающих как конвергенцию, так и дивергенцию языков, не стали господствующими. Р. Якобсону также был посвящен доклад Т. Гланца (Прага), где анализировалась терминология неизданного курса этого ученого о русском формализме (1935 г.), в частности, метафорическое использование военных терминов.

О "двух разных лингвистиках" межвоенного периода в СССР шла речь и в тезисах Т.М. Николаевой (Москва), к сожалению, не приехавшей на коллоквиум. Для первой лингвистики была важна проблема исходных первичных единиц языка, имеющих диффузную семантику, – в связи с этим естественным кажется интерес исследователей (С. Карцевский, марристы, отчасти Л.В. Щерба) к происхождению языка и его ранней эволюции. Второе направление связано с Московским лингвистическим кружком и развитием фонологии, а также с последующим "поуровневым" представлением языка. Первая лингвистика практически исчезла после войны, а тотальная "фонологизация" языкознания принесла отечественной лингвистике не только пользу, проявившуюся в построении абстрагированных систем, но и вытеснение некоторых проблем языкознания из поля зрения лингвистов.

В двух докладах рассматривалось влияние марксизма на советскую науку о языке. В.М. Алпатов (Москва) рассматривал различные попытки построения марксистской лингвистики в СССР в 20–30-е гг.: у марристов, языкофронтовцев, Е.Д. Поливанова, В.Н. Волошинова. В докладе А.Д. Дуличенко (Тарту) речь шла о проектах всеобщего языка коммунизма в марксистской перспективе. Отношение марксистов к искусственным языкам в разное время было разным, и акцент ставился на разных аспектах данной проблематики. Концепции создания "пролетарского эсперанто", одно время поддерживавшиеся и Н.Я. Марром, были связаны с тезисом И.В. Сталина о том, что в коммунистическом будущем все языки сольются в один. Однако позднее И.В. Сталин говорил о формировании так называемых зональных языков – естественных языков международного распространения, – которые выполняли бы функции всеобщих; это исключало разработку искусственных международных языков. В докладе рассмотрены идеи Э.К. Дрезена и других исследователей проблемы международного языка в 20-е гг.

Среди советских ученых рассматриваемого периода наибольшего внимания на коллоквиуме удостоились наиболее известные на Западе Н.Я. Марр и М.М. Бахтин. Е. Вельмезова (Москва–Лозанна) сопоставила лингвистические, литературоведческие и биологические концепции 20–30-х гг. По ее мнению, в каждой из этих дисциплин делались попытки "стирания границ" между основными объектами своего изучения, будто язык, литературный жанр или биологический вид. Предложенный Т.Д. Лысенко метод предполагал возможность скрещивания растительных видов, Н.Я. Марр говорил о скрещении языков, тогда как О.М. Фрейденберг обсуждала условный и относительный характер границ, разделяющих литературные жанры. Во всех этих науках менялся и характер взглядов на эволюцию языков, жанров или видов. Вслед за антидарвинистской концепцией Л.С. Берга (эволюция видов осуществляется путем конвергенции), Н.Я. Марр в противоположность традиционной схеме развития языков в компаративистике предполагал развитие языков от исходного множества к единству; наконец, О.М. Фрейденберг ставила целью своих исследований раскрытие "схождений" "разнородного" в эволюции литературных жанров.

О Н.Я. Марре говорилось также и в докладе Т. Гванцеладзе (Тбилиси) в связи с его полемикой с грузинскими учениками и в докладе К. Брендиста (Шеффилд), где

ставился вопрос о возможном влиянии на М.М. Бахтина некоторых марровских идей. В.Н. Б а з ы л е в (Москва) говорил о явлении, названном Б.А. Серебрянниковым "неомарризмом", выделяя попытки некоторых лингвистов в разные периоды возродить ряд идей Н.Я. Марра; эти попытки он связывал с изменениями политической ситуации в стране.

Еще больше говорилось на коллоквиуме о М.М. Бахтине и о "волошиновском цикле" (отметим, что никто из докладчиков не отрицал той или иной степени участия В.Н. Волошинова в написании работ, изданных под его именем, а некоторые признавали его их основным автором). К. Брендист рассматривал возможные источники идей бахтинского круга по вопросам языка; помимо Н.Я. Марра он обращал внимание на К. Бюлера и Л.П. Якубинского. К. Збинден (Лозанна-Шеффилд) рассказала о философских основаниях бахтинской концепции диалога, упомянув, в частности, такие несовместимые модели представлений, как гегельянство и неокантианство; в докладе также говорилось об отношении М.М. Бахтина к русским формалистам. Б. В о т ь е (Мадрид) говорила о восприятии идей М.М. Бахтина на Западе. Отчасти примыкал к этой группе и доклад К.А. Д о л и н и н а (Санкт-Петербург), который, отвергая концепцию функциональных стилей В.В. Виноградова, предлагал в качестве альтернативы развитие концепции речевых жанров, разработанной М.М. Бахтиным в 50-е гг.

На коллоквиуме рассматривались и идеи ученых, недостаточно известных за пределами России и СНГ. И. И в а н о в а (Санкт-Петербург-Женева) говорила о концепции диалога Л.П. Якубинского. Как подчеркнула исследовательница, становление теории диалога можно считать одной из наиболее характерных особенностей мировой лингвистики последней четверти двадцатого века; при этом создателем теории диалога обычно считают М.М. Бахтина, хотя Л.П. Якубинский развивал теорию диалога раньше и его следует считать ее родоначальником. Т. Б о л к в а д з е (Тбилиси) рассказывала о лингвистических идеях совершенно не известного на Западе А.С. Чикобава, о его оценках теорий Г. Пауля, Ф. де Соссюра, Н.С. Трубецкого, В. Брэндала и др., о его последовательной борьбе с марризмом.

Отметим также доклад Ж. Фридриш (Женева) о специфике концепции внутренней речи Л.С. Выгодского и ее связи с другими лингвистическими теориями 20–30-х гг., в том числе работами членов Пражского лингвистического кружка и Л.П. Якубинского. Рассмотрение идей Л.П. Якубинского сразу в

трех докладах коллоквиума показывает, что они вызывают к себе все больший интерес в мировой науке.

Особое место на коллоквиуме занимали доклад Л. Геллера (Лозанна) о русских утопистах, в частности, о малоизвестной книге И.В. Виноградова "Теория мирового разума" и о работах П. Успенского, и доклад Б. Г а с п а р о в а (Нью-Йорк), посвященный эволюции мировоззрения О.Э. Мандельштама в 30-е гг., проявившейся в его поэтическом языке; в последнем докладе проводились параллели между О.Э. Мандельштамом, М.М. Бахтиным и Н.Я. Марром.

Наконец, целая группа докладов была посвящена советской языковой политике в 20–30-е, а иногда и в последующие годы. Сразу в двух докладах: К. В у л и з е р а (Остин, США) и В. С и м а н е к (Париж), говорилось о языковой политике в Белоруссии в 20–30-е гг., не раз менявшейся, и о различных концепциях развития белорусского языка. Как отметил К. Вулизер, шла борьба между "национал-демократами", стремившимися оградить язык от иностранных заимствований в целях повышения национального самосознания белорусов, и их противниками, которые ратовали за сближение белорусского языка с русским, что способствовало бы, по их мнению, преодолению "национальной ограниченности" жителей Белоруссии. П. В е к с л е р (Тель-Авив) сопоставлял языковую политику в отношении идиша в СССР в 20–30-е гг. и в других странах, показывая, насколько поразному шли нормализационные процессы. В докладе также высказывалась концепция об идише как смешанном, креольском языке (сходные идеи когда-то высказывал И.А. Бодуэн де Куртене): при преобладании германизмов в базовой лексике грамматика здесь во многом славянского происхождения.

Наиболее общие вопросы языковой политики в СССР рассматривались в уже упомянутом докладе Т. Гванцеладзе и в докладе Н.Б. В а х т и н а (Санкт-Петербург). Первый на материале языков Кавказа, а второй на материале языков народов Севера дали крайне негативную оценку советской языковой политики за весь период 1917–1991 гг., в то же время отмечая различия этой политики до и после середины 30-х гг. Если первоначально много внимания уделялось развитию самых малых языков, созданию письменностей и установлению литературных норм, то затем возобладала форсированная русификация. Т. Гванцеладзе в целом положительно оценивал сделанное в первые десятилетия после революции, тогда как, по мнению Н.Б. Вахтина, и эта политика была не-

эффективной, основываясь на утопических представлениях. Последующую русификаторскую политику оба докладчика оценили резко отрицательно, расходясь, однако, в объяснении ее причин: то, что Т. Гванцеладзе считает результатом сознательной злой воли, Н.Б. Вахтин скорее приписывает низкой культуре и непоследовательности советского руководства. В прениях по обоим докладам отмечалось, что советский опыт в области развития малых языков все-таки содержал и немало положительного.

Коллоквиум завершился общей дискуссией, участники которой, горячо поблагодарив

организаторов, отметили, что коллоквиум стал первой в Западной Европе конференцией, посвященной эпистемологии советской лингвистики. В самой России эпистемологические исследования в области истории лингвистики ведутся сегодня очень немногими, а потому тем более интересным, по словам П. Серию, было организовать встречу не в России, а на "нейтральной почве", в Швейцарии. Все участники коллоквиума выразили надежду на дальнейшее сотрудничество и научные контакты.

В.М. Алпатов, Е.В. Вельмезова (Москва)

10–12 сентября 2002 года в г. Брно (Чехия) состоялся этимологический симпозиум. Регулярные встречи этимологов в кругу специальных симпозиумов стали эффективной научной традицией, начало которой было положено симпозиумом, организованным в 1967 г. Отделом этимологии Института русского языка АН СССР в Москве.

В Брно это мероприятие проведено уже во второй раз (первый был в 1999 г.) и было организовано Этимологическим отделом Института чешского языка АН ЧР. Коллектив Отдела имеет фундаментальные научные традиции и создает этимологический словарь старославянского языка (опубликовано 11 выпусков).

Научной деятельностью и инициативе брненских этимологов оказывают внимание и поддержку научная и городская администрация. На открытии симпозиума выступили с приветствиями мэр г. Брно доктор П. Духонь, декан философского факультета Университета им. Масарика докт. Я. Павлик, директор Института чешского языка АН ЧР докт. С. Чмейркова, вице-президент АН ЧР докт. Л. Петранёва, председатель чешского национального комитета славистов проф. И. Поспишил. В симпозиуме приняли участие ученые из 11 стран, было заслушано 36 докладов (в том числе 15 чешских специалистов, 5 российских).

Организаторы симпозиума связали время его проведения с памятными датами жизни выдающегося чешского слависта Антонина Маценауэра (1823–1893), одного из основоположников славянской этимологии, значительный период деятельности которого протекал в Брно. Творческому пути ученого, обзору его научных трудов был посвящен доклад Е. Гавловой (Чехия) "К опублико-

ванным и неопубликованным трудам А. Маценауэра", в котором убедительно показан приоритет Маценауэра в разработке сравнительно-этимологического словаря славянских языков. Результаты его исследований в значительной своей части включены в словарь Ф. Миклошича. В докладе впервые опубликованы некоторые из ранее неизвестных словарных статей. Эта публикация была воспринята с большим интересом.

История болгарской этимологии стала предметом доклада И. Дуриданова (Болгария) "Достижения и перспективы болгарской этимологии". Автор осветил вклад болгарских ученых (Раковского, Герова, Младенова, Георгиева) в исследование происхождения лексики болгарского и других славянских языков, остановившись на критике их методики. В качестве первостепенной задачи болгарской этимологии докладчик назвал вскрытие пласта болгарского субстрата в болгарском языке. В дискуссии по докладу была отмечена значительная работанность этого вопроса и спорность некоторых новейших решений этого плана.

Традиционно значительное внимание этимологов обращается к проблемам исторической фонетики. Ш. Ондруш (Словакия) в докладе "Индоевропейский переместительный аблаут и славянская этимология" предложил, исходя из структуры и-е. основы $C_1VC_2VC_3V$ (т. е. по существу – базы Хирта), новые этимологические связи для ряда праславянских лексем (например, родство слав. *nevěsta со *snubiti и далее с греч. νύμφη), но фонетические реконструкции на индоевропейском уровне вызвали критику. Весьма интересные аспекты славянской фонетики были рассмотрены на материале славянских заимствований в неславянские языки. Р.-П. Риттер (Польша) в докладе "О пред-

полагаемом изменении *o > a в некоторых славянских заимствованиях венгерского языка" показал теоретическую слабость гипотезы об упомянутом изменении (учитывая происхождение слов *o < *ā) и использовал данные фиксации a в венгерском для подтверждения позднего сохранения праславянского ā (аканья по Георгиеву) Славянские заимствования в румынский язык М М и т у (Румыния) рассмотрел с точки зрения отражения праславянских слоговых плавных ("Праслав r, l в румынских словах славянского происхождения") и обнаружил разнообразие рефлексов, обусловленное различием славянских языков-источников, причем автор выявил влияние южнославянских заимствований на оформление полонизмов и особую экспрессивно-стилистическую роль южнославянизмов Впрочем, выступавшие в дискуссии по докладу предложили автору учесть потенциальную роль диалектных различий в славянских языках и собственно румынских диалектных различий

Словообразовательный аспект этимологии был также представлен весьма интересными докладами А. Лома (Югославия) предложил диахронический анализ типов славянских сложений ("Наблюдения над раннеславянскими именными сложениями и их индоевропейскими истоками"), начиная с индоевропейских прототипов и вплоть до ранней истории отдельных славянских языков Доклад вызвал всеобщее внимание и активное обсуждение обилием материала и новыми этимологическими решениями (например, *rǫkavъ < * rǫko + ov- (< -uti), *proso < и -e pro-sH - 'сев', *eskra < *āidhs-k'r-, ср. греч αἴθος 'огонь' и слав kuriti) Впрочем, некоторые из этих новых этимологий были сразу же оспорены (*proso), подверглись критике и теоретические ориентиры автора (толкование префиксальных образований как сложений) Глагольному словообразованию был посвящен доклад В Со вы (Польша) "Греко-славянские сопоставления замечания к славянскому первичному презенсу" тщательное сравнение словоформ в отношении вокализма корня и структуры суффикса обнаружило ограниченность точных соответствий Необходимость пристального внимания к функциональной характеристике словообразовательной модели в этимологии продемонстрировал Б. Выкипел (Чехия) в докладе "Об одном нижнелужицком словообразовательном архаизме" автор оспаривает признанную исследователями возможность структурного отождествления (при суф. *-itъ) и -луж. стар knehsstz 'правитель, господин' со ст-чеш kněžic 'сын правителя' в силу

различия значений и предполагает для -луж слова первичность *knežičь, от *knežiti Слушатели высказали сомнения в реальности предполагаемых последующих преобразований

Собственно проблематике преобразований был посвящен доклад Ж В а р б о т (Россия) "К типологии взаимодействия этимологических гнезд", в котором предложена диахроническая и структурная типизация процесса сближения и смешения гнезд В дискуссии, наряду с признанием перспективности темы, были высказаны критические замечания о некоторых предложенных этимологиях (орава – от оравъ 'пахать', дорогу развезло – от др -русск вязти) в отношении семантики

И Димитрова-Тодорова (Болгария) показала масштабы и направления преобразования отдельных лексем в докладе 'Названия растения Helianthus annuus в болгарском языке, примечательны изменения этимологически прозрачных образований в направлении "затемнения" структуры (ср слънчоглед и санголе, цанцуклец) и наибольшая вариативность в районах позднего распространения слова

С проблемой преобразований и, как следствие, затемнения этимологии слова связан по существу доклад К Л е ш б е р (Германия) "Неясные славянские этимологии и их распределение по семантическим полям". как наиболее богатые темными лексемами выделяются названия растений, животных, термины ландшафта, названия предметов быта, обрядовая терминология, отмечена архаичность структур, предполагается потенциальная архаичность и заимствованное (или субстратное) происхождение Хотя последние предположения достаточно спорны, полученные обобщения очень полезны как ориентир для определения направления новых исследований

Ряд докладов был посвящен этимологизации отдельных славянских лексем При этом отчетливо проявилось различие в обращении авторов к формальной (фонетической, словообразовательной) или семантической аргументации. На чисто фонетических данных и аргументах базируется доклад В Б л а ж е - к а (Чехия) "*Ozero versus *ezero" вариантность начала слова автор толкует как следствие изменения o > e перед e следующего слога, предполагает родство *ozero/*ezero с *ězъ и реконструирует и -e *ag^hero- < *H₂e/og^hhero Семантическая аргументация преобладает в докладе Л К у р к и н о й (Россия) 'К реконструкции этимологических связей слав *mylitъ 'обманывать, вводить в заблужде-

ние' опираясь на широкий славянский диалектный материал, автор обосновывает версию родства **muliti* со слав **muliti* 'измельчать, дробить' Слушатели сочли спорным введение в этот круг родственных некоторых образований с начальным *x*- Прекрасно аргументирована семантически версия образования русск *парень* в гнезде **srěti* (ср *спорый, пора, пореть*) А Ж у р а в л е в ы м (Россия, "Восточнославянские этимологии русск *парень*, укр *гарний*"), но модель появления долготы в корне существительного осталась необъясненной Т Г о д о р о в (Болгария) посвятил свой доклад "О происхождении болгарских глаголов *отмалывам* (сов вид *отмалая*), *премалывам* (сов вид *премалая*)' исключительно семантическому обоснованию родства глаголов со значением 'ослабевать' и *мал* Высказанные в дискуссии возражения касались спорности перехода 'маленький' → 'слабый' для болгарского языка Весьма поучительный опыт объективного сопоставления нескольких этимологических версий, причем преимущественно в семантическом плане, представлен М Б е л е т и ч (Югославия) в докладе "Заметки к исследованию сербо-хорв *кожасити се*" привождая исчерпывающий материал, автор предлагает два решения (к праслав **koiti-* или к др-инд *уакса* 'появляться') Слушатели отметили недоработанность морфологического аспекта обоих решений Большой интерес, живое обсуждение и поддержку встретил доклад Л К р а л и к а (Словакия) "Из словацкой диалектной лексики", посвященный слову *Hariani* 'мифические великаны' слово возводится к названию ариан – последователей арианской ереси, изменения его значения связаны с историей религиозных представлений (вероятно, 'последователь арианства' → 'еретик, иноверец' [= 'сторонник реформации'] → 'великан') В дискуссии были упомянуты различные коннотации лексем с семантикой 'иноверец' и желательность более детальной проработки этапа появления значения 'великан'

В докладах симпозиума большое внимание уделено разным аспектам семантического анализа Тщательный текстологический анализ, к которому присоединяется анализ диалектного материала и близкой лексики из других славянских языков, сравнительный анализ синонимичных слов, индоевропейские соответствия и т д позволили Ж Ш а р а п а т к о в о й (Чехия, "Замечания к семантике некоторых старославянских слов") внести существенные уточнения в принятые Пражским словарем старославянского языка (SJS) толкования семантики некоторых слов,

более точно определить отправные моменты в семантической эволюции этих слов и соответственно обосновать генетические связи слов в словаре ср уточнение значения ст-слав *накладъ* 'кованая накладка, острое', ст-слав *онъсица* 'тот, о котором была речь', ср в SJS 'один, некий', ц-слав *приплатити сѧ*, для которого восстанавливается родство с глаголом **plesti*, означало 'присоединиться к чему-л', в SJS 'прилепиться', ст-слав *сыгрѣшеник* ~ не только 'грех', но еще и 'ошибка', ст-слав *покрѣта хлѣвъ отъ покрѣты*, сближаемое с ц-слав *искрѣпати* 'разбивать', первоначально связано с помолотом зерна, т е 'хлеб из размолотого зерна', а значение 'лепешка, хлеб' вторично и т д

Реконструкция древнего значения, семантической эволюции слова по сохранившимся в языке архаичным элементам нередко сыграет решающую роль при оценке или выборе того и иного этимологического решения В процессе развития с ослаблением первичной семантики возникают новые ассоциативные связи, нередко только этот верхний семантический слой принимается во внимание при установлении родственных связей в словаре Выявляя архаичные элементы в семантической структуре болгарских диалектизмов М Рачева (Болгария, "К проблеме семантической имплицитности") на большом материале показывает, что за многими словами с разнородной семантикой, трактуемых в литературе как гомогенные образования, стоят гетерогенные омонимы По мнению М Рачевой, разные истоки имеют болг *заезывам* 'заполнить пылью и дымом' (< **eziti*) ~ *яз* 'плотина', *къртя* 'спать' (< **kr'uti*, звукоподражание) ~ *къртя* 'ломать' (< *(*s*)*ker-* 'резать'), *ноп* 'подпорка' ~ *ноп* 'священник', *тегар* 'кожаная сумка' (< вост-иран) ~ *тега* 'палка' (< тюрк) ~ *тегара* 'бить' (~ **тегам*, *тегна* 'тянуть, дергать' < **tegati*) В ряде случаев через семантику открывается путь к раскрытию аутентичной формы слова (ср болг *личей* < *дивличей*, название растения, *рета се* 'буйствовать' < праслав *retiti se*)

В докладе В В М а р т ы н о в а (Белоруссия, "Славянская этимология и скрытая двухкомпонентность слова") путем верификации принципа 'неизвестное через известное' (Бодуэн де Куртэне "В недоступном не может наблюдаться ничего такого, что не наблюдалось бы в доступном") с привлечением некоторых математических теорий (теория рекурсивной функции) обосновывается положение о двухкомпонентной структуре языковых единиц разных уровней (синтаксис словосочетаний, словообразование и т п) Именно эта исходная посылка лежит в основе предлагае-

мых автором решений семантических задач: ср. слав. **ne-vešta*, толкуемое как 'неродная' со второй частью, родственной ст.-слав. *вьсь* 'деревня', первонач. 'род'; слав. **čelo-věkъ* < **koli-věkъ*; слав. название крапивы **kopriva* из итал. **kapr-iva*, корневая часть совпадает с итал. названием козы (ср. лат. *capra* 'коза'), первонач. 'козья трава' и т. п.

В словарном составе языка особое место занимает лексика, сложившаяся по требованиям табу. В поисках этимологии важно учитывать условия появления заместительных слов, помогающих избежать прямого названия. Предметом рассмотрения И. Янышковой (Чехия, "К вопросу о табу в этимологии") стали связанные с магическими представлениями славян названия животных (волка, зайца, змея), болезней (слав. **prítka*), частей тела и т. п.

Проблема изменения семантического статуса слова в словаре в связи с переходом апеллатива в разряд терминов получила освещение в докладе В. Шаура (Чехия) "Значение, термин и референция в этимологии".

В докладе М. Гомолковой (Чехия, "Об интеграции калькированных значений в лексико-семантические структуры вообще и в структуру ст.-чеш. *přetoci* в частности") представлена детально разработанная для старочешского словаря семантическая структура ст.-чеш. глаголов *přetoci* и *přetáhati*, распадающаяся на две группы в зависимости от наличия или отсутствия объекта, особо выделяется один семантический фрагмент – интранзитивные глаголы, семантика которых калькирована с лат. *praevalere*.

На построение типологии семантической мотивации ориентированы исследования отдельных тематических групп словаря: доклады Г. Мироновой (Чехия) "Номинация головных уборов восточных славян в этнолингвистическом аспекте", Х. Дейковой (Болгария) "Семантическая мотивация и принципы номинации славянских названий птиц" (на материале названия птицы *Carduelis carduelis*: чеш. *stehlík*, болг. *щиглец*, русск. *щегол* и т. д.). Анализ принципов номинации и семантических преобразований в группе лексем со значением 'толстый' (слав. **rbstьь*, **debeľьь*), выявление мотивационных отношений в сфере славянской лексики со значением 'худой' (слав. **хидьь*, **гьдцьь*) с привлечением индоевропейского фона предложен в докладе М. Якубович (Польша) "К исследованию семантических изменений в славянских языках".

Современная наука отмечена поисками разных подходов к восстановлению семантической структуры слова. Одно из активно

разрабатываемых направлений связано с изучением функционирования слова в контексте народной культуры. Этнолингвистический подход дает дополнительный материал для изучения семантической истории слова, способствует выявлению культурной функции слова, семантической мотивации. Значение этнокультурного аспекта в этимологических исследованиях продемонстрировано в докладе Е.Л. Березович (Россия), посвященном анализу одного из фрагментов свадебного обряда – «К специфике "культурной этимологии" (на материале русской лексики, обозначающей отказ при сватовстве)». Выявляемые автором мотивационные модели создают широкий смысловой фон, позволяющий понять семантические связи слов (ср. *кондырить* < *кондырь* 'вид шапки', *калечь* < *калега* 'вид брюквы' и т. п.).

Перед современной наукой стоит задача всестороннего изучения семантики слова во всем многообразии его проявлений на определенном синхронном срезе. Выявление устойчивых связей слова на синхронном уровне помогает решению этимологически трудных задач, вносит уточнения в общепринятые реконструкции исходной семантики. В докладе М. Бжозовской (Польша, "Этимология и коннотация слова в польском") в центре внимания оказываются семантические коннотации. Понимая этимологическое значение широко как структуру, содержащую ядро и периферийную часть (= семантические коннотации), автор на примере названий работы (*robota, praca*) и камня (*kamień, skała, gład, brylant, diament*) прослеживает, в каком отношении находятся этимологическое значение и семантические коннотации слова, какие устойчивые этимологические признаки и в каком объеме устойчиво, стабильно выражаются в клишированных связях слов, какие признаки можно отнести к категории переменчивых. Включение слова в ассоциативные связи является дополнительным резервом в комплексном подходе к этимологии.

Одна из важнейших проблем связана с исследованием славянского субстрата в неславянских языках. Пристальный интерес к этой проблеме продиктован тем, что субстратная лексика является одним из источников пополнения древнего состава славянского словаря. Субстратная лексика помогает полнее выявить процессы языковой интерференции, языковых контактов и на этой основе восстановить основные направления славянских миграций. В докладе Г. Хольцера (Австрия, "О словарном составе славянского субстрата на территории Австрии") ставится вопрос, из каких слоев состоит лек-

сика славянского происхождения на территории Австрии, которая в VII–XII вв. входила в область славянских поселений, с какими славянскими диалектами и культурно-географическими ареалами связана эта часть словаря. В составе субстратной лексики автор выделяет два культурных слоя – христианскую терминологию и лексику, связанную с торговлей. Эта лексика, по определению автора, имеет ярко выраженные признаки словенского и чешского языков. Сходство словарей *Slavia Orthodoxa* и западнославянской языковой области рассматривается как отражение культурно-исторических процессов, связанных с развитием торговых отношений и миссионерской деятельностью каролингов с центром в Зальцбурге, Эммераме. Именно с этими центрами связаны языковые особенности древних памятников – Евхологии Синайской, Фрейзингских отрывков, Киевских листов. Одно из важных наблюдений автора состоит в том, что в изучаемом ареале присутствует общий пласт лексики, обязанный воздействию древнего субстрата: ср. слав. **myto* < позднегот. **mūta* и др. К проблеме русского субстрата в языках Сибири обращается в своем докладе А. Аникин (Россия, «Из работы над "Этимологическим словарем заимствований в языках Сибири"»). Проследивая процесс лексической интерференции русского языка и языков аборигенов Сибири (XVI–XVII вв.), автор выявляет слова, почти полностью утраченные в русском языке и сохранившиеся в виде заимствований (ср. плотничный термин в якут. *sakāt* 'выемка в краях досок' < русск. *zacadе = zаkad (zakat)* 'шпун, фальс в стolarных работах' из словаря Джемса XVII в.), а также слова, которые, вопреки установившемуся мнению о заимствовании, относятся к той части русского словаря, которая сложилась под влиянием других языков (ср. селькуп. *pāmet* 'ключица' < русск. *память* в значении 'грудная кость птицы' в XVII в. под иноязычным влиянием, ср. тат. *yādiš svāga* 'дужка ключицы' < перс. *yādādāst* 'я вспомнил', 'игра в ломаные дужки'). В ходе анализа уточняется происхождение некоторых слов: например, русск. *марь* 'болотистая местность' не заимствовано из якут *maap*, оно является реликтом праслав **mar-*, родственного др.-в.-нем. *muor* 'болото' < герм. *mōra-* (при кратком гласном в русск. *more*). Проблеме доиндоевропейского и индоевропейского наследия в составе топонимических названий на территории Чехии и Словакии в контексте отношения языка и древних археологических культур посвящен доклад С. Палиги (Румыния, "Архаичные топонимы в славянском ареале"). К дославян-

скому наследию автор относит название *Praha* (< и.-е. **P-R-*, **B-R-* 'камень, гора' ~ *Brno*), *Pizeň* (< дои.-е. **P-L-*, **P-R-*), *Tatry* (< дои.-е. **T-T-*) и т. д. В ходе дискуссии методы реконструкции исходных форм были поставлены под сомнение.

Предложенный в докладе Х. Карликовой (Чехия, "О некоторых хорватизмах в старочешском языке") анализ языкового материала предостерегает против прямолинейного решения сложной проблемы взаимодействия старочешского и церковнославянского языка хорватской редакции. Автор пересматривает статус некоторых слов, традиционно относимых в литературе к числу хорватизмов. Углубленное изучение лексики заставляет усомниться в правильности традиционного отнесения ст.-чеш. *holet* 'иной, изморозь' (ср. чеш. диал. *holot*, *holot* 'гололедица', русск. *голомь*) к числу хорватизмов. Признавая исконный характер ст.-чеш. слова, автор предлагает новое этимологическое истолкование на основе чередования с продолжениями слав. **želd-* (ц.-слав. *жѣлѣница* 'гололедица'). Напротив, в отношении другого ст.-чеш. слова – *hradobit* 'град', в формальном и семантическом плане сходного с хорв. *gradobit* 'град' (ср. еще польск. арх. *gradobity* 'побитый градом', русск. *gradobitnie* и т. п.), с опорой на словообразовательный критерий, делается вывод о лексическом заимствовании *ad hoc* хорватского происхождения.

Обращаясь к проблеме "Заимствования в современных этимологических словарях славянских языков". Й. Рейнхарт (Австрия) приводит список лексемы, получившие неудовлетворительное объяснение в "Этимологическом словаре польского языка" А. Баньковского; вносит коррективы и дополнения в толкование ряда слов в "Хорватском этимологическом словаре" А. Глухака (ср. ст.-слав. *притъча* – калька с греч. *παρά-βολή* ~ *βόλλειν*), в "Чешском этимологическом словаре" Й. Рейзека (ср. чеш. *slušet* в значении 'принадлежать' – семантическая калька с латинского; ошибочное объяснение слова *kryza* из русского и т. п.), в "Словенском этимологическом словаре" М. Сноя (ср. словен. *žebрати* 'просить', *kōnj, svila* 'шелк' и т. п.). В заключение в докладе приведены замечания автора по поводу истолкования слов *корь* и *львь* в "Этимологическом словаре старославянского языка".

Ареальные связи, выявляемые в ходе этимологического анализа, дают материал для понимания вопросов славянского лингвонеза, формирования диалектных отношений на карте праславянского языка. Разные аспекты этимологического исследования вы-

ступают на первый план при выявлении словенско-чешских изолекс в докладе Й. Рейзека (Чехия) "Четыре словенско-чешских лексических изоглосс": словообразовательные и семантические аспекты наиболее существенны при изучении изолированных в словаре чеш. *koprnět* 'деревенеть, неметь' и словен. *koprněti* 'жаждать чего-л., стремиться к чему-л.', стар. 'очень бояться, деревенеть от страха'; реконструкция семантической эволюции стала основой для сближения чеш. *pořouchlý* 'лукавый, коварный' и словен. *pořuhjen* 'притворный, пронырливый, коварный'; новое этимологическое решение вытекает из сближения чеш. *pelichat* 'терять перья, шерсть' и словен. стар. *peliha* 'веснушка, пятно на лице' < и.-е. **pel-* 'пятно' + *iha*, а также чеш. *oprat* 'повод, возжи' и словен. *opratn* ~ **poriti* 'проводить, сопровождать'. В развитие и подтверждение идеи В. Н. Топорова о наличии балтийского субстрата на землях Чехии И. И. Лучыц-Федарэц (Белоруссия, "О возможных чешско-балтийских параллелях") приводит целый ряд чешско-балтийских лексических изоглосс, который открывает новое направление в поисках древних лексических связей (чеш. *brečet* 'плакать' ~ лтш. *brecet*, чеш. *suš* 'вошина' ~

лит. *sausas* 'сухая вошина', чеш. *šampat* 'шлепать по грязи' ~ лит. *šėmpinti* 'шлепать' и т. д.).

Ст. Клоферова (Чехия, "Ареальная лингвистика и семантическое образование слов") прослеживает по материалам "Чешского лингвистического атласа" (т. 2, 1997: 65) территориальное распределение слов *bubák*, *pípa*, *rupík*, *šušej*, *muška* в значении 'усохшая часть цветка у яблока' и предлагает толкование слова *bubák* в контексте межъязыковых отношений.

Все доклады, прозвучавшие на симпозиуме, направлены на решение конкретных и общетеоретических задач, весьма существенных для развития этимологии. Симпозиум обогатил науку новыми идеями, дал образцы тщательной проработки материала, углубленного исследования отдельных аспектов этимологического анализа. Несомненно, материалы симпозиума привлекут к себе внимание славистов, они будут использованы составителями этимологических словарей. Особо следует подчеркнуть, что симпозиум был прекрасно организован, работа протекала в теплой, дружеской обстановке. Симпозиум способствовал сплочению славистов, работающих в области славянской этимологии.

Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина (Москва)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. *Рукописи* представляются в двух экземплярах: текст и подстрочные примечания *должны быть набраны* через два интервала *на машинке или* через полуторный интервал *в электронном виде*. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес.

1.1. Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу. В состав электронной версии статьи должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации. Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями. На дискете желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты). Во избежание технических неполадок записи на дискете рекомендуется тестировать и проверять на вирусы.

1.2. Подготовка электронной версии основного текста.

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows. При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т.п.). Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете. Размер шрифта – 12.

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter). Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы.

1.3. Подготовка электронной версии графического материала.

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

- для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого;
- векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны: CorelDraw (до версии 8.0), Adobe Illustrator (до версии 8.0), FreeHand (до версии 8.0) или в формате EPS.

- для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi.

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS.

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения. Каждый файл должен содержать один рисунок.

2. *Примеры* в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. Библиография в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

- "Код работы" (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа "и др." или "et al.".

- Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например: Успенский 1994 – *Б.А.Успенский*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М., 1994.

- Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой 1990 – *Н.С.Трубецкой*. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

- Если это сборник или иное аналогичное издание, то "кодом" является одно из двух:

- а) фамилия редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием "ред." (для других языков – ed., hrsg. и т.п.);

- б) сокращенное название и год.

Greenberg 1978 – *J.Greenberg* ed. Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals 1978 – Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2. *В тексте ссылки на литературу* даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992 : 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a].

4. Подстрочные примечания имеют сквозную нумерацию.

5. Непринятые рукописи не возвращаются.

6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

7. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

CONTENTS

A.A. Zaliznjak (Moscow). The oldest Cyrillic alphabet; V.S. Xrakovskij (St.-Petersburg). The category of taxis (general characteristics); E.S. Otin (Donetsk). Connotative onyms and their derivatives in a historical-etymological dictionary of Russian; A.N. Baranov (Moscow). On the types of combinability of metaphorical models; V.F. Vydrin (St.-Petersburg). The tonal systems of the mande languages. A short survey; V.M. Alpatov (Moscow). A hundred years after. Do forecasts come true?; G.P. Neščimenko (Moscow). In memory of the outstanding Czech scientist Miloš Dokulil; **Reviews:** M. Guiraud-Weber (Aix-en-Provence). E.V. Petrušina. Aspect categories of the verb in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian; V.K. Žuravlev (Moscow). V. Potapov. Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus; E.I. Golanova (Moscow). N.A. Yanko-Trinit'skaja. Word-formation in contemporary Russian; V.T. Klokov (Saratov). A. Queffelec, Y. Derradji, V. Debov, D. Smaali-Dekdouk, Y. Cherrad-Benchefra. Le français en Algérie. Lexique et dynamique des langues; **Chronicle features.**

Сдано в набор 23.12.2002

Подписано к печати 13.02.2003

Формат 70 × 100^{1/16}

Офсетная печать.

Усл. печ.л. 13,0

Усл. кр.-отт. 20,0 тыс.

Уч.-изд.л. 15,4

Бум. л. 5,0

Тираж 1512 экз. Зак. 7082

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.

в Министерстве печати и информации Российской Федерации

Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,

телефон 201-25-16

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва. Шубинский пер., 6